

**ВОПРОСЫ
БОРЬБЫ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ
НА СОВРЕМЕННОМ
ЭТАПЕ**

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки

Кафедра уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики

ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Межведомственный сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1978

44/5458

180

В настоящем сборнике научных трудов рассматриваются общетеоретические проблемы борьбы с преступностью, а также вопросы совершенствования и применения отдельных институтов уголовного и уголовно-процессуального законодательства, некоторые дискуссионные вопросы криминологии и криминалистики.

Сборник предназначен для научных работников, аспирантов и студентов старших курсов, а также для практических работников, интересующихся проблемными вопросами теории советского уголовного права, уголовного процесса, криминологии и криминалистики.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М.Блум (отв. редактор)

С.Граужинис

А.Лиеле

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ЛГУ им.П.Стучки от 27 января 1978 года

© Латвийский государственный университет им.П.Стучки, 1978

В II000-031y 166-78
М 812(II)-78

Из большого количества законодательных актов, изданных советскими органами Латвии в 1919 г.,¹ значительная часть - около 200 актов, содержали уголовно-правовые нормы. Различные по форме и содержанию эти законодательные акты были изданы не только центральными органами государственной и исполнительной власти (ЦИК Латвии, Советское правительство Латвии, Совет Революционной борьбы, комиссариаты), но и местными органами (Рижский Совет рабочих депутатов, его исполнительный комитет, уездные советы и др.), которые первыми столкнулись с различными новыми формами преступной деятельности и поэтому были вынуждены незамедлительно и эффективно реагировать на них, не дожидаясь указаний из центра. Следует отметить, что многие из изданных актов, также как в 1917 г.,² были комплексными, ибо содержали нормы различных отраслей права.

Нормы уголовного права содержались в актах различного вида, чаще всего в декретах, распоряжениях, сообщениях, правилах, инструкциях и приказах, но иногда, как и в 1917 г., - в воззваниях. Следует согласиться с Г. Клява, что "в разнообразии законодательных актов выразилась эластичность революционного законодательства и многообразие форм и методов деятельности революционных органов власти. В одном случае был нужен общий декрет, во втором - оперативное распоряжение или строгий приказ, в третьем - воззвание, указание, разъяснение, рекомендация и проч."³

---

¹ Только в официальных изданиях до 22 мая 1919 г. были опубликованы более 400 актов различного содержания. - См. Плотниен А. А. Петр Стучка и истоки советской правовой мысли. Рига, 1970, с. 105.

² О возникновении уголовного права в Латвии в 1917-1918 г. г. см. Р. Ягас А. А. Уголовное право в Латвии в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции (ноябрь 1917-январь 1918 гг.). - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью на современном этапе. 1976, Рига, т. 258, с. 74-91.

³ Kļava G. Padomju varas revolucionārā likumdošana Latvijā 1919. gadā. - P. Stučkas LVU Zin. raksti, 1960, 34. sēj. Rīgā, 65. lpp.

В.М. ГАЛКИН, канд. юрид. наук
ВНИИСЗ (Москва)
М.И. БЛУМ, докт. юрид. наук
ЛГУ им. П. Стучки (Рига)

УГОЛОВНО - ПРАВОВОЙ ЗАПРЕТ

Основная функция советского уголовного права — охранительная, что прямо следует из ч. I ст. I Основ уголовного законодательства. Эта функция осуществляется определением, какие общественно опасные деяния являются преступными, и установлением наказаний, подлежащих применению к лицам, совершившим преступления (ч. 2 ст. I Основ). Иначе говоря, установление оснований и пределов уголовной ответственности — главное содержание уголовного права.

Самостоятельность данной отрасли права коренится в необходимости охраны всего социалистического правопорядка от общественно опасных посягательств при помощи наиболее строгих мер государственного принуждения — наказаний как средств "самозащиты общества против нарушений условий его существования"¹. Тем не менее, отсюда не следует ни то, что, как полагают², уголовное право не имеет "своего собственного" предмета регулирования, ни то, что оно носит исключительно охранительный характер.

Отсутствие предмета регулирования могло бы означать, либо то, что правовые установления лишены регулирующей способности, либо то, что они не образуют отрасли права. Как будто никто подобных суждений об уголовном праве не высказывает. Едва ли можно усомниться в том, что специфический предмет уголовно-правового регулирования — общественные отношения, возникающие вследствие совершения преступления. Ошибочно было бы считать также, что уголовное право выступает лишь как юридический гарант прав и обязанностей, регламентируемых за его пределами. Во-первых, и в качестве гаранта, т.е. своими санкциями, уголовное право оказывает регулятивное воздействие на граждан.

1. Марко К., Энегль Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 531.

2. См. например, Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М., 1962, с. 105-106; Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965, с. 149; Витченко А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов, 1974, с. 86; Оганца Ион. Некоторые замечания по вопросу уголовного правоотношения. — В кн.: Вопросы уголовного права стран народной демократии. М., 1963, с. 187.

Во-вторых, оно предусматривает отдельные обязанности или даже права, юридически нигде не вытекающие, кроме как из него самого (например, обязанность не совершать взяточничества, право на необходимую оборону). В-третьих, некоторые правила, черпающие основное содержание из других отраслей права, в нормах уголовного права конкретизируются (например, с помощью нормы о спекуляции - ст. 154 УК РСФСР, ст. 149 УК ЛатвССР уточняются границы права личной собственности, очерчиваемые ч. 1 ст. 25 Основ гражданского законодательства). В-четвертых, уголовная противоправность не совпадает с общей (иной) противоправностью, поскольку включает в себя специальные признаки, обуславливающие преступность деяний и уголовную ответственность (так, особые способы и цель при нарушении права собственности сообщают гражданскому деликту качество преступления - похищения, мошенничества, вымогательства и т.д.). Тем самым "уголовно-правовые обязанности" разнообразят всеобщую картину юридических обязанностей, проливающих систему права¹.

Вывод, к которому присоединяются теперь многие, таков: уголовное право активно участвует в позитивном правовом регулировании вместе со всеми другими отраслями права². Эту свою регулятивную функцию уголовное право выполняет прежде всего и главным образом посредством запретов³.

1. Отметим, что охранительная функция права никогда не предстает в "чистом" виде, неизменно сочетаясь с регулятивной. Т.к. охранительные нормы оказывают регулирующее действие своими санкциями, непосредственно регулируют отношения, возникающие вследствие правонарушений, и часто устанавливают или корректируют первичные обязанности. Поэтому было бы полнее и точнее рассматриваемую функцию именовать охранительно-регулятивной в отличие от "просто" регулятивной.

2. См.: Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву М., 1960, с. 12-13; Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961, с. 161; Коган В.М. Логико-юридическая структура советского уголовного закона. Алма-Ата, 1965, с. 34; Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967, с. 102; Ковалев М.И. Советское уголовное право. Свердловск, 1974, с. 83; Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974, с. 9-10; Вратусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976, с. 110; Сабо Имре. Основы теории права. М., 1974, с. 57.

3. Регулятивная функция уголовного права выражена также в его уполномочивающих нормах (необходимая оборона, крайняя необходимость и др.), которые здесь не рассматриваются.

Уголовно-правовой запрет - это содержащееся в уголовном законе предписание, обязывающее воздерживаться от совершения преступления. Теоретически можно различать конкретный запрет, обязывающий не совершать преступления определенного вида, и общий запрет, распространяющийся на все преступления.

Против концепции уголовно-правовых запретов было выдвинуто такое возражение: нормы уголовного права вообще не могут быть нарушены теми, к кому они применяются, и совершение преступления есть не нарушение уголовного закона, а наоборот, соответствие ему, условие его применения¹. Суждение это, абсолютизирующее охранительную функцию права, покоится на утрировании внешней формы закона, в тексте которого не значится слово "запрещается", хотя оно неизменно подразумевается и опущено лишь по соображениям "экономии места"². Отрицать уголовно-правовые запреты - значит исходить из того, что главная задача уголовного права состоит в наказании виновных, а не в предупреждении преступлений, что, конечно, извращало бы основы уголовной политики, в особенности в условиях социалистического общества.

Еще одно возражение, но уже иного рода, заключается в следующем: если считать, что уголовное право реализуется не только через применение, но и путем соблюдения запретов, получается, что честные граждане "выполняют уголовно-правовые обязанности"³. Мы не видим в этой формуле ничего одиозного: закон всеобщ, и юридически безразлично, объясняется правомерное поведение страхом перед санкциями, самодисциплиной или нравственными установками и привычками. Социологический вопрос о реальной роли закона, включая уголовный, в мотивации поведения людей нельзя смешивать с вопросом о функциях права. Верно отмечается, что предупредительное значение уголовно-правового запрета касается всех граждан, а

1. Томашевский Н.П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. - В кн.: Вопросы общей теории советского права. М., 1960, с.218.
2. Критику см. Лейст О.Э. К вопросу о структуре правовой нормы. - Ученые записки ВЮИ, вып. 15. М., 1962, с.23.
Едва ли можно согласиться с Имре Сабо в том, что отсутствие в тексте уголовно-правовых норм "запрета или приказа затрудняет их воздействие на поведение людей" (ук. раб., с.160).
3. Строгович М.С. Вопросы теории правоотношений. - Советское государство и право, 1964, №6, с.57.

а не только тех, которые боятся наказания, и важно знать о нем, даже не зная санкции¹.

Уголовно-правовой запрет есть не просто законодательная информация о преступности того или иного поведения, а регулятивная норма, устанавливающая юридическую обязанность не совершать преступления.

В теории права господствует мнение, что запрет — это обязывание бездействия, чем он отличается от веления, предписывающего положительное действие². При такой трактовке этих понятий, мотивированной, по-видимому, только общесмысловым словоупотреблением, центр тяжести переносится с социальной стороны поведения на фактическую, со способа государственного волеизъявления на содержание нормативного правила. В результате оказывается, что запретом не могут считаться те предписания уголовного закона, которые устанавливают ответственность за бездействие (например, за неоказание помощи, недонесение, уклонение от уплаты алиментов и т.д.) или даже за иные деяния — в той мере, в какой они физически могут быть совершены в форме бездействия (например, за убийство, халатность). С этим трудно примириться. Бездействие как волевой поступок характеризуется не меньшим умственным, эмоциональным, нравственным напряжением, внутренней активностью субъекта, чем положительное действие, и не дает оснований для качественно иной социально-юридической оценки содеянного. Мнение, что запрет имеет своим объектом лишь позитивное действие, не согласуется с некоторыми положениями закона. Так, в ч.1 ст. 9 Основ законодательства о труде записано: "Запрещается необоснованный отказ в приеме на работу". Этот общий запрет конкретизирован в некоторых нормах уголовного права (например, в ст. 139 УК РСФСР) и, разумеется, не перестает быть запретом оттого, что обязывает к положительному действию — приему на работу при отсутствии допустимых оснований отказа.

Нам кажется целесообразным иное понимание запрета. Представляется, что запрет есть наиболее острая, "квалифицированная" форма обязывания, вызванная повышенной социальной значимостью защищаемых интересов, невозможностью вреда, могущего быть причиненным нарушением обязанности, и потому подкрепляемая карательной

1. Саркисова Э.А. Уголовно-правовые средства предупреждения преступлений. Минск, 1975, с.80.

2. См. Общая теория советского права. М., 1966, с.213; Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972, с.239; Общая теория государства и права. 1974, с.273 и др.

(штрафной) санкцией публичного характера. Всеми этими свойствами обладают запреты уголовно-правовые (наряду с запретами, имеющимися в иных отраслях права).

Таким образом, уголовное право устанавливает не только основания и пределы уголовной ответственности, но прежде всего обязанность вести себя так, чтобы эта ответственность не наступила.

Обязанность, обусловленная уголовно-правовым запретом, возникает не в силу издания уголовного закона, как это иногда утверждается¹, а с наступлением определенного юридического факта - достижения возраста уголовной ответственности в сочетании с вменяемостью и отсутствием обстоятельств, устраняющих преступность деяния, а в известных случаях - также наличием признаков специального субъекта. Тем самым круг "уголовно обязанных" лиц, хотя и весьма велик, вырисовывается достаточно ясно, также как вполне конкретно и содержание их обязанности - не совершать деяний, точно предусмотренных уголовным законом.

В теории высказано мнение о возможности существования односторонних обязанностей, которым не соответствуют какие-либо субъективные права, и типичным примером такого рода обязанностей называют те, которые возлагаются уголовно-правовыми запретами². Эта позиция не получила поддержки, как противоречащая логике права да и социальной действительности в целом³. Обязанность устанавливается всегда ради защиты каких-либо социальных благ, интересов, ценностей, которые непременно имеют своих носителей, выступая как объект их субъективных прав.

1. См. Ковалев М.И. Советское уголовное право. Курс лекций. Свердловск, 1971, вып. I, с. 95; Назаров Б.Д. Социалистическое право в системе социальных связей. М., 1976, с. 74.
2. См. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958, с. 62 и след.; Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1962, с. 16.
3. Флейшиц Е.А. Соотношение правоспособности и субъективных прав. В кн.: Вопросы общей теории советского права. М., 1960, с. 259 и след. См. также Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955, с. 90.

В деонтической логике признается, что некоторые обязанности существуют без коррелятивных (эквивалентных) прав. К ним относятся, например, обязанность субъекта "х" требовать чего-либо от субъекта "у", ибо этой обязанности не противостоит какое-либо право субъекта "у"¹. Это логически верно. Но в такой ситуации

между указанными субъектами и нет правовой связи. Правовая связь возникает здесь между субъектом "х" и субъектом "з", имеющим право требовать исполнения обязанности от "х"², а поэтому и в данном случае обязанность не остается без права.

Кто же и какими правами располагает в отношении адресатов уголовно-правового запрета?

Возражая против концепции односторонних обязанностей, некоторые авторы утверждают, что обязанности не совершать преступлений противостоит право государства применить санкции к нарушителю уголовного закона³. С этим нельзя согласиться, поскольку названное право возникает лишь после нарушения запрета и корреспондирует с другой обязанностью — подвергнуться мерам уголовной ответственности, которая лежит на лице, совершившем преступление.

На наш взгляд, обязанности не совершать преступлений, налагаемой уголовно-правовым запретом, противостоит право государства, органов, организаций, граждан требовать от всех, кого касается запрет, воздержания от преступлений (подобно тому, как собственник вправе требовать от всех и каждого ненарушения его права собственности — см., например, ч.6 ст.28 Основ гражданского законодательства).

1. Ивин А.А. Логика норм. М., 1973, с.100.

2. Там же.

3. Строговач М.С. Курс советского уголовного процесса, М., 1968, т.1, с.92;

Несколько неожиданным кажется соображение М.Д. Шаргородского о том, что обязанность не совершать преступлений не является односторонней, поскольку ей соответствует обязанность государства не наказывать лицо, преступления не совершившего (Курс советского уголовного права. Ч. Общая. Л., 1968, т.1, с.10). Представляется, что указанная обязанность государства соответствует праву лица, не совершившего преступления, не подвергаться наказанию, — праву, выступающему как "оборотная сторона" обязанности, обусловленной запретом.

В выступлении по телевидению 29 мая 1977 года Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И.Брежнев сказал: "Упрочение мира - одна из важнейших гарантий величайшего права человека - права на жизнь"¹.

Не ясно ли, что праву на жизнь противостоят уголовно-правовой запрет незаконного лишения жизни?

В ст. 57 новой Конституции СССР установлено: "Граждане СССР имеют право на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество". Здесь совершенно отчетливо закрепляются важнейшие субъективные права граждан, которым противостоят, в частности, и соответствующие уголовно-правовые запреты. Не следует думать, что названные и многие другие права граждан, как и коллективных социальных образований, вплоть до государства, представляющего господствующий класс или общество в целом, корреспондируют только с уголовно-правовыми обязанностями. Но бесспорно, что последние органически входят в общую систему юридических обязанностей, и это полностью согласуется с тем, что уголовное право непосредственно участвует в позитивном правовом регулировании общественных отношений.

Не подлежит сомнению, что между адресатами уголовно-правового запрета и всеми теми субъектами, которым преступлением может быть причинен вред, существует правовая связь. Тем, кто ее признает, обозначается она по-разному: зветуальное правоотношение², отношение "упрощенной формы"³, общая и абсолютная юридическая связь⁴, общее правоотношение⁵, просто разновидность уголовного пра-

---

1. Известия, 1977, 30 мая.

2. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе, с. 90.

3. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960, с. 89.

4. Пионтковский А.А. Правоотношение в уголовном праве. - Правоведение, 1962, № 2, с. 87; Пхаладзе Б.В. Юридические формы положения личности в советском обществе. Тбилиси, 1969, с. 21.

5. Матузов Н.И. Общие правоотношения и их специфика. - Правоведение, 1976, № 3.

воотношения¹. Высказано также мнение, что обязанности, устанавливаемые уголовно-правовыми запретами, образуют элемент правового статуса гражданина².

Лишь немногие решаются признать существование уголовных правоотношений на базе уголовно-правовых запретов. Основным препятствием к такому признанию служит, очевидно, неконкретизированность субъекта, противостоящего адресату запрета, и самого содержания его права.

Обратимся снова к логике норм. "Всякая норма касается непосредственно двух и только двух субъектов, одного из которых можно назвать **а к т и в н ы м**, а второго - **п а с с и в н ы м**. Активный субъект имеет право или обязанность выполнить определенную деятельность в отношении пассивного субъекта. Как активный, так и пассивный субъект может быть либо конкретным индивидуумом, либо определенной группой лиц, либо, наконец, множеством, охватывающим всех индивидов. В зависимости от характера субъектов все нормы могут быть разделены на несколько типов: индивидуально-индивидуальные (сокращенно: И-И), индивидуально-групповые (И-Г), индивидуально-всеобщие (И-В), всеобще-индивидуальные (В-И), всеобще-групповые (В-Г) и т.д."³ Соглашаясь с этим, вряд ли можно возражать против того, чтобы рассматриваемую нами правовую связь обозначить Г-В, где Г - группа лиц, обладающих уголовной правосубъектностью, а В - субъекты, могущие пострадать от преступления. Но если в такой связи координируются права и обязанности, то вопрос о том, является ли она правоотношением, сводится, на наш взгляд, только к терминологии.

Другая трудность признания регулятивных уголовно-правовых отношений сопряжена, видимо с "невозможностью" экстрагиро-

1. Ковалев М.И. Советское уголовное право, с.100; Назаров Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей, с.75, 282; Курляндский В.И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М., 1965, с.17.
2. См. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966, с.176-178; Иванова З.Д. Запрещающие нормы в механизме правового регулирования. - Советское государство и право, 1975, № II, с. III.
3. Ивин А.А. Логика норм, с. 95-96.

вать их из всей массы правоотношений, которыми проникнута социальная действительность. Но здесь нет ничего противозачастуейственного для общества с высокоразвитой правовой системой, опосредствующей реально существующие общественные отношения.

Наиболее серьезный аргумент против идеи уголовных правоотношений без преступлений следующий: в таком правоотношении ни лица обязанные, ни обладатели охраняемого уголовным законом блага, ни государство в целом ничего не могут и не должны делать, но таких правоотношений в природе не бывает^I. Таких правоотношений и в самом деле не бывает, т.к. в противном случае выхолостился бы социальный смысл права как регулятора общественно значимого поведения людей. Но не верно, что субъекты указанного отношения ничего не могут и не должны делать.

Это, неверно, прежде всего в отношении граждан, на которых простирается уголовно-правовой запрет. Как отмечалось выше — и это общеизвестно, — в ряде случаев уголовный закон предписывает гражданам совершать определенные активные действия, устанавливая ответственность за бездействие. Но и во всех других случаях, которых большинство, устанавливая ответственность за активное действие, уголовный закон обязывает граждан сообразовывать свое поведение с его требованиями, для чего нередко нужны усилия, не уступающие по своей внутренней интенсивности тем, которые сопровождают так называемые положительные действия, и отнюдь не могущие оцениваться как "социальный нуль". Вообще критерием социальной оценки поведения не может служить чисто физическое явление — телодвижение, по которому различаются действие и бездействие.

---

^I Иoffee O.C., Шаргородский М.Д.. Вопросы теории права. М., 1961, с. 216

Затем это неверно и в отношении противоположной стороны — субъектов, интересы которых защищаются уголовным правом. Право государства, социальных установлений, граждан требовать соблюдения уголовно-правовых запретов кажется пассивным и малосодержательным только на первый взгляд. В действительности оно заключает в себе достаточно активный элемент, который условно можно было бы назвать "правом воспрепятствования преступлениям"¹. Задача науки состоит в том, чтобы подробно исследовать содержание этого права во всей его полноте.

Существуют по меньшей мере три основных направления в реализации "права воспрепятствования преступлениям", которые, как нам кажется, оправдывают и само его конструирование.

а/ Важнейшее из них связано с общей юридической базой профилактики преступлений на всех социальных уровнях и во всех конкретных проявлениях. То обстоятельство, что многочисленные и разнообразные профилактические меры не регламентируются непосредственно советским уголовным законом², а осуществляются во исполнение норм иной отраслевой принадлежности или на основе обычной организационной инициативы, не меняет, на наш взгляд, сути дела: правомерность профилактики преступлений как формы социального контроля за личностью³ вытекает именно из уголовно-правовых запретов. Этот вывод в высшей степени существен для дальнейшего развертывания работы по предупреждению преступности. В литературе правильно указывается, что "уголовный закон представляет собой основу общесоциального плана борьбы с преступностью"⁴.

¹ См. также Назаров Б. Л. Указ. соч., с. 100-101.

² Интересно, что УК ГДР (ст. 3) такую общую юридическую регламентацию профилактики преступлений содержит.

³ См. об этом Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974, гл. III.

⁴ Орехов В. В. Социальное планирование и вопросы борьбы с преступностью. Л., 1972, с. 100. Необходимо, однако, помнить, что профилактика преступлений есть только один, хотя и важнейший, элемент общей системы профилактики правонарушений, обусловленной всей системой правовых запретов, а в конечном итоге — генеральной системы профилактики отклоняющегося поведения, вытекающей из морального кодекса строителя коммунизма.

В научном исследовании деятельности по предупреждению преступности главное место отводится обычно содержательно-фактической стороне дела, эффективности предупредительных мер. Следует усилить внимание и к другой его стороне - правомерности, допустимости применения конкретных мер с точки зрения социалистической законности¹, имея в виду, в частности, неприемлемость для социалистического государства и права требования вести борьбу с преступностью "любой ценой"².

В рассматриваемом отношении представлялось бы важным предпринять и некоторые законодательные шаги.

Действующий уголовный закон фиксирует профилактические задачи лишь в рамках правоохранительного процесса (ст. 20 Основ уголовного законодательства, ст. 2 Основ уголовного судопроизводства). В законе не упоминается о превентивном действии уголовно-правовых запретов, и этот пробел желательно было бы устранить.

Следовало бы, далее, поддержать предложение об издании отдельного нормативного акта о предупреждении преступлений³ (а может быть, одновременно и иных правонарушений), в котором были бы определены общие основания, пределы, принципы и формы профилактики⁴.

---

¹ Криминология. М., 1976, с. 204.

² Кудрявцев В.Н. Эффективность закона как средства осуществления уголовной политики. - В кн.: Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975, с. 33.

³ См. Бородин С.В. Теоретические проблемы советской уголовной политики. - В кн.: XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. М., 1977, с. 29; Игошев К.Е. Профилактика преступлений: теоретический и практический аспекты. - Сов. государство и право, 1977, № 6, с. 96.

⁴ На значение проблем правового регулирования профилактической деятельности обращают внимание Ключков В.В. (Перспективы научных исследований. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, 1976, М., вып. 24, с. 7). Сахаров А.Б. Правовое обеспечение предупреждения преступлений. - Советское государство и право, 1975, № 11, с. 82-87).

б) Второе направление реализации "права воспрепятствования преступлениям" - это пресечение преступлений (необходимая оборона, в известной мере также крайняя необходимость) и задержание преступника, не связанные с правоохранительными должностными функциями. Юридическая регламентация указанных действий осуществляется в самом общем виде уже самим уголовным законом. Отношения, которые возникают между гражданином и преступником (лицом, начавшим совершать или совершившим преступление), складываются вне основного уголовного правоотношения между государством и личностью виновного и представляют собой непосредственное развитие отношений, регламентируемых уголовно-правовым запретом¹.

Эта форма воспрепятствования преступлениям, связанная с участием граждан в борьбе с преступностью - важнейшим условием ее эффективности², также нуждается в дальнейшем законодательном развитии. Укажем на некоторые моменты.

Положение о правомерности причинения вреда при задержании преступника, сформулированное в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года "Об усилении ответственности за хулиганство" (ст.16)³, должно быть воспроизведено и детализировано в Основах уголовного законодательства, с тем, чтобы оно вошло затем в УК всех союзных республик. Сейчас оно отражено только в УК трех республик, причем в УССР (ст.15 УК) и УзССР (ст. 13 УК) приравнено по последствиям к необходимой обороне и в ЭССР (ст. 13¹ УК) фигурирует как самостоятельное. Задержание преступника как обстоятельство, исключаящее общественную опасность деяния, существенно отличается от необходимой обороны и требует отдельной регламентации. При этом следует выделить условия правомерности самого задержания и условия правомерности причинения вреда лицу, стремящемуся задержания избежать.

Назрела также настоятельная потребность в том, чтобы разработать самостоятельный нормативный акт об основаниях и порядке задержания гражданами лиц по подозрению в совершении преступле-

1. См. об этом также Огурцов Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1976, с.136.

2. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.44, с.171.

3. Ведомости Верховного Совета СССР, 1966, № 30, с. 595.

ния и дополнить соответствующими положениями Основы уголовного судопроизводства¹.

Представляется, кроме того, целесообразным расширить пределы права на необходимую оборону путем, в частности, дальнейшего ограничения или исключения ответственности в некоторых случаях ее превышения².

в) И третье. Само уголовное судопроизводство ведется компетентными органами не только во исполнение права государства на наказание преступника, но и права государственных органов противодействовать преступлениям на этом этапе, когда факт преступления и личность виновного еще не установлены официально, т.е. приговором суда (ст. 160 новой Конституции СССР, ст. 7 Основ уголовного судопроизводства). Производство по уголовным делам соединено с применением различных принудительных мер в отношении обвиняемого и подозреваемого (а равно других лиц, например, свидетелей), но оно может завершиться прекращением или оправданием. В последнем случае тем самым констатируется, что уголовно-правового охранительного отношения не было вообще или с привлеченным к ответственности лицом, но это необязательно означает незаконность и необоснованность судопроизводства, которое как раз и имеет одной из своих задач выявление уголовного правоотношения, т.е. в первую очередь, факта совершения преступления (ст. 15 Основ уголовного судопроизводства). Очевидно, что правомерность судопроизводства до достоверного установления факта совершения преступления определенным лицом не может быть аргументирована ничем, кроме "права воспрепятствования преступлениям"³, противостоящего уголовно-правовому запрету.

Отсюда следует по крайней мере два теоретических и практических положения: а) границы и объем процессуального принуждения определяются потребностью реализации уголовной ответственности при наличии к тому законных оснований; б) прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям и оправдание сами по себе не

1. В УПК ряда социалистических стран такие положения имеются (см., например, § 125 УПК ГДР, ст. 205 УПК ПНР).

2. См. ст. 12(3) УК НРБ, ст. 23 (§2) УК ПНР, § 17 (2) УК ГДР.

3. Сам этот термин представляется удобным, поскольку он охватывает собой не только профилактическую деятельность в разных ее формах, но и уголовное судопроизводство как таковое.

свидетельствуют о дефектности предшествовавшей процессуальной деятельности.

Неуклонное проведение в жизнь этих положений представляется крайне важным с точки зрения законности советского уголовного судопроизводства. Однако каждое из них заслуживает отдельного рассмотрения.

Выше шла речь о запретах совершения преступлений, которые можно назвать основными. В уголовном праве, кроме того, есть запреты, более узкого, частного характера, которые можно назвать субсидиарными. Эти запреты связаны с поведением лица после совершенного преступления. Так, если совершивший преступление скроется от следствия и суда, приостанавливается течение давности привлечения к уголовной ответственности (ч.4 ст.41 Основ уголовного законодательства). Приостановление давности - санкция за подобное поведение, и, таким образом, налицо - уголовно-правовой запрет скрываться от следствия и суда.

Злостное уклонение от отбывания исправительных работ, назначенных по приговору суда, влечет за собой замену неотбытой их части более строгим наказанием - лишением свободы (ч.2 ст. 25 Основ уголовного законодательства). Такую же роль играет замена обязанности загладить причиненный вред другими, более строгими¹ мерами наказания (ч.5 ст. 32 УК РСФСР). Замена наказания в указанных случаях - санкция за запрещаемое уголовным законом уклонение от отбывания наказания.

Согласно п. II ст. 39 УК РСФСР, признается отягчающим обстоятельством оговор заведомо невиновного. Усиление ответственности в такой форме - тоже санкция за указанные действия.

Следовательно, уголовно-правовые санкции устанавливаются законом не только за деяния, оцениваемые им как преступные (в соответствующих статьях Особенной части), но и за иные правонарушения, а уголовно-правовой запрет не сводится к обязанности воздержания от преступлений. Отсюда, вопреки сложившемуся представлению, вытекает, что по действующему закону поня-

1. В двух кодексах, где эта мера предусмотрена (ст. 32 УК РСФСР и ст. 30 УК ТаджССР), допускается также ее замена более мягким наказанием - общественным порицанием.

тия преступления и уголовно-противоправного деяния не совпадают. Насколько нам известно, рассматриваемое положение в советской теории не обсуждалось, поэтому оно нуждается в оценке, исходя из общих принципов советского уголовного права.

Представляется, что оно расходится с методом осуществления советского уголовного законодательства, как он определен в нем самом (ч.2 ст.1 Основ уголовного законодательства). Этот метод заключается в установлении преступности и наказуемости деяний. Согласно ст. 3 Основ уголовной ответственности и наказания подлежит только лицо, виновное в совершении преступления. Таким образом, очевидно, что за непроступное поведение уголовно-правовая ответственность исключается.

В ситуациях, перечисленных выше, дело обстоит иначе: уголовно-правовое воздействие предусматривается за деяния, не признаваемые законом преступлениями.

Вернемся к ним еще раз. Правило о приостановлении давности, впервые введенное Основами (ч.4 ст.41), сформулировано так, что может быть истолковано чрезмерно широко - как обязанность лица, совершившего преступление, ничем не затруднять своего обнаружения. Бряд ли такая позиция жизненна и при последовательном ее развитии привела бы к утверждению, что на виновном лежит обязанность явиться с повинной и содействовать следствию. Между тем то и другое признается смягчающим обстоятельством (п.8 ст.33 Основ, п.9 ст.38 УК РСФСР, п.8 ст.36 УК ЛатвССР), а отсутствие этих обстоятельств не может отягчать ответственность. Представляется, что обязанность не скрываться от следствия и суда может возлагаться лишь на то лицо, которое занимает определенное процессуальное положение, а именно обвиняемого¹ или как минимум подозреваемого. Уклонение подобного лица от следствия или суда (кстати сказать, независимо от его действительной виновности) представляет собой процессуальное нарушение, влекущее за собой процессуальные же, но не материально-правовые последствия, влияя

1. См. Курс советского уголовного права, М., 1970, т.3, с.286. Напомним, что по УК РСФСР 1922 года (ст.22) давностные сроки удваивались, если уклонялся именно привлеченный к следствию и суду.

на меры пресечения (ст.ст. 89, 101 УПК РСФСР, ст.ст. 68, 83 УПК ЛатвССР). Только если уклонение выразилось в побеге из-под стражи, оно рассматривается как преступление (ст. 188 УК РСФСР, ст. 180 УК ЛатвССР). Но с момента привлечения лица к ответственности давность вообще не течет, и правило о приостановлении ее лишено смысла.

Далее. Замена наказания более строгим при уклонении от его исполнения означает фактически назначение наказания за деяние, не признаваемое преступным Особенной частью (см. ст. 7 УК РСФСР, ст. 7 УК ЛатвССР) и притом не приговором суда (ст. 160 новой Конституции СССР, ст. 3 Основ уголовного законодательства, ст. 7 Основ уголовного судопроизводства), а определением, колеблющим таким путем законную силу ранее вынесенного приговора (ст.ст. 356, 358 УПК РСФСР, ст.ст. 357, 359 УПК ЛатвССР). Исправление этого положения возможно лишь путем конструирования самостоятельных составов уклонения от исполнения наказаний соответствующих видов^I.

И последнее. Признание отягчающим обстоятельством оговора заведомо невиновного (п. II ст. 39 УК РСФСР) есть специфическая уголовно-правовая санкция за поведение, не признаваемое преступлением и выходящее за пределы того преступления, которое инкриминируется обвиняемому. Для обвиняемого оговор означает стремление полностью или частично "перенести вину" на другого, чтобы избежать ответственности или ослабить ее. Представляя собой разновидность ложных показаний обвиняемого, даваемых на началах свободы и добровольности и являющихся средством его защиты (ч. 3 ст. 14, ст. 21 Основ уголовного судопроизводства), оговор не может влечь за собой ни особой, ни дополнительной ответственности. Хотя ложные показания рассматриваемого вида отличаются повышенной вредностью, обрушиваясь против правоохраняемых интересов третьих лиц, ее не следует преувеличивать: пока вина привлеченного к ответственности не установлена приговором суда, подлежат проверке любые показания обвиняемого, а об их ложности можно судить лишь в итоге производства по делу, когда же ложность их устанавли-

^I. Отметим, что ст. 178 УК СССР, позднее отмененная, предусматривала специальный состав злосного уклонения от отбывания исправительных работ в местах, указанных органами, ведающими этими работами.

взвеса, отпадает угроза привлечения к ответственности невиновных, против которых был направлен оговор. Оговор заведомо невиновного лица какотягчающее обстоятельство назван, помимо УК РСФСР, еще в четырех УК (Узбекской, Таджикской, Армянской и Туркменской); в остальных 10 республиках, как и в Основах, о нем не упоминается, что следует признать правильным¹.

Таким образом, от субсидиарных уголовно-правовых запретов целесообразно в принципе отказаться.²

-
1. Для обвиняемого, конечно, не исключается ответственность за ложный донос (ст. 180 УК РСФСР), если при наличии всех других признаков этого состава он не связан с предметом обвинения его самого.
  2. Единственным оправданным исключением, видимо, должна остаться такая форма уголовно-правового реагирования на неправомерное поведение в отношении осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания (ч. 3 ст. 42 Основ).

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ СОУЧАСТНИКОВ

Проблеме соучастия в преступлении вполне заслуженно уделено большое внимание в теории советского уголовного права. На тему соучастия написаны специальные монографии, кандидатские и докторские диссертации. В учебной литературе и в курсах по Общей части советского уголовного права уделяется также большое внимание расширению вопросов соучастия. Многим вопросам соучастия уделено большое внимание в монографиях, статьях, курсах и в учебной литературе по Особенной части советского уголовного права, в особенности в тех случаях, когда совершение какого-то преступления в соучастии рассматривается законодателем в качестве квалифицированного состава преступления. Поэтому вопросы соучастия освещаются в уголовно-правовой литературе, посвященной проблемам хищения государственного и общественного имущества, похищения личного имущества граждан, изнасилования, спекуляции, обману покупателей и заказчиков и многих других составов преступлений.

Таким образом, советская литература о соучастии является обширной и многогранной, охватывающей большое количество проблем, решение которых имеет важнейшее значение для прокурорско-следственной и судебной практики.

Ряд наиболее существенных для практики вопросов соучастия решен в руководящих постановлениях Пленума Верховного Суда СССР, но главным образом в связи с обобщением судебной практики по отдельным категориям преступлений, для которых совершение этих преступлений в соучастии является признаком основного состава преступления или признаком квалифицированного состава.

Однако ряд вопросов учения о соучастии, имеющих существенное значение для правоприменительной деятельности, остались все же недостаточно решенными, а в ряде случаев правильность их решения в настоящее время вызывает некоторые сомнения.

В данной статье мы коснемся только трех из таких вопросов. В качестве первого рассмотрим вопрос о квалификации действий отдельных соучастников, причем не всю проблему в целом, а более узкий и казался бы более простой вопрос о ссылке на ст. 17 Основ уголовного

законодательства или УК республики при квалификации действий отдельных соучастников.

Как известно, статья 17 Основ уголовного законодательства состоит из 7 частей, в четырех из которых описаны признаки отдельных видов соучастников - исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника. Описанию признаков каждого из этих видов соучастников посвящена самостоятельная часть ст. 17.

Поскольку в Особенной части УК союзных республик описаны признаки, характеризующие действия исполнителей, при квалификации их действий вполне достаточно сослаться на соответствующую статью Особенной части УК. Ссылка на ч. 3 ст. 17 в отношении исполнителя или соисполнителя является излишней, так как квалификация их действий полностью исчерпывается соответствующей статьей Особенной части УК и в то же время является указанием на то, что речь идет именно об исполнителе преступления. Некоторые ученые полагают, что следовало бы сослаться на ч. 3 ст. 17 в тех случаях, когда речь идет о соисполнителях преступления, которые своими действиями непосредственно не причинили преступных последствий. Например, если действиями двух лиц непосредственно причинены тяжкие телесные повреждения (оба ударили кулаком по голове), то нет необходимости сослаться на ч. 3 ст. 17. Если же один из них ударом кулака нанес потерпевшему тяжкие телесные повреждения, в то время как второй держал его за руки и ноги, не давая возможности сопротивляться, то действия первого следует квалифицировать только по статье Особенной части УК, предусматривающей ответственность за причинение тяжких телесных повреждений, а действия второго преступника как соисполнителя - по этой же статье со ссылкой на ч. 3 ст. 17 УК¹. Полагаем, что это не оправдано.

Какую цель должно преследовать такая квалификация преступления? Ограничить действия непосредственного исполнителя от соисполнителя? Или ограничить действия соисполнителя от пособника, оказывавшего содействие во время совершения преступления?

Советский закон не требует разграничения действий исполнителя от действий соисполнителя; в ч. 3 ст. 17 Основ уголовного законодательства говорится только об исполнителе. Законодатель вообще не пользуется понятием соисполнителя; это понятие породила теория со-

1. См. Гузун В. Совместность - признак соучастия. - Советская Юстиция, 1975, № 2, с. 25.

ветского уголовного права¹. Поскольку квалификация преступления основывается на законе, мы не усматриваем необходимости в разграничении этих двух понятий при квалификации преступлений. Это, конечно, не означает, что понятие "соисполнитель" ущербно само по себе или не имеет никакого значения для правоприменительной практики. Однако его значение только при установлении степени общественной опасности деяний отдельных соисполнителей; это область оценки суда, исходя из всей совокупности обстоятельств, характеризующих преступную деятельность каждого из исполнителей. Советское законодательство не знает формального деяния исполнителей по степеням, поэтому разграничение исполнителей и соисполнителей путем ссылки на ч.3 ст.17 не требуется. Кроме того, по целому ряду уголовных дел такое разграничение весьма затруднительно и вызвало бы никому не нужные споры о том, следует ли оценивать действия какого-то лица как действия исполнителя или соисполнителя. Таким образом, мы приходим к выводу, что действия любого из исполнителей преступления должны квалифицироваться только по той статье или части статьи Особенной части УК, в которой описанный состав преступления соответствует составу данного конкретного деяния.

Что касается всех прочих соучастников: организаторов, подстрекателей и пособников - то их действия не могут быть квалифицированы только по статье Особенной части, в которой описан соответствующий состав преступления, потому что, как уже было сказано, в статьях Особенной части описаны только действия исполнителей преступления. Законодатель мог пойти по другому пути, а именно в самой статье Особенной части описать не только действия исполнителя, но также и действия организатора, подстрекателя и пособника. В этом случае преступления этих соучастников квалифицировались бы только по соответствующей статье Особенной части без ссылки на статью Общей части, в которой предусмотрена ответственность этих соучастников. Законодатель поступил правильно, что не пошел по этому пути, ибо это ничего бы не дало кроме громоздкости статей Особенной части и бесконечных повторений. Поэтому, квалифицируя действия организаторов, подстрекателей и пособников, необходима, кроме ссылки на соответствующую статью Особенной части УК союзной республики, также ссылка на статью Общей части, предусматривающую ответственность соучастников (соответству-

1. См. Лисов М. Юридическая природа соучастия в преступлениях со специальным субъектом. - Советская Юстиция, 1971, №2, с.9-11; Сергеев В. Соисполнительство по советскому уголовному праву. - Советская Юстиция, 1970, № 18, с.5-6.

ющую статье 17 Основ уголовного законодательства). Казалось бы, что это настолько бесспорно, что нет необходимости об этом говорить. Однако, как показывает следственная и судебная практика, это бесспорно только для подстрекательства и пособничества. Действия подстрекателей и пособников действительно квалифицируются всегда с ссылкой на ст. 17. Однако действия организаторов по сей день зачастую квалифицируются непосредственно по статье Особенной части без ссылки на статью о соучастии. Это можно объяснить только привычкой, сложившейся в тот период, когда в законодательстве среди участников не была выделена фигура организатора и его действия квалифицировались непосредственно по соответствующей статье Особенной части, по которой квалифицировалось действие исполнителя. В тот период многие ученые подчеркивали необходимость такой квалификации, исходя из особой опасности организатора (не меньшей, чем опасность самого исполнителя). С тех времен укоренилось представление о том, что ссылка на ст. 17 якобы сама по себе свидетельствует о менее опасном деянии по сравнению с таким же деянием, квалифицируемым непосредственно по соответствующей статье Особенной части, без ссылки на ст. 17. На самом деле советское уголовное право отказалось от формальной оценки степени опасности содеянного в зависимости только от функций, выполняемых каждым из соучастников. В отличие от других уголовно-правовых систем, советская уголовно-правовая система не предусмотрела пониженную ответственность и обязательное смягчение наказания в рамках статьи Особенной части в зависимости от того, какую функцию выполняет соучастник. Поэтому статья 17 Основ уголовного законодательства сама по себе вовсе не предвещает назначение более строгого или менее строгого наказания. Это вопрос факта, оценки судом действительной опасности и характера действий каждого из соучастников.

Таким образом правильная квалификация действий организатора, если им одновременно выполнялись и функции исполнителя, также как и действий подстрекателя и пособника, требует обязательной ссылки, кроме статьи Особенной части, также на ст. 17.

Всякие иные рекомендации¹ должны быть отвергнуты самым решительным образом².

1. См. Комментарий к Уголовному Кодексу РСФСР 1960 г., 1962, с. 51.

2. См. также Дурманов Н. Виды соучастников и их ответственность. - Советская Юстиция, 1966, № 12, с. 13; Погребняк И. Особенности квалификации действий организаторов хищений. - Советская Юстиция, 1965, № 23, с. 10.

Однако этим вопрос о ссылке на ст. 17 при квалификации действий соучастников не исчерпывается. Несмотря на выступление в печати некоторых советских ученых, следственная и судебная практика до сих пор считает возможным сослаться при квалификации действий организаторов, подстрекателей и пособников только на ст. 17 Основ уголовного законодательства или соответствующую статью УК союзных республик, без ссылки при этом на соответствующую часть этой статьи. Кроме этого проходят не только практические работники, но и многие ученые, хотя это несомненно является нарушением законности.

Мы полагаем, что этот вопрос заслуживает самого серьезного внимания. В советском уголовном праве нет понятия соучастника преступления вообще, а есть только понятия отдельных соучастников; их перечень является исчерпывающим и признаки каждого из них строго очерчены законодателем. Поэтому, квалифицируя действия соучастников, необходимо указать, о какой соучастии идет речь. Описанные в статье 17 Основ уголовного законодательства и соответствующих статьях УК союзных республик признаки организаторской деятельности, подстрекательства и пособничества вместе с признаками, описанными в соответствующих статьях Особенной части УК, и образуют состав организаторской деятельности по осуществлению определенного преступления (например, состав организации получения взяток), состав подстрекательства к определенному преступлению (например, состав подстрекательства к убийству), состав пособничества определенному преступлению (например, состав пособничества спекуляции). Поэтому, квалифицируя действия организатора, обязательна ссылка на ч. 4 ст. 17 и соответствующую статью Особенной части УК ЛатвССР; квалифицируя действия подстрекателя, необходима ссылка на ч. 5 ст. 17 и соответствующую статью Особенной части УК ЛатвССР; квалифицируя действия пособников, необходима ссылка на ч. 6 ст. 17 и соответствующую статью Особенной части УК ЛатвССР. Это должно быть непреложным законом для каждого практического работника так же, как это им делается при квалификации преступлений по статье Особенной части УК, содержащей две или более части. Никакой разницы по существу между

этими случаями нет. Не ссылаться на определенные части статьи 17 УК ЛатвССР и соответствующей статьи УК других союзных республик можно было бы только в случае, если бы законодатель вообще не предусматривал в ст.17 нескольких частей, не описывал бы признаков всех соучастников или описал их всего в одной части. Следует иметь в виду, что законодатель имел возможность посвятить описанию каждого из соучастников самостоятельную статью, как это предусмотрено в уголовных кодексах многих зарубежных социалистических государств. В этом случае не могло бы создаться такое положение, когда, квалифицируя действия соучастника, не указывался бы вид соучастия. Квалификация преступных действий соучастников без указания на вид соучастия путем ссылки на конкретную часть ст.17 в какой то мере ограничивает их право на защиту.

Для изменения существующего положения не требуется внесения изменений и дополнений в действующее уголовное законодательство.

Для этого достаточно всего одного руководящего постановления Пленума Верховного Суда Союза ССР, которым обязывались бы суды, квалифицируя действия соучастников, ссылаться на определенную часть ст.17. В результате последовала бы не только более четкая квалификация преступлений, совершенных в соучастии, но и возросли бы требования по установлению действительной роли каждого из соучастников, предъявляемые судами к следственным органам. К сожалению, отсутствует не только такое руководящее постановление Пленума Верховного Суда СССР, но и сам Пленум в руководящих постановлениях по отдельным категориям дел, давая указания рассматривать определенные действия как соучастие, не уточняет, о каком именно виде соучастия идет речь и по какой части ст.17 Основ уголовного законодательства или соответствующей статьи УК союзной республики эти действия должны квалифицироваться.

Так, в п.5 постановления от 23 сентября 1977 г. "О судебной практике по делам о взяточничестве" Пленум разъяснил, что "руководители предприятий, учреждений, организаций и их подразделений, предлагающие подчиненным по службе и другим лицам добиваться путем дачи взятки желаемого действия или бездействия, несут ответственность как взяткодатели. Лица, вступавшие по указанию таких руководителей в сговор с должностными лицами о выполнении за взятку тех или иных действий и вручающие взятку, должны нести ответственность

как соучастники этого преступления".¹

Таким образом разъясняется, что определенные лица должны быть признаны соучастниками в даче взятки, однако ничего не сказано, в каком виде соучастников идет речь и как следует квалифицировать действия этих соучастников. Это положение безусловно создаст известные трудности в следственной и судебной практике, может привести и к различному толкованию разъяснений Пленума.

второй вопрос, на котором мы считаем необходимым остановиться, связан с понятием группового преступления, но только в плане квалификации преступления, совершенного группой лиц.

Все советские ученые, которые занимались этим вопросом, независимо от того, как они относятся к классификации соучастия и выделению форм и видов соучастия, пришли к выводу, что соучастие с субъективной стороны предполагает умысел в действиях каждого из соучастников и наличие некоторой субъективной связи. При этом, если некоторые авторы и признали возможность односторонней психической связи в сложном соучастии или соучастии в тесном смысле слова (подстрекатель, пособник), то во всех видах соисполнительства, в групповых преступлениях всеми без исключения авторами признается только двусторонняя психическая связь, под которой справедливо понимается установление внутренней согласованности совместных действий соисполнителей. Это означает, что каждый из соисполнителей сознает, что он совместно с другими исполнителями совершает преступное деяние. Прав М.И.Ковалев, что при соисполнительстве субъективная связь между соисполнителями характеризуется: "а) знанием соисполнителей о присоединяющейся деятельности **других** соучастников преступления, б) сознанием того, что эта деятельность объединяется с действиями других участников и направлена **так же**, как и последние, на совершение одного и того же преступления"².

Внутренняя психическая связь между исполнителями может быть различной. Более тесная связь предполагается при соисполнительстве по предварительной договоренности, когда согласованность действий соучастников вытекает из имеющегося на этот счет соглашения. Самая

1. Социалистическая законность, 1977, № 12, с. 58.

2. См. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Свердловск, 1960, ч. I, с. 248.

минимальная связь между соисполнителями имеется при соисполнительстве без предварительной договоренности, но и для этой формы соучастия необходимо сознание каждым из соисполнителей совместного характера общественно опасной деятельности.

Психическое отношение каждого участника группового преступления, как правильно отметил Р.Галиакбаров, "всегда выражается: 1) в сознании - а) характера совершаемого несколькими лицами преступления; б) непосредственности участия в исполнении преступления совместно с другими; в) осуществления преступления, согласованными совместными усилиями всех участников или, иначе, групповым способом; 2) в желании или в отдельных случаях сознательном допущении наступления предусмотренных конкретным составом преступных последствий"¹.

Каждый из участников группы сознает, что преступление совершается им совместно с другими, т.е. он сознает, что другие также, как и он, совершают данное преступление и совершают его вместе с ним. При отсутствии такого сознания не может быть речи о соисполнительстве. Поэтому, если лицо использовало для совершения им преступления, для облегчения реализации преступного замысла, например, для учинения насильственных действий в отношении потерпевшего, лиц, не могущих быть субъектами преступления - психически больных и потому неизменяемых или малолетних, то нет оснований для признания такого деяния совершенным в соисполнительстве. В этом случае не только объективно отсутствует группа, потому что нет двух или более лиц, могущих быть субъектами преступления, но и субъект преступления в данном случае сознает, что преступление совершается им не совместно с другими лицами; наоборот, он сознает, что использует малолетних или душевно больных в качестве орудия осуществления им преступного замысла, и желает совершить преступление не совместно с другими лицами, а с использованием для совершения им преступления малолетних или душевно больных. О согласованности действий нескольких лиц в этом случае не может быть и речи. Поэтому такое преступление не может быть признано совершенным группой лиц, т.е. в соучастии.

Иногда исполнитель, желая совершить преступление в соучастии с другим исполнителем, ошибочно полагает, что лицо, приобщенное к совершению преступления, является вменяемым или достигло возраста уголовной ответственности, хотя в действительности это лицо субъектом преступления не является. В этом случае отсутствует объективный признак группы, ввиду чего преступление не может быть квалифицировано как оконченное групповое преступление. Действия исполнителя в этом случае могут квалифицироваться как покушение на совершение группового преступления.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года по делам об изнасиловании справедливо говорится о том, что квалификация изнасилования как совершенного группой лиц может иметь место в случаях, когда лица, принимавшие участие в изнасиловании, действовали согласованно в отношении потерпевшей¹. Однако в свете этого указания некоторое недоумение вызывает содержащийся в этом же пункте постановления другой тезис, согласно которому действия лиц, организовавших изнасилование группой, следует квалифицировать по ч.3 ст.117 РСФСР (ч.3 ст.121 УК ЛатвССР) независимо от того, что другие участники в соответствии со ст.10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик не были привлечены к уголовной ответственности². Это означает, что постановление Пленума ориентирует суды на признание соисполнительства в действиях лица, совершившего изнасилование при помощи малолетних, не являющихся субъектами уголовной ответственности. С такой ориентацией вряд ли можно согласиться. Лицо, привлечшее малолетних к совершенному им изнасилованию, использовало их в качестве орудия преступления. Если лицу, совершившему изнасилование, был известен возраст приобщенных к изнасилованию лиц, то невозможно говорить о двусторонней связи и совместном совершении преступления. Если же лицо ошибочно полагало, что приобщает к совершению изнасилования лиц, достигших возраста уголовной ответственности, и желало приобщить таких лиц, но они в действительности оказались малолетними, то имеет место покушение на групповое изнасилование.

Положение о признании изнасилования, совершенного одним лицом с использованием в качестве орудия лиц, не могущих быть субъектами

1. См. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1973, М., 1974, с. 486.

2. Там же.

преступления, в теории уголовного права оценено различно. Большая часть ученых, писавших по проблемам соучастия, данный вопрос обходит, т.е. своего отношения к этому вопросу не высказывает.

Р. Галиакбаров, не желая признать такое совершение преступления формой соучастия, выдвигает очень спорное положение о том, что "совершение преступления группой лиц как проявление формы соучастия необходимо отличить от пограничных с соучастием "групповых" эксцессов. Не являясь соучастием в преступлении, они характеризуются сходными с ним объективными показателями, в частности "групповым" по форме способом совершения общественно опасных действий"¹. Этот способ, по мнению Р. Галиакбарова, выражает только объективную характеристику посягательства. Такое использование физических усилий невинного лица Р. Галиакбаров считает "групповым" способом совершения преступления. Он полагает, что постановление Пленума Верховного Суда СССР дает толкование содержания ч.3 ст.117 (ч.3 ст.121 УК ЛатвССР) в двух аспектах, как проявления а) соучастия и б) группового способа посягательства при отсутствии признаков соучастия².

Однако с таким мнением нельзя согласиться. Оно не основывается на законе, не вытекает из него, создает надуманную конструкцию группового преступления при отсутствии соучастия, не способствует интересам правильного применения закона. В какой то мере это и произвольное толкование постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года; в нем говорится об изнасиловании группой лиц, а не "групповом" способе совершения изнасилования. Уголовный закон - ст.117 УК РСФСР (ст.121 УК ЛатвССР) также не предусмотрел такого способа изнасилования в качестве квалифицированного признака, в отличие от изнасилования, совершенного группой лиц.

Зачем же вносить в правоприменительную практику два различных понятия - изнасилования, совершенного группой лиц, и изнасилования, совершенного групповым способом, и вкладывать в них столь различное содержание, если этого не требует советский закон? Полагаем, что следует более определенно сказать, что групповое изнасилование - это вид соучастия, а совершение его одним лицом, хотя и с привлечением физической силы малолетних и лиц неменяемых, не превращает его в групповое изнасилование. Если такого рода изнасилование стало социальным явлением и ныне действующее законодательство недостаточ-

1. См. Галиакбаров Р. Р. Групповое преступление. Свердловск, 1973, с. 118.

2. Там же, с. 119.

но эффективно в борьбе с этим явлением, то следует предусмотреть такое совершение изнасилования в качестве самостоятельногоотягчающего обстоятельства в самом законе. Судебная практика ЛатвССР не дает основания рассматривать изнасилование, совершенное одним лицом с использованием физической силы лиц, не являющихся субъектами преступления, в качестве социального явления. Речь может идти только о единичных случаях. В уголовно-правовой литературе, посвященной анализу изнасилования, также не приводятся данные, свидетельствующие о распространенности такого явления. Из проводимых различными авторами социологических исследований также нельзя сделать вывод, что это явление имеет распространенность или тенденцию роста.

В то же время мы не сомневаемся в том, что использование одним лицом при изнасиловании физической силы лиц, не могущих быть субъектами преступления, способно парализовать сопротивление потерпевшей или значительно его затруднить. Однако действующий закон дает возможность суду учесть этот факт только при определении меры наказания. Поэтому нельзя согласиться с А.Игнатовым, который утверждает, что если в группе подлежит уголовной ответственности только один человек, организовавший преступление, его действия квалифицируются как участие в групповом изнасиловании по ч.3 ст.117 УК РСФСР "так как здесь налицо все объективные и субъективные условия ответственности: виновный сознает, что он использует силы нескольких человек (невменяемых, малолетних) для совершения преступления, желает этого, ибо таким путем облегчается совершение преступления, понимает, что организованное им преступление представляет повышенную общественную опасность"¹.

Лицо, совершающее изнасилование, может использовать для нападения на потерпевшую и для преодоления ее сопротивления также и собаку и сознавать повышенную опасность своих действий.

Следует иметь также в виду, что действующее законодательство не считает отягчающим обстоятельством при изнасиловании применение огнестрельного или холодного оружия, что безусловно является не менее опасным способом нападения при изнасиловании. Многие уголовные кодексы союзных республик (в том числе и УК ЛатвССР) в отли-

1. Игнатов А. Квалификация изнасилования, совершенного при особо отягчающих обстоятельствах. - Советская Юстиция, 1976, №3, с.13.

чие от УК РСФСР не предусмотрели даже такого отягчающего ответственность обстоятельства как изнасилование, сопряженное с угрозой убийством или причинением тяжкого телесного повреждения, хотя такие случаи имеют значительную распространенность.

Вопрос о том, необходимо ли предусмотреть в законе т.н. "групповой" способ вне соучастия в качестве отягчающего ответственность обстоятельства — это самостоятельный и весьма спорный вопрос. В плане же учения о соучастии следует признать, что данное толкование группового изнасилования не соответствует законодательной регламентации института соучастия.

Дальнейшее отступление от понятия соучастия применительно к отдельным категориям преступлений наблюдается в некоторых постановлениях Пленумов Верховных судов отдельных республик. Так, Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 22 марта 1966 г. "О судебной практике по делам о грабеже и разбое" указал, что "действия участника разбойного нападения или грабежа, совершенные по предварительному сговору группой лиц, подлежат квалификации соответственно по ч.2 ст.90, п."а" ч.2 ст.91, ч.2 ст.145, п."а" ч.2 ст.146 УК РСФСР независимо от того, что остальные участники преступления в силу ст.10 УК РСФСР или по другим предусмотренным законом основаниям не были привлечены к уголовной ответственности"¹. Аналогичные разъяснения даны в постановлении Пленума Верховного Суда Латвийской ССР от 12 июня 1972 г. "О судебной практике по делам о посягательствах на личную собственность граждан, совершенных путем кражи, грабежа и разбоя", в котором говорится, что действия участника кражи, грабежа и разбоя, совершенные по предварительному сговору группой лиц, надлежит квалифицировать как преступление, совершенное в группе соответственно по части 2 ст.139, 140 или 141 ЛатвССР, независимо от того, что остальные участники преступления в силу ст.10 УК ЛатвССР или по другим предусмотренным законом основаниям не были привлечены к уголовной ответственности"².

Получается, что предварительная договоренность о совместных усилиях и о согласованности своих действий возможна с малолетними и душевно больными и потому неизменяемыми, и такая "договоренность" имеет юридические последствия, охватывается понятием соучастия в

1. См. Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1966, № 6, с.2-3.

2. См. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Латвийской ССР 1960-1972. Рига, 1973, с.177.

преступлении.

С таким выводом никак нельзя согласиться: он противоречит законоположению, содержащемуся в ч.1 ст.17 Основ уголовного законодательства о необходимости умысла у всех соучастников и совместных, т.е. согласованных действий.

Р.Галиакбаров упомянутое нами положение постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. признал "спорным по характеру", но отметил, что оно "несет в себе рациональное зерно и полезно". Однако этих положительных качеств он справедливо не признал за упомянутым постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г.¹

Мы же полагаем, что ссылка на "рациональное зерно" и сообщения полезности предлагаемого толкования по отдельным категориям дел по существу является не основанной на законе ссылкой на целесообразность, которую советская теория уголовного права и судебная практика давно и категорически отвергли во имя непоколебимой законности. Нельзя положениям о соучастии по отдельным категориям дел давать толкование без учета требований законоположений о соучастии, содержащихся в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Третий вопрос, который мы рассмотрим в данной статье относится к определению круга соисполнителей преступления. В советской теории уголовного права является спорным вопрос о том, может ли быть признан соисполнителем в преступлениях, предусматривающих специальный субъект, лицо, не обладающее качествами такого субъекта. Нет сомнений в том, что лица, не обладающие качествами специального субъекта, могут быть организаторами, подстрекателями и пособниками в преступлениях, для которых обязателен специальный субъект. Вопрос потому заключается только в том, можно ли привлечь этих лиц к уголовной ответственности, если они совместно со специальным субъектом участвуют в совершении преступления в качестве соисполнителей.

Некоторые советские ученые на этот вопрос отвечают отрицательно, хотя и недостаточно обоснованно. Так, В.Прохоров, П.Тель-

1. См. Галиакбаров Р.Р. Групповое преступление. Свердловск, 1973, с.119.

нов и А.Ушаков отмечают, что в преступлениях, для которых строго очерчен круг субъектов, иные лица не могут быть соисполнителями¹.

Авторы, которые отрицают возможность соисполнительства в преступлениях со специальным субъектом, в качестве примера большей частью приводят получение взятки, субъектом которого может быть только должностное лицо. Они утверждают, что соисполнителем в получении взятки не может быть иное лицо (недолжностное). Поэтому, если, например, должностное лицо в своем доме получает взятку и принимает ее совместно со своей женой, то исполнителем преступления является только само должностное лицо. В действиях жены может быть состав посредничества во взяточничестве, состав пособничества взяточничеству или же в ее действиях вообще нет состава преступления (если ее действия заключаются только в том, что она впускает взяткодателя в дом или раскладывает в соответствующие места полученные предметы).

Вместе с тем имеются составы преступлений, субъектом которых может быть только ограниченный круг лиц, но это все же не исключает возможности соисполнительства со стороны других лиц.

Так, в составе изнасилования предусмотрен специальный круг исполнителей преступления - мужчины. Однако в настоящее время нет сомнений в том, что женщина может быть соисполнителем этого преступления, если она применяет силу или угрозу в отношении потерпевшей в самом процессе изнасилования. Такова судебная практика², и ее правильность не вызывает сомнений³.

В случаях совершения хищения должностным лицом, злоупотребляющим своим служебным положением, зачастую совместно с ним в хищении принимают участие и недолжностные лица, являющиеся соисполнителями. Преступления этих лиц квалифицируются непосредственно по ч.2 ст.88 УК ЛатвССР (без ссылки на ст.17), хотя эта статья предусматривает специальный субъект преступления.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972

1. См. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Л., 1968, т. I, с. 612; Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974, с. 148-152; Ушаков А. Квалификация преступлений, совершенных частными лицами в соучастии со специальным субъектом. - Советская юстиция, 1972, №12, с. 7-8.
2. См. п.5 постановления Пленума Верховного Суда Латвийской ССР № 6 от 30 декабря 1965 г. - Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Латвийской ССР 1960-1972. Рига, 1973, с. 123.
3. Противоположную точку зрения защищает И.И. Горелик (См. Горелик И.И., Тихович И.С. Вопрос уголовного права (Особенной части) в практике Верховного Суда БССР. Минск, 1976, с. 72-75).

года специально указывается, что "лица, не являющиеся должностными, а также лица, которым имущество не было вверено или передано в ведение, непосредственно участвовавшие в хищении, подпадающем под признаки ст.92 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, несут ответственность по этим статьям. При этом, если названные лица совершили хищение по предварительному сговору с лицами, указанными в ст.92 УК РСФСР, действия их должны квалифицироваться по ч.2, а при крупном размере похищенного - по ч.3 этой статьи"¹.

Эти преступления не являются единственными, когда, несмотря на то, что законом предусмотрен специальный субъект преступления, не исключается соисполнительство. Так, например, в ст.100 УК ЛатвССР предусмотрена уголовная ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка. Специальным субъектом преступления является мать. Но соисполнителем этого преступления может быть любое лицо - отец ребенка, бабушка, сестра, подруги и другие лица.

В ч.1 ст.113 УК ЛатвССР предусмотрена уголовная ответственность за производство аборта врачом вне больниц или другого лечебного заведения или в лечебном заведении, но без законного основания, т.е. предусмотрен специальный субъект преступления - врач. Однако это преступление может быть совершено врачом совместно с иными лицами в качестве соисполнителей. Например, врач совместно с медицинской сестрой производит аборт вне больницы.

Во всех преступлениях, в которых предусмотрены такие специальные субъекты, как особо опасный рецидивист или лицо, имеющее судимость за определенное преступление, или лицо, к которому применялись административные меры воздействия за определенные нарушения, соисполнителями могут быть также лица, которые не соответствуют этим понятиям. Отягчающие ответственность исполнителей обстоятельства иногда влияют, а иногда даже не влияют на квалификацию деяний соисполнителей (в зависимости от того, охватываются ли их сознанием эти отягчающие ответственность исполнителей обстоятельства).

Поэтому нет основания утверждать, что в преступлениях, для

---

1. См. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1973, М., 1974, с. 447.

которых законодатель предусмотрел специальный круг субъектов ответственности, соисполнителями могут быть только лица, соответствующие требованиям, предъявляемым к субъектам данных преступлений. Такое утверждение является неверным по существу и не соответствует судебной практике.

Однако, это вовсе не означает, что вообще нет таких преступлений, исполнителями и соисполнителями которых могут быть только лица определенного круга, соответствующего признакам специального субъекта преступления. Нет сомнений в том, что как исполнителями, так и соисполнителями таких преступлений, как добровольная сдача в плен (ст.253 УК ЛатвССР), самовольное оставление поля сражения или отказ действовать оружием (ст.252 УК ЛатвССР), нарушение уставных правил караульной службы (ст.244 УК ЛатвССР), нарушение правил несения пограничной службы (ст.245 УК ЛатвССР), нарушение правил несения боевого дежурства (ст.246 УК ЛатвССР), дезертирство (ст.236 УК ЛатвССР), самовольная отлучка (ст.234 УК ЛатвССР) и многие другие воинские преступления, могут быть только специальные субъекты.

Вопрос о допустимости в преступлениях со специальным субъектом в качестве соисполнителей преступления лиц, не соответствующих признакам специального субъекта, должен решаться различно, в зависимости от того, какой круг лиц может посягать на правоохраняемый объект. Если охраняемым уголовным правом социалистическим общественным отношениям может быть причинен ущерб только лицами, обладающими качествами специального субъекта, то как исполнителями, так и соисполнителями могут быть только такие лица. В первую очередь следует упомянуть воинские преступления, объектами которых являются порядок подчиненности и соблюдения воинской чести, порядок прохождения военной службы, порядок несения боевого дежурства и специальных служб, порядок несения воинской службы в боевой обстановке и в районе военных действий и другие. Посягнуть на эти объекты может только определенный круг лиц, именно те лица, которые законодателем признаны субъектами преступлений.

Если же законодатель предусмотрел специальный круг субъектов, чтобы отразить большую или меньшую степень общественной опасности совершенных этими лицами преступлений по сравнению с такими же преступлениями, совершенными всеми прочими лицами, то вовсе не исключается, что эти последние могут быть соисполнителями в преступлениях.

совершенных специальными субъектами. В этих случаях лица, которым не присущи признаки специального субъекта, могут посягнуть на охраняемый законом объект преступления и причинить ему существенный вред. Поэтому они могут быть соисполнителями и в преступлениях со специальным субъектом. Следует иметь в виду, что если законодатель считает преступление, совершенное специальным субъектом, менее опасным по сравнению с совершенным другими лицами ввиду личных качеств специального субъекта, то действия остальных соисполнителей квалифицируются по другой статье или части статьи УК, в которой предусмотрено совершенное ими деяние. Поэтому убийство матерью своего новорожденного ребенка квалифицируется по ст. 100 УК ЛатвССР, а действия любого соисполнителя, в том числе и отца ребенка, — по ст. 98 или 99 УК ЛатвССР. В уже приведенном нами примере о незаконном производстве аборта врач по этой же причине отвечает по ч. 1 ст. 113 УК ЛатвССР, а медицинская сестра — по ч. 2 ст. 113 УК ЛатвССР.

В то же самое время во всех случаях, когда законодателем предусмотрен специальный субъект преступления для того, чтобы отразить большую степень общественной опасности деяния, соисполнители могут быть привлечены к ответственности за совместно совершенное преступление по той же статье или той же части статьи, если им было известно, что в действиях исполнителя имеется квалифицированный состав преступления. Например, особо опасный рецидивист Ю. договорился с М. о совместном совершении хищения обуви со склада. Оба проникли через чердачное помещение в склад и совершили хищение обуви на сумму в две тысячи рублей. Действия Ю. должны квалифицироваться по ч. 3 ст. 85 УК ЛатвССР (хищение государственного или общественного имущества путем кражи, совершенное особо опасным рецидивистом). Действия соисполнителя М. также должны квалифицироваться по этой же части ст. 85 УК, если он знал, что Ю. является особо опасным рецидивистом.

Если же соисполнитель преступления не знает о наличии характеризующих исполнителя отягчающих обстоятельств, повышающих его ответственность, они не могут быть ему вменены; его действия квалифицируются по той статье, в которой предусмотрено совершенное им преступление (в данном случае по ч. 2 ст. 85 УК).

Нельзя согласиться с мнением М. Дысова, который полагает, что действие должностного лица как исполнителя преступления должны квалифицироваться как должностное преступление, а действия недолжност-

ного лица, непосредственно участвовавшего в преступлении, как пособничество в должностном преступлении. В качестве примера он приводит превышение власти или служебных полномочий, если оно сопровождалось насилием, в результате которого потерпевшему были причинены телесные повреждения. Действия должностного лица, причинившего телесные повреждения при превышении власти или служебных полномочий, по мнению М.Лысова, должны квалифицироваться как должностное преступление по ч.2 ст.171 УК РСФСР, а действия недолжностного лица, оказавшего ему помощь при нанесении телесных повреждений, т.е. участвовавшего в совершении этого преступления как пособничество в должностном преступлении. М.Лысов приходит к выводу, что аналогичные действия при соучастии в преступлениях с общим субъектом будут признаны соисполнительством, а при соучастии в преступлении со специальным субъектом - пособничеством. Он говорит о процессе превращения соисполнителя в пособника и об обратном превращении пособника в соисполнителя¹. Такого же мнения придерживается и А.Ушаков². Однако трудно согласиться с неоснованной на законе метаморфозой, превращением соисполнительства в пособничество при наличии в качестве исполнителя преступления специального субъекта. Такое утверждение голословно и находится вне учения о соучастии.

Этот случай, как и все прочие, должен быть решен в зависимости от того, может ли лицо, не наделенное признаками специального субъекта преступления, посягнуть на конкретные охраняемые уголовным законом социалистические общественные отношения. При положительном ответе действие недолжностного лица, участвовавшего вместе с исполнителем преступления - специальным субъектом в реализации преступления, должно рассматриваться как соисполнительство. Это положение относится и к превышению власти и служебных полномочий, сопряженных с насилием, также к принуждению к даче показаний, соединенных с применением насилия, к должностному подлогу и другим преступлениям со специальным субъектом.

-
1. См. Лысов М. Юридическая природа соучастия в преступлениях со специальным субъектом. - Советская юстиция, 1971, №21, с.10.
  2. См. Ушаков А. Квалификация преступлений, совершаемых частными лицами в соучастии со специальным субъектом. - Советская юстиция, 1972, № 12, с.8.

ПОНЯТИЕ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

Природные богатства являются источником роста материальных и духовных ценностей нашего общества и обеспечивают наилучшие условия для здоровья, труда и отдыха трудящихся. Охрана природы в наши дни стала первостепенной задачей социалистического государства и всего общества. В Конституция СССР записано, что в интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, растительного и животного мира, сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды.

Уголовная ответственность за преступные посягательства на природу как самый строгий вид юридической ответственности служит охране природных богатств и тем самым способствует сохранению, рациональному использованию, восстановлению и умножению природных богатств.

Для того, чтобы иметь полное представление о том вреде, который причиняется обществу посягательствами на интересы охраны природы, важное значение имеет изучение объекта этих преступлений, установление и оценка тех общественных отношений, на которые посягает виновное лицо. От правильного установления объекта рассматриваемых преступлений зависит оценка степени их общественной опасности, место таких деяний в общей системе преступлений, а также построение системы преступлений против природных богатств. Объект преступлений служит также и отграничению этих преступлений от смежных с ними, правильной квалификации преступлений и выбору мер воздействия в отношении лиц, нарушающих законодательство об охране природы.

Не вызывает споров то обстоятельство, что общим объектом преступлений являются социалистические общественные отношения, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств. Од-

Если, если учесть, что большинство преступлений одновременно посягают на несколько смежных общественных отношений, то становится ясно, что объект преступления имеет сложную внутреннюю структуру. Для более правильного решения интересующих нас вопросов необходимо в основных чертах ознакомиться со структурой объекта преступлений.

Так, Б.С. Никифоров, обстоятельно исследовавший содержание общественных отношений, шире других раскрыл структуру объекта преступления и в нем включает: а) участников общественных отношений, носителей охраняемых законом интересов; б) отношения между участниками, то есть, охраняемые законом интересы участников (субъектов) общественных отношений - возможность действовать определенным образом, пребывать в определенном состоянии и в связи с этим требовать от других признать такую возможность или состояние другого лица или коллектива; в) условия реализации обеспеченных законом возможностей; г) вещественный предмет, если общественные отношения возникают по поводу такого предмета¹.

1. См. Никифоров Б.С. Объект преступлений по советскому уголовному праву. М., 1960, с. 29-122.

Мнение В.Н. Кудрявцева сводится к тому, что объект преступления охватывает: а) фактические общественные отношения между людьми; б) их правовую форму или "оболочку"; в) материальные формы, условия и предпосылки существования этих общественных отношений (Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972, с. 151; Его же. Объективная сторона преступлений. М., 1960, с. 143-148).

В.Н. Кудрявцев и Б.С. Никифоров полагают, что общественные отношения могут выражаться в действиях, в практическом поведении людей или в определенном положении людей по отношению друг к другу и обществу в целом. Более последовательным в этом отношении является В.Н. Кудрявцев, который в общественные отношения включает не только возможность действовать определенным способом, но и прежде всего само фактическое поведение, практическую деятельность людей (Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступлений, с. 144). И действительно, только тогда, когда люди (субъекты) совершают определенные действия, можно судить о содержании отношений между ними, о сущности этих отношений.

Н.И. Коржанский, исследуя вопрос об объекте преступлений, приходит к выводу, что общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны и предмет правового регулирования представляют собой возникающие или устанавливаемые в интересах групп, классов, общества социальные институты поведения, а их содержанием является социальная возможность, необходимость

Приведенные соображения указанных авторов позволяют прийти к выводу о том, что в структуру объекта преступлений входят три основных элемента: а) субъекты общественных отношений; б) само общественное отношение, которое определяется действием или определенным положением субъектов общественных отношений; в) предмет преступления¹. Эти элементы достаточно полно, по нашему мнению, раскрывают содержание общественных отношений и дают основание для анализа общественных отношений в области охраны природы, охраняемых уголовным законом.

Таким образом, неотъемлемой частью общественных отношений являются участники (субъекты) этих отношений, под которыми понимаются юридические и физические лица с их интересами².

Субъектами общественных отношений в области охраны природы являются, прежде всего, государство как исключительный собственник природных богатств, а также государственные органы лесного, рыбного, охотничьего, водного хозяйств, должностные лица,

---

или запрещенность определенного поведения либо социальная возможность определенного состояния субъектов общественных отношений (Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений. Волгоград, 1976, с. 20-21).

1. Н.А.Балаяв указывает, что общественное отношение - это отношение между лицами (физическими и юридическими) по поводу материальных вещей или действий, которые совершаются субъектами этого отношения. Элементами общественного отношения являются субъекты отношений, их деятельность, материальные вещи (Курс советского уголовного права. Часть Общая, д., 1968, т. I с. 304).
2. Совершенно прав Б.С.Никифоров в том, что общественные отношения - это всегда отношения между людьми в процессе их существования, выступающими либо в виде коллективов (государство, государственный аппарат, вооруженные силы) либо в виде отдельных личностей..., а правоотношение есть обеспеченное (государственными или общественными силами) отношение между людьми, при котором связь между ними существует в виде, с одной стороны, права одного лица требовать соблюдения другим лицом установленного законом правила поведения, а, с другой стороны, обязанности этого другого лица подчиниться требованию (Никифоров Б.С., указ. раб., с. 30, 58).

отдельные граждане, чья деятельность связана с охраной или использованием природных богатств и т.д. К субъектам общественных отношений в области охраны природы относятся и общественные организации, содействующие охране природы, такие как Общество охраны природы и памятников Латвийской ССР, районные отделения названного общества, Общество охотников и рыболовов Латвийской ССР, общественные инспектора охраны природы и др.

Более подробно необходимо остановиться на вопросе о предмете преступления, так как воздействуя на предметы материального мира, лицо, совершившее преступление, осуществляет посягательство на общественные отношения, то есть, на объект преступления. Поэтому немаловажное значение для правильной квалификации преступления имеет предмет преступного посягательства¹.

В этой связи необходимо вспомнить сказанное К.Марксом, что "...сборание валежника и кража леса - это существенно различные вещи. Различны объекты, не менее различны и действия, направленные на эти объекты, следовательно различны должны быть и намерения, ибо какое же объективное мерило можем мы приложить к намерению, помимо содержания действия и его формы?"².

Большинство юристов обоснованно разграничивают объект преступления и его предмет³. Однако само понятие предмета преступления в юридической литературе определяется по-разному⁴.

---

1. В.Н.Кудрявцев предмет считает самостоятельным элементом объекта преступления и в отличие от Б.С.Никифорова, полагавшего предмет признавать лишь составной частью самих общественных отношений (Никифоров Б.С., указ. раб., с.106).

2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с.122.

3. Некоторые авторы допускают смешение предмета преступления с объектом посягательства (см., например, Курс советского уголовного права. М., т. 2, с.116; т. 4, с.312, 1972).

4. А.Н.Трайнин отмечает, что предметом преступления является вещь, в связи с которой или по поводу которой совершается преступление (Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступлений. М., 1957, с.179).

Н.И.Корманский находит, что предмет преступления - это конкретная материальная вещь, в которой проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений (объекта преступления), путем физического или психического воздействия на которую причисляется социально опасный вред в сфере общественных отношений. (Корманский Н.И. Предмет преступлений. Волгоград, 1976, с.17).

Предмет преступления является составной частью общественных отношений, на которые посягает лицо, совершившее преступление. Воздействуя на него, причиняется вред в обществе установленным отношениям по поводу этого предмета, и, таким образом, преступлением причиняется вред самим общественным отношениям. Поэтому о предмете преступления можно говорить только в тех случаях, когда причинение вреда объекту преступления связано с воздействием на входящий в состав этого объекта предмет материального мира.

На основании анализа предмета преступления и его места в структуре объекта преступления можно сказать, что предметом преступлений в области охраны природы являются объекты природы¹.

Согласно ст. 1 Закона Латвийской ССР об охране природы Латвийской ССР, принятого на сессии Верховного Совета Латвийской ССР 20 декабря 1968 года, объектами природы, подлежащим охране, являются: земля, недра, воды, леса, пригородные зеленые зоны, зеленые насаждения во всех населенных пунктах, отдельные вековые и декоративные деревья, типичные ландшафты, редкие достопримечательные природные объекты, растения, находящиеся под угрозой исчезновения или требующие охраны ввиду их редкости, научной или практической ценности, животный мир, атмосферный воздух, территории, на которых находятся особо важные в культурном или научном отношении природные комплексы, памятники природы, редкие виды животных и др.²

Эти объекты природы являются составным элементом объекта

---

1. В основном правильно предмет преступления в области охраны природы определяет Ю.С. Богомятков, который полагает, что это объекты природы, находящиеся в естественном состоянии и являющиеся необходимым элементом общественных отношений по рациональному природопользованию, преступным воздействием на которого, причиняется ущерб данным отношениям (Богомятков Ю.С. Уголовно-правовая охрана природных богатств в СССР. Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1972, с. 8).

Недостатком данного определения является то, что в нем указывается на общественные отношения только по поводу рационального использования природных богатств. Следовало одновременно в определении включить общественные отношения по сохранению, восстановлению и умножению природных богатств.

2. Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР, 1968, № 52, с. 1336.

проступлений против природных богатств и в результате преступного воздействия на них причиняется вред общественным отношениям, которые возникают, образуются или существуют в области охраны природы. Таким образом, общественные отношения в области охраны природы - это отношения человека и общества в целом к природе и по поводу природы.

Н.С.Макаревич пытался раскрыть внутреннюю структуру общественных отношений по охране природы и систему этих отношений¹. Ошибкой Н.С.Макаревича при этом мы считаем то, что он из круга общественных отношений в области охраны природы исключает общественные отношения по рациональному использованию природных богатств. С такой точкой зрения согласиться нельзя, так как охрана природы не мыслима вне связи с рациональным использованием природных богатств, с восстановлением, умножением этих богатств, и, наконец, сохранением природных богатств. Все эти общественные отношения между собой связаны и направлены на охрану природы в целом, поэтому только рациональное использование природных богатств можно сочетать с другими интересами общества в области охраны природы².

Таким образом, охрана природы охватывает социалистические общественные отношения, реализация которых обеспечивает интересы сохранения, рационального использования, восстановления и умножения природных богатств. С учетом направления исследования общественных отношений в области охраны природы нас интересуют только те отношения, которые охраняются уголовно-правовыми нор-

- I. Н.С.Макаревич к отношениям по охране природы относит: отношения по охране земли, недр, вод, атмосферного воздуха от загрязнения и отравления вредными промышленными выбросами, бытовыми отходами и т.д.; отношения по удалению вредных веществ из окружающей среды; отношения по воспроизводству природных ресурсов; отношения по охране (в буквальном смысле слова) заповедников, заказников, редких видов животных, курортов, памятников природы, зеленых насаждений в населенных пунктах, типичных ландшафтов и т.д.; отношения по защите животного мира и растительности, из которых складывается биосфера и от которых непосредственно зависит человек; отношения по определению условий пользования природными объектами. Все эти группы отношений по охране природы он объединяет под названием - отношения по сохранению и поддержанию равновесия в биосфере с учетом хозяйственной деятельности человека (Макаревич Н.С. Отношения по охране природы как предмет правового регулирования. -

мами и поэтому могут быть объектами преступлений против природных богатств.

При рассмотрении данного вопроса следует отличить объект преступлений в области охраны природы от объекта природы, под которым понимаются сами природные богатства - леса, воды, животные, растения и т.д. Связь между этими понятиями выражается в том, что общественные отношения образуются по поводу использования объектов природы.

На основании анализа объекта преступлений в области охраны природы очень важное значение имеет определение места этой группы преступлений в общей системе преступлений по советскому уголовному праву. Эту задачу можно решить, определяя группу однородных общественных отношений в области охраны природы, охраняемых уголовным законом.

До начала шестидесятых годов преступления в области охраны природы были отнесены к преступлениям, связанным с нарушением правил о производстве промыслов¹. После принятия новых уголовных кодексов союзных республик в юридической науке укрепились точка зрения, согласно которой преступления против природных богатств должны быть выделены в отдельную группу².

- Советское государство и право, 1972, №9, с. 96-97).

2. Правильно отмечает болгарский ученый П. Стойнов, что понятие защиты природы в социалистическом законодательстве охватывает все природные ресурсы - их охрану, рациональное использование, улучшение, восстановление (Стойнов П. Правовые вопросы защиты природы. М., 1974, с. 40).
1. См. Гельфер М. А. Хозяйственные преступления. М., 1959, с. II; Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1960, т. 2, с. 54-58.
В этой связи следует отметить, что такому мнению способствовало то положение, что в УК РСФСР 1922 и 1926 годов статьи, предусматривающие уголовную ответственность за преступления в области охраны природы, были помещены в главе "Преступления против порядка управления" наряду со статьями об уголовной ответственности за незаконное занятие промыслами.
Однако в то же самое время А. А. Пионтковским преступления в области охраны природы были уже выделены в самостоятельную группу (Курс советского уголовного права. Особенная часть, М., 1959, т. 2, с. 229-230).
2. См., например, Леоньев Б. М. Ответственность за хозяйственные преступления. М., 1963, с. 164-131; Некипелов П. Т. Понятие и система хозяйственных преступлений по советскому уголовному праву. Ростов, 1963, с. 99-104.
Непоследовательную позицию по этому вопросу занял В. В. Ста-

Еще дальше в этом направлении пошел Ю.С. Богомятков, который уже определил в основных чертах правильно групповой объект преступлений в области охраны природы. Он полагает, что групповым объектом преступлений, совершаемых в области использования природных богатств, является совокупность общественных отношений, обеспечивающих рациональное использование, воспроизводство и увеличение природных ресурсов¹.

Однако мы полагаем, что все названные авторы вопрос о месте преступлений в области охраны природы в общей системе преступлений решили непоследовательно и не конца, так как рассматриваемые преступления, по их мнению, должны быть оставлены в главе о хозяйственных преступлениях. Это значит, что родовым объектом преступлений в области охраны природы признаются интересы нормального развития социалистического народного хозяйства.

Родовой объект преступлений — это группа однородных и взаимосвязанных общественных отношений, на которые посягает целый ряд преступлений, и которые причиняют ущерб отдельным из этих отношений. В юридической литературе, как правило, признается, что родовой объект служит основой систематизации норм. Особенной части уголовного права, распределения всех составов преступлений по главам².

Кроме того, выделение родового объекта преступлений в области охраны природы в рамках хозяйственных преступлений противоречит общепризнанному делению объектов преступлений на общий, родовой (специальный) и непосредственный на базе марксистско-ленинского положения о соотношении общего, особенного и отдельного. Если признать объект преступлений в области охраны природы родо-

---

шис. Он в одну подгруппу объединяет преступления, нарушающие правила о производстве промыслов и эксплуатации природных богатств. В отличие от других авторов он незаконную порубку леса причисляет к преступлениям в области сельского хозяйства (Ставис В.В. Хозяйственные преступления. Харьков, 1971, с. 5.).

1. Богомятков Ю.С. Уголовно-правовая охрана природных богатств, СССР, с. 7.
2. См. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Л., 1968, т. 2, с. 294; Советское уголовное право. Общая часть. М., 1974, с. 104.

вым в системе хозяйственных преступлений, то возникает вопрос, как быть с родовым объектом хозяйственных преступлений? Где его место наряду с родовым объектом преступлений в области охраны природы?

Мы глубоко убеждены, что в настоящее время назрела необходимость выделить преступления против природных богатств в самостоятельную группу преступлений в соответствии с родовым объектом этой группы преступлений.

Мы полагаем, что под родовым объектом преступлений*, посвящающих на природные богатства, следует понимать совокупность общественных отношений социалистического государства, обеспечивающих сохранение, рациональное использование, восстановление и умножение природных богатств в условиях научно-технического прогресса¹.

I. В юридической литературе высказаны и другие определения родового объекта преступлений в области охраны природы. Так, например, З.Г. Корчева считает, что родовым объектом всех преступлений против природы являются общественные отношения по охране природы в СССР. Представляется, что данное определение родового объекта не раскрывает содержание уголовным законом охраняемых общественных отношений в области охраны природы. З.Г. Корчева в своей работе там же указывает, что это отношения по поводу использования, сохранения и умножения природной среды в интересах всего общества (Корчева З.Г. Уголовно-правовая охрана природы в УССР. Учебное пособие. Харьков, 1975, с. 6). Мы считаем, что эти признаки общественных отношений должны быть отражены в самом определении родового объекта преступлений против природных богатств.

Т.А. Бушуева и П.С. Дагель полагают, что родовый объект преступлений в области природопользования — это нормальные отношения между людьми по поводу окружающей среды как основы существования и жизнедеятельности человеческого общества (Бушуева Т.А., Дагель П.С. Объект уголовно-правовой охраны природы. — Советское государство и право, 1977, № 8, с. 81).

Мы считаем, что указание в определении родового объекта преступлений против природных богатств на "нормальные отношения между людьми по поводу окружающей среды" также достаточно не раскрывает содержание, направление этих отношений (интересы сохранения, рационального использования, восстановления и умножения природных богатств), главные основы нашего общества для реализации этих отношений (социалистический государственный строй, государственная собственность на природные богатства, социалистическая система хозяйства) и особенности развития народного хозяйства в наши дни (научно-технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства). Правда, там же дальше в указанной работе авторы говорят, что указанные общественные отношения опосредствуют функционирование системы "человек-окружающая среда", включая как пользование природными ресурсами, так и целенаправленное воздействие человека на природу

Понятие охраны природы по своему содержанию несомненно стало значительно шире в наши дни и вышло за пределы хозяйственных интересов советского государства. Природные богатства не только источник промышленного и сельскохозяйственного производства; они обеспечивают и наилучшие условия для здоровья человека, его культурные потребности (эстетическое воспитание) и отдых трудящихся. Охрана природы в настоящее время охватывает весь комплекс вопросов взаимодействия социалистического общества с природой в целом.¹

С учетом приведенных соображений мы полагаем, что нормы уголовного права, охраняющие общественные отношения в области охраны природы, должны быть выделены в самостоятельной главе Особенной части уголовного кодекса под названием - "Преступления против природных богатств СССР"².

Это предложение вытекает из важности задач охраны природы для социалистического государства в настоящее время. В постановлении Верховного Совета СССР от 20 сентября 1972 года "О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов" подчеркнута, что неустанная забота об охране природы и лучшем использовании природных ресурсов является одной из важнейших государственных задач³.

с тем, чтобы сохранить и приумножить ее.

Однако само определение родового объекта преступлений против природных богатств этого не отражает. Кроме того, авторами употребляется система "человек-окружающая среда", которая также не охватывает всю совокупность общественных отношений в области охраны природы. В этих отношениях участвует не только человек как субъект общественных отношений, но и государство, в рамках государства и учреждения, общественные организации и т.д.

Т.А. Бушуева и П.С. Дагель также отмечают, что родовый объект преступлений против природопользования гораздо шире объекта хозяйственных преступлений. Ущерб причиняется не только народному хозяйству, но и окружающей среде как источнику существования всего живого на земле, жизни, здоровья людей и т.д. (См. указ. раб., с.82).

2. Мнение о необходимости выделения преступлений в области охраны природы в отдельной главе УК в юридической литературе уже было высказано (См. Козак В.Н. Развитие уголовного законодательства об охране природы в СССР. - В кн.: Становление и развитие советского уголовного законодательства. Волгоград, 1973, с. 60; Тяжкова И.М. Некоторые вопросы уголовно-правовой охраны природы. - В кн.: Проблемы взаимодействия общества и природы. (Тезисы докладов к теоретической конференции). М., 1974, с.139; Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1975, с.262; Бушуева Т.А., Дагель П.С. Объект уголовно-правовой охраны приро-

В этой связи следует также указать, что в государственно-правовой литературе и в литературе по другим отраслям права последних лет высказывается и убедительно обосновывается мнение о том, что охрану природы следует признавать самостоятельной функцией социалистического государства¹.

Представляется, что интересы охраны природы, которые положены в основу одной из главных функций социалистического государства, и которая (функция) реализуется в целях урегулирования общественных отношений в области охраны природы, должны также и впредь защищаться и уголовно-правовыми средствами. Поэтому, нормы, охраняющие эти общественные отношения, ввиду особой их значимости для нашего общества заслуживают выделения в отдельной главе УК.

Так как общему и родовому объекту преступления причиняется ущерб только путем посягательства на непосредственный объект важно определить понятие и значение непосредственных объектов преступлений в области охраны природы. Под непосредственным объектом преступлений понимается то конкретное общественное отношение или совокупность их, на которые непосредственно посягает преступление. Характерным для непосредственного объекта преступления является то, что под ним понимается только то общественное отношение, которому данным преступлением во всех случаях причиняется ущерб.

Выявление непосредственного объекта преступления необходимо и для решения вопроса о том, какую конкретную статью Особенной части УК следует применить в случае совершения преступления

ды, с. 82).

Необходимо отметить, что в программе курса "Советское уголовное право" для юридических высших учебных заведений и юридических факультетов государственных университетов, изданной в 1974 году, впервые отделено в Особенной части выделена тема (XXXII) - Преступления против природных богатств СССР. (Программа курса Советское уголовное право. М., 1974, с. 33).

3. Ведомости Верховного Совета СССР, 1972, №39, с. 346.

1. См. Макаревич М.С. Правовое регулирование общественных отношений по охране природы в СССР. Автореф. канд. дисс. Саратов, 1973, с. II; Ляпунов Ю.И. Основные теоретические проблемы уголовно-правовой охраны природы в СССР. Автореф. докт. дисс. М., 1974, с. 8; Тюткин В.И. О государственном руководстве рациональным

в области охраны природы, а также решая вопрос о системе преступлений против природных богатств.

Так, например, лицо, совершившее незаконную порубку леса, посягает на общественные отношения, которые советским государством установлены для обеспечения сохранения, рационального использования, восстановления и умножения лесных ресурсов. Эти общественные отношения являются непосредственным объектом незаконной порубки леса. Определение непосредственного объекта незаконной порубки леса дает возможность отграничить данное преступление от кражи древесины, так как объектом кражи являются совсем другие общественные отношения, связанные с отношениями собственности.

Таким образом, общественные отношения, которые охраняются уголовным законом, являются объектом любого преступления в области охраны природы, а в зависимости от того, как широко затрагиваются интересы общества в области охраны природных богатств, определяется родовая (специальный) и непосредственный объекты преступного посягательства¹.

Говоря об объекте конкретных преступлений в области охраны природы, необходимо остановиться также на вопросе о четкости его определения. Для характеристики сущности общественного отношения, на которое посягает нарушитель правил порубки леса, мы пользовались довольно сложным определением непосредственного объекта данного преступления².

природопользованием и охраной природы как функции советского государства. - В кн.: Проблемы взаимодействия общества и природы, с. 126; Социалистическое государство. Сущность, функции и формы. М., 1976, с. 35-43; Шемшученко В. С. Организационно-правовые вопросы охраны окружающей среды в СССР. Киев, 1976, с. 24-34.

1. В этой связи А. А. Пинаев отмечает, что общий объект позволяет судить о классово-политическом характере в целом всех общественно опасных деяний, ответственность за которые предусмотрена уголовным законом; родовая - отражает специфику определенной группы посягательств, давая возможность правильно систематизировать преступления; непосредственный - раскрывает характер конкретного деяния, создавая предпосылки для правильной его квалификации (Пинаев А. А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. Харьков, 1975, с. 6).
2. В юридической литературе нет единого мнения по вопросу определения объектов и непосредственные объекты конкретных преступлений в области охраны природы обозначаются по-разному. Например, употребляется такое сложное определение непосредственного объекта водных промыслов, как социалистический порядок ведения

Нам представляется, что для определения непосредственного объекта необходимо указать на то главное в общественных отношениях, ради чего установлена уголовно-правовая охрана. И этим главным является интерес общества в сохранении, рациональном использовании, восстановлении и умножении соответствующего природного объекта (леса, воды, животных, воздуха и др.)¹. Так, непосредственным объектом незаконной порубки леса являются интересы лесного хозяйства; незаконной охоты — интересы охотничьего хозяйства; незаконной рыбной ловли, производства лесосплава или взрывных работ с нарушением правил защиты рыбных запасов — интересы рыбного хозяйства и т.д.

Таким образом, правильное определение непосредственного объекта преступлений против природных богатств имеет большое теоретическое и практическое значение. Поэтому оно (определение) должно содержать указание о том, на какую конкретную часть общественных отношений по охране природы посягает виновный, совершая преступление. А от этого, как выше отмечалось, зависит решение ряда уголовно-правовых вопросов в области охраны природы.

хозяйства в области использования водных богатств (Научно-практический комментарий УК РСФСР. М., 1964, с. 349), или — социалистическое хозяйство, социалистическая система хозяйства в определенной области использования природных богатств (Сергеева Т. Д. Охрана природы по советскому законодательству. — В кн.: Правовые вопросы охраны природы в СССР. М., 1963, с. 169).

Обоснованно отмечают Т. А. Бушуева и П. С. Дагель, что порядок пользования природными богатствами не есть сама общественно-практическая деятельность, а скорее — отражение ее в соответствующих юридических актах (Бушуева Т. А., Дагель П. С., указ. раб., с. 80).

Не отражают, по нашему мнению, сущность общественных отношений в области охраны природы, охраняемых уголовным законом, и другие упомянутые определения определения объектов преступлений против природных богатств.

1. Интерес — категория социальная, носящая объективно-субъективный характер. За интересом стоят люди (носители интереса) и их практическая деятельность, направленная на удовлетворение интереса как познания потребности. Создавая материальные или духовные ценности, способные удовлетворить тот или иной интерес, люди вступают в социальные связи и отношения и через посредство этих связей и отношений проявляется их отношение к природе (См. Лягунов Ю. И. Уголовно-правовая охрана природы органами внутренних дел. М., 1974, с. 26).

Такую же мысль высказал и Ю. А. Демидов — социалистические общественные отношения проявляются в социалистических интересах. Они так же иначе складываются в личных интересах большинства трудящихся. Наиболее важные из них как ценности социалистического общества охраняются уголовным законом (Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975, с. 49).

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ УГОНА СРЕДСТВ МЕХАНИЧЕСКОГО ТРАНСПОРТА

Предупреждение преступлений — это сложный многогранный процесс, предполагающий собой осуществление целой системы государственных и общественных мероприятий хозяйственного, культурно-педагогического, нравственного-воспитательного, политического и правового характера. Эта деятельность все более увязывается с выявлением и устранением причин преступности в общесоциальном плане, причин различных видов преступлений, причин индивидуального преступного поведения и условий, способствующих совершению преступлений, т.е. предотвращением преступлений.

Значение предупреждения преступности как основы борьбы с ней отмечал К.Маркс в статье "Дебаты по поводу закона о краже леса": "Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него. Но он сделает это не путем ограничения сферы права, а тем путем, что в каждом правовом стремлении уничтожит его отрицательную сторону, предоставив его положительную сферу деятельности"¹.

Ст.2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик подчеркивает, что уголовное судопроизводство должно способствовать предупреждению и искоренению преступлений; на необходимость проведения предупредительной работы указывается в ст.ст.48,117,144,216,317 и 354 УПК ЛатвССР. Вопросы, связанные со своевременным пресечением преступной деятельности граждан, а также с устранением причин и условий, способствующих совершению преступлений, занимают значительное место в практике Верховного Суда СССР, Верховных Судов союзных республик, в деятельности правоохранительных органов.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.1, с.131.

Место предварительного следствия в системе стадий уголовного судопроизводства определяет важнейшую роль следователя в выявлении причин и условий, способствующих совершению угона средств механического транспорта, а также в принятии мер к их устранению. Однако проведенное нами изучение судебной практики ЛатвССР за десять лет показывает, что по многим уголовным делам органы предварительного следствия не вскрывают причин этого преступления и не принимают действенных мер к предупреждению новых преступлений. Лишь по 12,1% изученных уголовных дел следственными органами внесены представления в соответствующие предприятия, учреждения и общественные организации о принятии мер по устранению выявленных недостатков в их деятельности, в то время, как основания для применения ст. 144 УПК ЛатвССР имелось примерно по 1/3 изученных уголовных дел.

Важным средством для предупреждения преступлений, в том числе и угона средств механического транспорта, являются частные определения суда. Ст. 317 УПК ЛатвССР устанавливает, что при постановлении приговора суд вправе частным определением обратить внимание учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц на недочеты, способствовавшие совершению преступления и требующие принятия соответствующих мер.

Правовая природа частного определения заключается в том, что оно является решением суда по определенному вопросу и как всякое судебное решение обязательно к исполнению. Однако судебная практика свидетельствует, что эти возможности в предупреждении угона средств механического транспорта судами используются недостаточно, так как лишь по 3,8% от общего количества изученных дел были вынесены частные определения суда. На этот существенный недостаток в деятельности судов указано Верховным судом Латвийской ССР в постановлении Пленума от 24 марта 1969 года № 3 "О судебной практике по уголовным делам о незаконном угона средств механического транспорта".

При рассмотрении уголовных дел об угона средств механического транспорта судами зачастую не выполняется п.5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976г. № 15 "О дальнейшем совершенствовании судебной деятельности по предупреждению преступлений", обязывающий судью или суд в процессе подготовительных действий к судебному заседанию выяснить, что было предпринято в ходе предварительного расследования к устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления, и в необходимых случаях принять меры к наиболее полному выяснению этих вопросов в судебном заседании.¹ Не отмечено также ни одного случая направления дела на доследование для исследования причин и условий, способствовавших совершению угона средств механического транспорта, хотя эти пробелы по ряду уголовных дел не могли быть восполнены в суде и по существу указанные вопросы остались не выясненными.

Одной из наиболее эффективных мер предупреждения преступлений является широкая правовая пропаганда. Практика показывает, что не все лица, совершающие угоны средств механического транспорта, в полной мере представляют тяжесть совершаемого преступления и порядок ответственности за это деяние, ибо, как свидетельствуют материалы изучения, по их мнению, не совершается преступление, которое в бытующем понятии преступно, как например, кража, хулиганство и тому подобные деяния.

Претворение положений норм права в жизнь, их эффективность, как обоснованно указывает А.И. Долгова, в значительной степени зависят от того, стали ли эти нормы известны тем, кому они адресованы, согласились ли адресаты с их содержанием, осознали ли необходимость и справедливость правовых требований, пришли ли к выводу о важности их неуклонного исполнения, т.е. в ре-

---

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1977, № 1, с. 13.

гулировании человеческого поведения самостоятельную роль играет правосознание.¹ И чем выше уровень правосознания, тем тверже правовые убеждения личности, тем в большей степени оно регулирует поведение людей в соответствии с требованием норм права². Вопросы нравственного и правового воспитания, поднятия уровня сознательности членов нашего общества имеют первостепенное значение в деле предупреждения правонарушений, и определенная доля работы в решении этой общегосударственной проблемы ложится на каждый производственный коллектив, учебное заведение, администрацию, общественные организации. В школах, профессионально-технических училищах, рабочих коллективах необходимо проводить систематическую работу, направленную на предупреждение угона средств механического транспорта, разъяснить положения законодательства об ответственности за угон транспортных средств.

Одной из форм пропаганды права являются выездные сессии суда по уголовным делам, что является не только конкретной судебной акцией, но и массово-политическим мероприятием. В целях максимального использования предупредительного и воспитательного значения судебных процессов Пленум Верховного суда Латвийской ССР в упомянутом постановлении № 3 от 24 марта 1969 года рекомендовал чаще рассматривать дела об угонах транспортных средств на выездных сессиях, с участием представителей общественности и с привлечением к таким процессам широкого внимания общественности³. Нами установлено, что выездные заседания суда при рассмотрении дел об угонах средств механического транспорта имели место лишь в 5,7% изученных дел, что свидетельствует о недостаточном использовании воспитательного воздействия судебного процесса в преду-

---

¹ Подробнее см. Долгова А. И. Правосознание как условие эффективности закона - В кн.: Эффективность применения уголовного закона. М., 1973, с. 69-71.

² См. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973, с. 95-96.

³ Сборник постановлений Пленума Верховного суда ЛатвССР 1960-1972. Рига, 1973, с. 146.

преждевении угона средств механического транспорта и в формировании общественного мнения, что является важнейшей задачей суда.

"Судья должен не только правильно политически разобраться в данном конкретном деле, - писал Калинин М.И.,... - но он должен, кроме того, суметь это сделать так убедительно, чтобы не только он сам и народные заседатели, но и все присутствующие на суде разобрались в этом деле и поняли правильность вынесенного судом решения... Мы мало учитываем, что суд оказывает огромное влияние как на тех, которые привлекаются к ответственности, так и на всех присутствующих"¹.

Важное значение в деле предупреждения угона средств механического транспорта имеет исследование и устранение условий, объективно облегчивших совершение преступления и способствовавших наступлению преступного результата, выявление и устранение недостатков в деятельности государственных органов и общественных организаций, отдельных должностных лиц и граждан.

Изучение судебной практики свидетельствует, что почти в 2/3 случаев угона средств механического транспорта виктимное поведение владельцев и водителей транспортных средств благоприятствовало созданию криминогенной обстановки. Безответственное отношение к государственному имуществу, вверенному в распоряжение предприятий, организаций и учреждений, оставление государственных автомашин в нерабочее время у подъездов домов и просто на улице при наличии достаточного количества гаражей автохозяйств и специальных стоянок без принятия мер к предупреждению их угона, слабый контроль со стороны руководителей автохозяйств за использованием служебного транспорта в рабочее время и соблюдением правил парковки, является, на наш взгляд, одним из основных условий, способствующих угону средств механического транспорта. Нам представляется, что по поводу обнаружения в ходе расследования и судебного разбирательства случаев оставления автомобиля без принятия мер предосторожности, исключающих использование его в отсутствие водителя, компетентными орга-

---

1. Калинин М.И. О социалистической законности. М., 1959, с173-174.

нами должны вноситься представления в частные определения. Как показывает практика, в адрес руководителей предприятий и учреждений только в 5,8 % случаев были вынесены частные определения по этим вопросам. Это явно недостаточно, так как случаев безответственного отношения к вверенному транспорту гораздо больше и необходимо строго взыскивать с тех, кто попустительствует угону средств механического транспорта. Думается, что публичная критика в судебном заседании тех, которые своими действиями способствовали угону транспортных средств, внесение представлений и вынесение частных определений в отношении их имело бы определенное воспитательное и предупредительное значение.

В значительной мере угону средств механического транспорта способствуют условия технического содержания автотранспорта. В связи с этим важным профилактическим средством в борьбе с угоним может служить широкое внедрение специальных устройств предохранения. Очевидно, целесообразней всего такие устройства монтировать в процессе производства транспортных средств. Модели таких устройств имеются, они обладают высокой надежностью и эффективностью, но в практике они внедряются недостаточно широко и такие случаи отмечены лишь в 4,7 % от общего количества совершенных угонов. Противоугонные устройства, как правило применялись на автотранспорте, принадлежащем гражданам на праве личной собственности, и, как показывает практика, весьма эффективно. Преступник задерживался на месте или был вынужден оставить свою затею. Отсутствие таких противоугонных средств значительно облегчает осуществление преступного умысла, если машина должна, в силу сложившихся обстоятельств, находиться длительное время без надзора. Представляется целесообразным обязательное оборудование противоугонными устройствами легковых автомобилей и мотоциклов индивидуальных владельцев, как это установлено в отношении государственного легкового транспорта, осуществляющего пассажирские перевозки.

Важную роль в предупреждении угона средств механического транспорта может сыграть создание широкой сети простых и

охраняемых автостоянок, а также расширение строительства гаражей для индивидуальных владельцев транспортных средств, количество которых при бурном росте автомобилизации населения явно недостаточно, и быстро растущий в республике парк индивидуальных транспортных средств намного опережает имеющиеся возможности для полного удовлетворения всех нуждающихся гаражами и охраняемыми стоянками.

В ходе изучения материалов судебной практики нами установлено, что в 15% случаев угон транспортных средств совершался из гаражей, как правило, путем их взлома. В этой связи представляется необходимым более широкое внедрение охранной сигнализации на гараж, чему в определенной степени может способствовать регулярная разъяснительная работа среди индивидуальных владельцев транспортных средств о необходимости и возможности оборудования индивидуальных гаражей охранной сигнализацией.

Таким образом, предупреждение угона средств механического транспорта включает в себя целый комплекс различных мер воспитательного, культурного и экономического характера. Однако, как справедливо отмечено Осиповым П.П., при этом не утратили своей роли и уголовно-правовые меры воздействия, применяемые к лицам, виновным в совершении преступного деяния^I, являющиеся одним из существенных антикриминогенных факторов.

Наказание по действующему советскому уголовному законодательству — это мера государственного принуждения, применяемая советским судом к лицам, виновным в совершении преступления, и выражающаяся в причинении виновному определенных лишений, предусмотренных советским уголовным законода-

---

^I Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. (Аксиологические аспекты). Л., 1976, с.3.

так и иными неустойчивыми членами общества¹.

Для лиц с антиобщественной направленностью, ранее не подвергавшимся уголовному преследованию, судебные заседания воочию дают возможность убедиться в реальном применении уголовных наказаний и тем самым устрашают их, или как указывает Шмаров И.В., предупредительное воздействие оказывает не только уголовный закон, но и "сама тюрьма" как олицетворение уголовной кары². Порядок и форма судебного процесса и особенно акт провозглашения приговора есть сильная форма психологического воздействия на лиц, склонных к совершению преступлений. Сущность воспитательного значения приговора состоит также в том, что он пресекает преступную деятельность переданных суду лиц. Кроме того, суд через приговор разъясняет и пропагандирует советские законы, их значение для общества и государства. Этими качествами обладает приговор, "который вынесен в соответствии с требованиями материального и процессуального закона, в котором выводы суда не расходятся с фактическими обстоятельствами дела и назначенное виновному наказание полностью отвечает целям исправления и перевоспитания с учетом личности"³.

За угон средств механического транспорта законодатель нашей республики в ч. I ст. 197 УК ЛатвССР устанавливает три вида наказания: лишение свободы на срок до одного года, исправительные работы на тот же срок и штраф до ста рублей, а совершение угона средств механического транспорта при квалифицирующих обстоятельствах наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

---

¹ См. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность Л., 1973, с. 12-13; Курс советского уголовного права. Общая, 1970, т. 3, с. 30.

² Шмаров И.В. Эффективность общепредупредительного воздействия наказания - Советское государство и право, 1969, № II, с. 110.

³ Ширинский С.Ф. Значение приговора и предупреждения преступлений. - Советское государство и право, 1971, № 3, с. 123-124.

По ч.1 ст.197 УК ЛатвССР народными судами осуждено 71,2% от общего количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности по изученным нами уголовным делам, по ч.2 - 21,6%, а действия 7,2% осужденных квалифицированы как покушение на угон средств механического транспорта.

Изучение показывает, что виновные в угоне средств механического транспорта чаще всего приговариваются к лишению свободы - 64,9% всех осужденных, причем сроки лишения свободы колеблются от трех месяцев до трех лет лишения свободы. Почти половина лиц, осужденных к этому виду наказания, приговорена к одному году лишения свободы. Минимальный предел - три месяца лишения свободы судами избран в отношении 2,1% лиц; максимальный предел, предусмотренный ч.2 ст.197 УК ЛатвССР применен в отношении 3,1% лиц, осужденных за угон средств механического транспорта к лишению свободы.

К исправительным работам без лишения свободы, в основном на шесть и двенадцать месяцев, приговорено 20,4% от общего количества лиц, осужденных за угон средств механического транспорта. В отношении 7,2% лиц, судами применена ст.42 УК ЛатвССР - назначено условное наказание. Штраф судами применялся сравнительно редко - лишь в отношении 1,9% от общего количества осужденных по ст. 197 УК ЛатвССР.

Анализ судебной практики по назначению наказания за угон средств механического транспорта показывает, что в целом карательную практику следует признать правильной. Народные суды республики, решая вопрос о назначении наказания за совершенный угон средств механического транспорта, в основном внимательно относятся к выбору вида, меры наказания, учитывая все данные, характеризующие обстоятельства совершения преступления и личность виновного. Это подтверждается и данными кассационной практики. Из обжалованных 93 приговоров народных судов по изученным нами делам в кассационном порядке отменен лишь один приговор с прекращением уголовного преследования за отсут-

ствием состава преступления и изменены два приговора.

Мы не имеем возможности сделать полный вывод об эффективности применения судами наказания, поскольку этот вопрос в работе специально не исследовался, однако сравнительно большой процент специального рецидива (15% к общему количеству осужденных за угон средств механического транспорта) дает основание полагать, что в отдельных случаях вид и мера наказания судами избиралась без учета всех обстоятельств дела и цели наказания не были достигнуты. Для подтверждения приведем несколько примеров из судебной практики.

29 мая 1973 года шестнадцатилетний Б. Народным судом Баускского района осужден по ч.1 ст.197 УК ЛатвССР к одному году лишения свободы условно с передачей на воспитание матери. Б. признан виновным в том, что совместно с подростками Б. и Г., не являющимися субъектами преступления, взломал гараж и совершил угон автомашины ГАЗ-51. 10-го октября 1973 года Б. во время испытательного срока вновь совершил угон автомашины, опрокинул ее в кювет и причинил совхозу ущерб в размере 480 рублей. По ч.2 ст.197 УК ЛатвССР Б. приговорен к двум годам лишения свободы. Из материалов дела усматривается, что поведение Б. неоднократно рассматривалось на комиссии по делам несовершеннолетних в связи с систематическими угонами средств механического транспорта, имевшими место в возрасте до шестнадцати лет; с места работы он характеризовался отрицательно. Б. проживал только с матерью, которая его воспитанием не занималась. Представляется, что Народный суд, рассматривая уголовное дело по обвинению Б. по ч.1 ст.197 УК ЛатвССР, не учел всех этих обстоятельств, что привело к повторному совершению угона транспортных средств¹.

Другой пример: 23 июня 1971 года нигде не работающий Т. вместе с С. с целью покататься совершил угон автомашины ГАЗ-53, за что 4 октября 1971 года Народным судом Лиепая

¹ Архив Народного суда Баускского района. 1973, № 1-94.

приговорен к одному году лишения свободы условно. Через три дня после вынесения приговора Т. вновь совершил угон автобуса ЛАЗ. Действия Т. были квалифицированы по ч. 2 ст. 197 УК ЛатвССР и был он приговорен к одному году лишения свободы¹. По нашему мнению, и в этом случае приговор был вынесен без учета всех обстоятельств совершения преступления.

Изучение судебной практики показало, что в отношении 2,1% осужденных был применен минимальный срок лишения свободы - три месяца, 1% осужденных определено лишение свободы на срок 4 и 5 месяцев; 12,4% осужденных приговорены к лишению свободы на срок на 6 месяцев. Таким образом, 15,5% осужденных приговорены к лишению свободы на срок до шести месяцев включительно.

Наказание является одним из существенных антикриминогенных факторов, препятствующих совершению преступлений, поэтому представляется, что при таком краткосрочном лишении свободы затруднено эффективное использование этого фактора. Мы полностью согласны с мнением тех авторов, которые считают, что для обеспечения эффективности лишения свободы, необходим какой-то минимальный срок, который не может быть менее одного года².

---

¹ Архив Народного суда гор. Лиенаи. 1971, № 1-326.

² Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность Л., 1973, с. 93-94; Карпец И. И. Об эффективности уголовного наказания. - Социалистическая законность, 1966, № 5, с. 21.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА

Предупреждение преступлений, являясь главным направлением в борьбе с преступностью в нашей стране¹, осуществляется всей совокупностью мероприятий, направленных на развитие и совершенствование социализма, его экономики, идеологии, культуры, многообразных отношений между людьми, т.е. такой организацией общественной жизни, которая провозглашает преступности². Следовательно, решая три главные задачи коммунистического строительства: построения материально-технической базы коммунизма, совершенствования общественных отношений и формирования нового человека, советское общество тем самым постепенно устраняет причины преступлений и условия, им способствующие, т.е. обеспечивает общесоциальное предупреждение преступлений³. В отличие от общесоциальных специальные меры по предупреждению преступлений представляет собой целенаправленную деятельность государственных и общественных органов в борьбе с преступностью, т.е. по устранению непосредственно криминальных факторов и обеспечению условий как в сфере нравственного формирования личности, так и в сфере ситуативных обстоятельств, могущих облегчить совершение конкретных преступлений⁴.

При этом следует отметить, что общесоциальные и специальные

1. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, с. 106.
2. См. Сахаров А. Б. Социальная система предупреждения преступлений. - Советское государство и право, 1972, № 11, с. 66-67; Криминология. М., 1976, с. 203.
3. В советской криминологии меры по предупреждению преступлений принято делить на общие и специальные или общесоциальные и специально-криминологические. См. об этом: Шляпчиков А. С. К вопросу о классификации мер предупреждения преступности. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, 1972, М., вып. 17, с. 6; Криминология, с. 203.
4. Криминология, с. 203.

меры по предупреждению преступлений тесно взаимосвязаны и взаимобусловлены, так как проведение общих мер создает экономические и организационные условия для эффективного осуществления специального предупреждения преступлений. Поэтому неразвитость общих мер может вызвать равнодушие, а иногда и сопротивление специальным мерам по предупреждению преступлений¹.

Специальные меры по предупреждению преступлений реализуются в различных сферах - уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, криминалистической, исправительно-трудовой и криминологической. В логической последовательности их можно распределить следующим образом: 1) своевременное раскрытие и быстрое, полное расследование уже совершенного преступления и вынесение судом справедливого приговора; 2) выяснение и устранение причин и условий, способствующих совершению конкретных преступлений - вынесение представлений следователем и частных определений судом; 3) исправление и перевоспитание лиц, отбывающих наказание; 4) деятельность в профилактике преступлений государственных органов и общественных организаций по созданию условий, которые исключили бы или затруднили возможность совершения преступлений².

В настоящей статье предполагается рассмотреть лишь один из этапов предупреждения мошенничества - деятельность государственных органов и общественных организаций по созданию условий, исключающих возможность совершения этого вида преступления.

Совершение мошенничества является результатом взаимодействия отрицательных свойств личности с конкретной жизненной ситуацией. Следовательно, личность выступает в качестве основного объекта воздействия как общих, так и специальных мер предупреждения преступлений. Именно дефекты нравственного формирования личности приводят к появлению и закреплению антиобщественных взглядов, а затем и к совершению преступлений. Поэтому обеспечение благоприятных

1. Жалинский А. Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР. Львов, 1976, с. 91.

2. Аналогично специальные предупредительные меры, только в несколько ином порядке перечислены Васильевым А. И. См. его: Предупреждение преступлений. М., 1969, с. 19.

условий нравственного формирования личности — одно из главных направлений борьбы с преступностью¹.

Для устранения неблагоприятных факторов формирования личности внимание общественности прежде всего должно быть обращено на те семьи, в которых имеет место мещанский уклад жизни, стяжательство, пренебрежение к честному труду, на те лица, которые отличаются такими чертами характера как эгоизм, жадность, потребительское отношение к жизни. Важная роль в этом принадлежит советской школе, которая должна нейтрализовать недостатки семейного воспитания, активно вмешиваться, когда детям прививаются чуждые нашему обществу взгляды и привычки.

Не менее важное значение в процессе нравственного формирования личности имеет трудовой коллектив, где должны воспитываться высокие моральные качества советского человека, в том числе, что особенно важно в борьбе с корыстными преступлениями, правильное отношение к социалистической собственности. Бесспорно, что человек, в сознании которого оказались несформированными понимание роли общенародной собственности в жизни Советского государства, чувство заботы о ее сохранности и умножении, готовность к активной ее защите от посягательств, обычно бывает лишен и тех нравственных тормозов, которые могли бы удержать его от совершения посягательства на собственность².

Таким образом, реализация мер, направленных на формирование личности нового человека, это главное направление, обеспечивающее устранение наиболее общих причин преступности³.

Однако отрицательные свойства личности могут привести к совершению преступления лишь тогда, когда для этого имеются определенные внешние условия, т.е. условия, способствующие совершению преступления. Противоправное поведение, как правильно отметил В.Кудрявцев, порождается комплексом объективных и субъективных факторов, — причин и условий, находящихся в сложном взаимодействии меж-

1. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968, с. 23, 37.

2. Ястребов В.Б. Предупреждение хищений социалистического имущества на предприятиях. М., 1976, с. 23-24.

3. Шляпочников А.С. К вопросу о классификации мер предупреждения преступности, с. 7.

ду собой¹.

Условия, способствующие совершению преступления, это такие обстоятельства, в результате существования которых уже возникшие у конкретного лица мотивы совершения преступления могут быть реализованы, обстоятельства, без наличия которых это преступление не могло бы иметь места, но которые сами по себе преступления не порождают². Важное криминологическое значение таких условий обуславливается прежде всего тем, что выявить и устранить их гораздо проще, чем условия нравственного формирования личности.

Условия, способствующие совершению мошенничества, в значительной степени отличаются между собой в зависимости от вида собственности, на которую посягает мошенник. Вместе с этим имеется ряд условий, способствующих совершению того или другого вида мошенничества в одинаковой мере. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть меры по предупреждению мошенничества в непосредственной связи с конкретными условиями, способствующими хищениям социалистического имущества путем мошенничества, мошенническим посягательствам на личную собственность и в одинаковой мере мошенничеству в целом.

Условия, способствующие совершению хищений государственного и общественного имущества путем мошенничества, имеют как объективный, так и субъективный характер, при этом находятся в тесной взаимосвязи. Так, если к первым относятся недостатки в сфере конкретной управленческой или хозяйственной деятельности конкретных предприятий, учреждений, организаций, то они влияют на совершение конкретных преступных деяний опосредованно, т.е. через субъективный фактор - ненадлежащее, а порою - прямо халатное выполнение должностными лицами своих служебных обязанностей в сфере хранения и учета официальных документов и распоряжения вверенными материальными ценностями.³

1. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976, с. 281.
2. Шаргородский М.Д. Преступность и ее предупреждение. Л., 1966, с. 36.
3. Выводы автора сформулированы на основании выборочного изучения 416 уголовных дел на 536 лиц (140 дел на 208 лиц о хищении социалистического имущества путем мошенничества и 276 дел на 328 лиц о мошенническом посягательстве на личную собственность), осужденных за мошенничество народными судами Латвийской ССР с 1969 по 1974 год, а также личности и поведения 600 потерпевших от мошеннических посягательств на личную собственность.

Так, самому распространенному хищению социалистического имущества путем мошенничества — получению в ателье проката предметов бытового назначения, способствуют три условия, заключающиеся в нарушении правил работы ателье проката: 1) выдача вещей лицам, находящимся в нетрезвом состоянии; 2) выдача вещей по документам, которые не влекут за собой права на получение вещей по договору бытового проката; 3) поверхностная проверка документов, так как практика показывает, что в большинстве случаев, когда мошенники пользуются поддельными документами, подделка настолько примитивная, что обнаружить ее нетрудно.

При выдаче вкладов в сберкассе по поддельным или похищенным документам работники сберкасс, как правило, не соблюдают один и тот же пункт Инструкции по приему, хранению и выдаче вкладов государственными сберегательными кассами, обязывающий сличить подпись вкладчика на ордере с образцом подписи на карточке лицевого счета.

При получении зарплаты другим лицом кассир либо вовсе не требует предъявления документов, хотя и не знает лицо, получающее зарплату, либо проверяет их поверхностно, что создает возможность использования поддельных документов.

Так, например, рабочий завода "Сарканайс металурге" А. Милейко во время выдачи заработной платы назвал кассирше фамилию и табельный номер рабочего Г. Не зная Милейко, но и не проверив его документы, кассирша выплатила ему причитающуюся Г. зарплату в сумме 113,35 рублей, которую Милейко присвоил.

Ненадлежащее хранение бланков соответствующих документов и халатность при проверке предъявленных для оплаты поддельных документов способствуют таким хищениям социалистического имущества путем мошенничества, как получение надбавок к зарплате за фактически невыполненную работу и получение пособий по поддельным листкам нетрудоспособности. Так, например, медсестра 6-й объединенной больницы гор. Риги Н. Цупрова, пользуясь свободным доступом к незаполненным бланкам листков нетрудоспособности и круглой печати больницы, подделала 18 листков нетрудоспособности и снабдила ими 15 граждан, которые, предъявив их по месту своей работы, незаконно получили 729 рублей.

Поверхностная проверка документов в значительной степени облегчает совершение и таких деяний как получение пенсий, страховых вознаграждений, почтовых переводов и других выплат по поддельным документам.

Таким образом, не вдаваясь в подробности всех встречающихся видов обмана при совершении хищения государственного и общественного имущества путем мошенничества, можно сделать вывод, что основное условие, способствующее совершению этого преступления, это ненадлежащее выполнение конкретными должностными лицами своих служебных обязанностей в сфере хранения и учета официальных документов и распоряжения вверенными материальными ценностями. Следовательно, улучшение служебной дисциплины в государственных и общественных организациях, повышение бдительности должностных лиц в сфере обращения с материальными ценностями является средством, устраняющим основное условие, способствующее хищениям социалистического имущества путем мошенничества. При этом данное средство одновременно и эффективное и экономное, так как практически не требует дополнительных материальных затрат.

Одновременно следует остановиться на тех случаях, когда виновные в хищениях социалистического имущества путем мошенничества пользуются поддельными документами. Дело в том, что хотя и часто, но не всегда подделка столь примитивна что ее можно обнаружить простым осмотром. Поэтому, кроме повышения бдительности должностных лиц, проверяющих документы, требуется также совершенствовать защиту документов от подделки. По этому поводу в советской правовой литературе уже высказан ряд обоснованных предложений, в частности, составить некоторые документы (например, расчетно-платежные ведомости) на специальных фирменных бланках, отпечатанных на специальной бумаге, расширить перечень документов, которые являются документами строгой отчетности, во всех случаях требовать от получателя четкого написания им своей фамилии и т.п.¹

Условия, способствующие совершению мошеннических посягательств на личную собственность, также образуются совокупностью обстоятельств объективного и субъективного характера. Так, основ-

---

1. Более подробно о защите документов от подделки см.: Пинхасов Б.И. Защита документов по советскому праву. Ташкент, 1976, с. 131-136.

ные объективные условия, способствующие самым распространенным мошенническим посягательствам на личную собственность — получение денег под предлогом приобретения дефицитных товаров или выполнения каких-либо услуг (под таким предлогом совершено 72% мошеннических посягательств на личную собственность), это недостатки в сфере торговли и коммунального обслуживания населения, создающие затруднения в приобретении тех или иных товаров или удовлетворении определенных потребностей бытового характера. Однако, в большинстве случаев эти объективные условия также влияют на совершение конкретных мошеннических деяний опосредованно, т.е. через субъективный фактор — отрицательное поведение потерпевших. (Отрицательное поведение потерпевших, стремящихся удовлетворить те или иные потребности в обход установленного законом или социалистической моралью порядка, выявлено в 73% случаев мошенничества).

Преодоление товарного дефицита остается важной задачей в общегосударственном масштабе. Это обусловлено и тем, что длительный неудовлетворенный спрос на отдельные товары, особенно в тех случаях, когда подогреваются страсти "охоты" за вещь, создает для недобросовестных людей условия, позволяющие наживаться как за счет государства, так и за счет своих сограждан. Поднятие материального благосостояния народа всегда являлось актуальной задачей советского государства, но вместе с этим, как верно отметил В. Кудрявцев, повышение материального уровня жизни само по себе, без соответствующего изменения культуры и сознательности граждан может привести даже к оживлению мещанских пережитков, связанных с обладанием вещами, погоней за "престижными ценностями"¹. В связи с этим необходимо отметить, что в тех случаях, когда повышенная виктимность связана с антиобщественными качествами личности, на первый план выдвигаются меры воздействия, практически смыкающиеся с мерами воздействия на потенциального преступника².

1. Кудрявцев В. Н. Структура преступности и социальные изменения. — Советское государство и право, 1971, № 6, с. 105.

2. Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1975, с. 112.

На XXV съезде КПСС было отмечено, что главной задачей десятой пятилетки остается неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа, однако необходимо, чтобы "рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей. Иначе мы можем получить рецидивы мешанской, мелкобуржуазной психологии"¹. Следовательно, субъективный фактор играет все большую роль в развитии социалистического общества и главная задача сейчас заключается в том, чтобы значительно улучшить идеологическую и политическую работу в массах, тесно увязывая ее с проблемами нравственного воспитания трудящихся².

Все изложенное имеет непосредственное отношение к предупреждению мошенничества путем воздействия на лиц, способных стать потерпевшими от этого преступления вследствие своего отрицательного поведения. Проведенным исследованием автор установил, что наиболее вероятным типом потерпевшего от мошенничества является образованная женщина зрело-семейского возраста, занятая общественно полезным трудом и постоянно проживающая в данной местности, стремящаяся извлечь имущественную выгоду в обход установленного законом или социалистической моралью порядка. Таким образом, в целях сокращения виктимности в мошенничестве правовая пропаганда, воспитывающая уважение к закону, а также разъяснительная работа с целью формирования умения разобратся в критических ситуациях, приобретения должной осмотрительности, должна охватить те трудовые коллективы, в которых сосредоточен именно такой контингент лиц.

В плане профилактики самого распространенного способа мошенничества - получения денег под предлогом приобретения различных дефицитных товаров, Д. Ривман предлагает через продавцов, администраторов торговых предприятий, с использованием радиотрансляционной сети торговых предприятий предупреждать покупателей о

1. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. - Правда, 1976, 25 февраля, с. 5-8.
2. Шляпчиков А. С. Общие меры предупреждения преступности. М., 1972, с. 7.

возможности встречи с мошенниками, предлагающими "достать дефицитный товар". Кроме того, работники магазинов, сотрудники милиции, народные дружинники, выявляя таких покупателей, должны предупреждать их о возможных обманах, разумеется, соблюдая необходимую осторожность и такт¹.

Эти предложения представляются неприемлемыми по следующим основаниям. Во-первых, данные о количестве мошеннических посягательствах на личную собственность, частоте их во времени и на отдельных объектах свидетельствуют, что даже на крупных торговых предприятиях (отдельно взятых) это единичные случаи. Во-вторых, с учетом большого количества и постоянно меняющегося контингента покупателей практически невозможно определить оптимальное время и регулярность передачи такой "предупредительной информации". В-третьих, сотрудникам милиции, в содействии с народными дружинниками и работниками торговых предприятий, обладая необходимой оперативной информацией, гораздо легче пресечь действия потенциальных мошенников, нежели выявлять потенциальные жертвы мошенничества.

Однако представляется, что в борьбе с мошенничеством следует шире использовать средства массовой информации — печать, радио, телевидение. Это обуславливается, во-первых, необходимостью в разумных пределах и формах осведомлять население о методах совершения определенных видов преступлений и поведении преступников, что способствует повышению его активности в информировании правоохранительных органов о совершенных преступлениях. Во-вторых, это должно уменьшить латентность по многим видам преступлений и повысить эффективность борьбы с преступностью².

За последние шесть лет в республиканской печати ежегодно публиковались в среднем 2-3 статьи об отдельных способах мошенничества и неблагоприятной роли потерпевших. Судить о конкретном влиянии этих статей на предупреждение мошенничества, безусловно, чрезвычайно трудно, тем более, что за указанный период времени

1. Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений, с. 129.
2. См.: Алексеев А. М., Роша А. Н. Латентная преступность и эффективность деятельности правоохранительных органов. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. 1973, М., вып. 19, с. 44.

динамика и структура мошенничества не претерпела значительных изменений.

Но в предупреждении одного конкретного способа мошенничества печать, бесспорно, сыграла положительную, если даже не решающую роль. Так, в 1975 году и в начале 1976 года в городах Риги и Юрмале участились случаи продажи частными лицами воды или какой-нибудь окрашенной жидкости под видом Рижского черного бальзама. За такое мошенничество Народными судами Риги и Юрмалы были осуждены А.Эглитис, В.Истомин, С.Идзане, Х.Зуте, Х. и Г. Кукайнис и ряд других лиц. В связи с этим в течение сравнительно короткого промежутка времени в республиканской и городской печати был опубликован ряд статей, отражающих как конкретные способы совершения данного мошенничества, так и отрицательную роль похитивших¹. В последующее время следственными органами и судами не пришлось сталкиваться с подобным мошенничеством.

К общим условиям, способствующим совершению всех мошеннических посягательств опосредованно, следует отнести недостатки в системе социального контроля над лицами, не занимающимися общественно-полезным трудом и ведущими паразитический образ жизни, в том числе освобожденным из мест лишения свободы, а также недостатки в воспитательной работе исправительно-трудовых учреждений, обугловливающих сохранение у заключенных антиобщественной направленности. Наличие данных условий подтверждается высоким процентом мошенников - рецидивистов (34,7% среди осужденных за хищение социалистического имущества путем мошенничества и 50,5% среди осужденных за мошенническое посягательство на личную собственность) и лиц, к моменту совершения мошенничества ведущих паразитический образ жизни (27,1% из совершивших хищение социалистического имущества путем мошенничества и 51,2% - мошенническое посягательство на личную собственность). Поэтому следует согласиться, что высокий уровень рецидива мошенничества и распространенность, хотя бы и относительная, многократного мошенничества,

1. См.: Блауманис Ю. Черные слезы. - Падомью Яунатне, 1976, 3 апреля; Георгиев Л. Черный бальзам. - Ригас Балсс, 1976, 14 апреля; Анищенко М. Трюки спекулянтов. - Ригас Балсс, 1976, 5 июля.

свидетельствует о недостаточной эффективности борьбы с данным преступлением¹.

В целях предупреждения рецидива мошенничества прежде всего необходим тщательный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Установлению учета и контроля за антиобщественными элементами В.И. Ленин отводил важное место в системе мер предупреждения преступности. Следовательно, всенародный учет и контроль за антиобщественными элементами должен быть организован так, чтобы уклонение от этого учета и контроля сделалось "... таким неизмеримо трудным, таким редчайшим исключением ..."².

Надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, это, во-первых, надзор за соблюдением правил прописки и надлежащем трудоустройстве, во-вторых, своевременное выявление лиц без определенных занятий, т.е. искоренение тунеядства. Причем это все относится к лицам, над которыми даже не установлен в предусмотренном законом порядке административный надзор.

Все вышеизложенное сводится к тому, что требуется постоянный надзор за ближайшим бытовым окружением лиц, освобожденных из мест лишения свободы. В криминологической литературе обоснованно отмечено, что ближайшее бытовое окружение, отличающееся антиобщественными взглядами (следует учесть, что лица, освобожденные из мест лишения свободы, нередко попадают именно в такое окружение), может весьма активно способствовать совершению преступления лицом, находящимся под влиянием этого окружения. Поэтому меры по своевременному выявлению и пресечению действия отрицательного влияния в бытовом окружении должны рассматриваться как один из ведущих в профилактической работе.³

Устранение такого условия как недостатки в воспитательной работе исправительно-трудовых учреждений, в равной мере способствующие рецидиву всех преступлений опосредованно, требует специального рассмотрения и поэтому остается за пределами настоящей статьи.

1. Герцензон А.А. Уголовное право и социология. М., 1970, с. 121.

2. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 102.

3. См.: Личность преступника. М., 1975, с. III-II2.

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЛАТВИИ

(декабрь 1918 г. — январь 1920 г.)

17 декабря 1918 г. Советское правительство Латвии во главе с П. Стучкой провозгласило образование Советской Социалистической Республики Латвии (ССРЛ) и разработало программу социалистического преобразования страны. К осуществлению этой программы Советская власть приступила немедленно¹. 22 декабря 1918 г. СНК РСФСР признал Советскую Латвию суверенной республикой².

В освобожденной Латвии³ строительство социализма происходило в условиях острой борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией. Это обусловило необходимость приступить к немедленному созданию уголовного права, которое способствовало бы успешной борьбе с преступлениями контрреволюционных сил, созданию и укреплению новых общественных отношений в республике.

Советская Латвия в 1919 г. использовала положительный опыт Советской России в строительстве социализма, в том числе и в разработке уголовного законодательства. В РСФСР, как констатировал Чрезвычайный VI Всероссийский съезд Советов, к тому времени были разработаны "основы законов". Применение уголовных законов РСФСР в ССРЛ (также как и в других республиках)

¹ См. Манифест Советского правительства рабочих, безземельных и стрелков Латвии. — В кн.: Советская Латвия в 1919 году. Документы и материалы. Р., 1959, т. I, с. 150—152.

² См. Советская Латвия в 1919 году, т. I, с. 166—167.

³ В ноябре 1917 г. Советская власть, которая существовала только неполных три месяца, установилась в неоккупированной части Латвии; 1918—1919 гг. почти вся территория Латвии, кроме Лиепая и ее округа, находилась в руках советого.

позволило развернуть борьбу с преступностью и обеспечить революционную законность на единых началах¹.

8 января 1919 г. был опубликован декрет Советского правительства Латвии о распространении действия декретов РСФСР, принятых до 25 декабря 1918 г., на территорию Латвии². Руководствуясь указаниями В.И. Ленина, что "... было бы ошибкой, если бы просто по шаблону списывали декреты..."³ правительство Латвии в отдельных случаях, где это было целесообразно, приспособило законы Советской России к местным нуждам и опубликовало их как акты Советской Латвии⁴. Таким образом, на территории Латвии действовали все уголовно-правовые нормы РСФСР, которые не были отменены или изменены декретами или распоряжениями Советского правительства Латвии.

Применение законов свергнутых правительств в Советской Республике Латвии было запрещено⁵. В Манифесте правительства ССРЛ от 17 декабря 1918 г. было записано: "Мы отменяем все законы, распоряжения, ..., навязанные трудящимся Латвии как феодальным немецким дворянством, так и царским, истинно-русским самодержавием, как германским империализмом, так и русской буржуазией". Вместо старых законов именем диктатуры пролетариата в Латвии был объявлен "закон пролетарской революции"⁶.

---

¹ См. Мовсумов Д. Г. Суд и уголовный процесс Азербайджанской ССР (1917-1937 г. г.) Автореферат на соиск. учен. степени докт. юрид. наук. Тбилиси, 1965, с. 9.

² Советская Латвия в 1919 году, т. I, с. 249.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 144.

⁴ См. приказ Комиссариата Внутренних дел ССРЛ от 17-го января 1919 г. о борьбе со взяточничеством, который был издан в соответствии с декретом СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. о взяточничестве. В кн.: Советская Латвия в 1919 году, т. I, с. 339.

⁵ Этот факт объясняется тем, что ССРЛ была связана с Советской Россией, а там применение старых законов было запрещено уже 30 ноября 1918 г. (СУ, 1918, № 85, ст. 889).

⁶ Советская Латвия в 1919 году, т. I, с. 150.

Как указано, в 1919 г. в Латвии большое значение имели декреты и распоряжения РСФСР, которые в своей основе обеспечивали борьбу с контрреволюционными преступлениями, спекуляцией, взяточничеством. Однако, ряд актов, содержащих уголовно-правовые нормы, был разработан самостоятельно; например, декрет о лицах, принадлежащих к родам Прибалтийского дворянства в Латвии, разъяснение правительства о правах и обязанностях иностранцев, распоряжение Комиссариата юстиции ССРЛ о порядке заключения арестованных и др. В некоторых актах были предусмотрены составы преступлений, которых не знало законодательство РСФСР, например, самовольные реквизиции и конфискации, вывоз медикаментов, спекуляция разменной монетой, укрывательство лошадей от мобилизации и др.

Правотворчество в ССРЛ осуществлялось под руководством Коммунистической партии. Создавая уголовно-правовые нормы, законодатель ССРЛ руководствовался указаниями съездов, конференций и ЦК Коммунистической партии Латвии¹. Это обеспечивало успешность уголовноправовой борьбы с деяниями, посягавшими на независимость, обороноспособность, восстановление народного хозяйства, а также правопорядок и революционную законность молодой Советской республики.

Особое внимание в этот период в Латвии было уделено борьбе с контрреволюционными преступлениями, которые в условиях военного времени, с учетом непосредственной близости фронта, непрерывной угрозы нападения белогвардейцев и т. д., представляли значительную опасность для диктатуры пролетариата в Латвии. В целях предотвращения возможности организации контрреволюционных восстаний, погромов и прочих вражеских выступлений Военно-революционный комитет Риги и Латвии 3 января 1919 г. приказал арестовать всех ответственных работников свергнутого правительства

---

¹ Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK Plēnumu rezolūcijas un lēmumi, 1, 1904.-1940. Rīgā, 1958, 196-197., 216.-217. lpp. u. c.

и немецкой оккупационной власти¹, а Воепревком Елзвы и Курземе объявил самую беспощадную борьбу каждому открытому выступлению реакционеров². Декрет о революционных трибуналах Социалистической Советской Республики Латвии от марта месяца 1919 г. установил уголовную ответственность не только лиц, организующих и принимающих участие в контрреволюционных выступлениях, восстаниях, погромах и массовых беспорядках, но и подстрекающих других к совершению указанных преступлений³. Так же как и в 1917 г., преступными были объявлены учреждения и организации, цель которых — свергнуть диктатуру пролетариата и восстановить власть буржуазии и немецких баронов⁴. Беспощадная борьба велась и с саботажниками, т.е. лицами, которые "активно работают во вред Советскому правительству или побуждают других на это, а также, используя свое положение на государственной или общественной службе, затрудняют ход деятельности тех учреждений или предприятий, где они работают или работали"⁵.

Борьба в Советской Латвии велась и с такой формой классовой борьбы, как контрреволюционная агитация, хотя законодатель Советской Латвии в 1919г. еще не пользовался этим понятием. В декрете о революционных трибуналах ССРЛ говорилось, что к уголовной ответственности привлекаются лица, которые "распространением явно ложных или непроверенных слухов в печати или в публичных местах, стараются вызвать недоверие или недовольство Советским правительством". Хотя указанные деяния в рассматриваемый период законодатель именовал "дискредитированием власти"⁶, они по существу подпадают под понятие контрреволюционной агитации.⁷

1. См. Советская Латвия в 1919 году, т. I, с. 199.

2. Там же, с. 208.

3. ЦГАОР ЛатвССР, ф. 12, оп. I, д. 3, л. 26.

4. См. Советская Латвия в 1919 году, т. I, с. 160.

5. ЦГАОР ЛатвССР, ф. 12, оп. I, д. 3, л. 26.

6. См. постановление Кассационного отдела ВЦИК "О подсудности революционных трибуналов" — Известия ВЦИК, 1918, 6 окт.

7. Сходную точку зрения высказал и Швеков Г. В. в статье "Советское уголовное право в борьбе с контрреволюцией (1917—1921г.г.)". В кн.: Вопросы уголовного права и процесса. Рига, 1969, с. 204.

Учитывая повышенную общественную опасность указанных деяний (чаще всего они совершались с целью вызвать панику среди населения), Советская власть строго карала виновных, применяя даже смертную казнь¹.

В тот же период времени не менее опасными в СССР были диверсионные акты. Поэтому законодатель за порчу телефонных, телеграфных проводов и столбов, злостное создание железнодорожных катастроф, порчу мостов установил строгую ответственность². В РСФСР нормы, предусматривающие борьбу с аналогичными деяниями, были созданы позже³. Следует, однако, отметить, что благодаря бдительности рабочих и безземельных крестьян, диверсионные акты были исключительно редкими явлениями в Латвии.

Кроме упомянутых преступлений, революционные трибуналы привлекали к ответственности за шпионаж, бандитизм, участие в бело-гвардейских организациях и предание советских работников учреждениям оккупационной власти, за преследование революционных борцов 1905-1906 годов и проч.

Неполный перечень норм, которые в Советской Латвии были приняты для борьбы с контрреволюционными преступлениями, дает возможность прийти к выводу, что по сравнению с 1917 г. законодательство в этой области значительно развилось. В ряде актов было дано развернутое определение этих преступлений с описанием их признаков.

Сопrotивление свергнутых классов Советской власти выразилось и в такой форме, как хищение народного имущества. Поскольку перед пролетариатом в 1919 г. стояла весьма важная задача - всеми способами защитить, укрепить и умножить это имущество как экономическую основу советской власти, то в СССР была объявлена борьба с расхитителями продуктов питания⁴, установлена ответственность как за хищение оборудования, материалов и сырья нацио-

1. См. "Cēsu aprūpe Strādnieku un bezzemnieku deputātu padomes Ziņotājs", 1919, 8. februāris, Nr. 8 u.c.
2. См. Известия Социалистического Советского Правительства Латвии (в дальнейшем именуется "Известия"), 1919, 4, 11 марта, 14 апреля, № 4, 15, 45.
3. См. Герцензон А. А. Развитие социалистического уголовного законодательства до его кодификации. - Проблемы социалистического права, 1938, № 4, с. 34.
4. См. Latvijas Komunistiskā partija 1918. un 1919. gadā. Dokumenti un materiāli. Rīga, 1958., 211. lpp.

нализированных заводов,¹ так и умышленное уничтожение и порчу принадлежащего народу имущество² и т.д.

Значительное место в Латвийском законодательстве заняла борьба с должностными преступлениями. Это объясняется тем, что советские должностные лица в центре и на местах проводили политику Советского государства. Поэтому поведение и деятельность должностных лиц в значительной мере определяла отношение трудящихся к новой власти, придавая каждому должностному преступлению острый политический характер³. Следует также принять во внимание, что революционные преобразования проходили одновременно со сломом старого и созданием нового государственного аппарата. Временное использование в советском государственном аппарате "старых" служащих приводило к росту преступности.

Одним из наиболее опасных должностных преступлений было взяточничество, с которым боролись, руководствуясь приказом Комиссариата Внутренних дел ССРЛ от 17 января 1919г. "О борьбе со взяточничеством"⁴. Приказ признавал должностными лицами тех, которые состояли на государственной или общественной службе ССРЛ, т.е. должностные лица Советского правительства, члены фабричных комитетов, лица, находящиеся на службе в милиции, в также обслуживающий персонал профессиональных, потребительских и др. организаций. Данный приказ предусмотрел ответственность за получение взяток, дачу взяток и посредничество, установил также отягчающие обстоятельства данного преступления (особые полномочия должностного лица, вымогательство взяток и др.). Упомянутый приказ все же не дал четкого определения взяточничества. Только в декрете о революционных трибуналах ССРЛ дается определение взяточ-

1. "Спра", 1919, 24. janvāri.

2. Latvijas Sociālistiskās Padomju Republikas Dekrētu un Rīkojumu krājums, 1919, Nr. 5.

3. Шваков Г.В. Первый советский уголовный кодекс. М., 1970, с. 89.

4. Советская Латвия в 1919 году, т. I, с. 339.

личества. В нем предусматривалось, что за взяточничество привлекаются к ответственности лица, "которые, находясь на государственной или общественной службе, в связи с делами и деятельностью, которые относятся к исполнению ими их служебных обязанностей, берут взятки, а также лица, которые эти взятки предлагают".

Советская власть объявила решительную борьбу анархии и произволу. В этой связи установила строгую уголовную ответственность за самовольные обыски, реквизиции и конфискации², за которыми нередко скрывалось хищение народного добра. Чтобы предотвратить хищение и разрушение промышленных предприятий, препятствовавших восстановлению промышленности в республике, в нормативных актах была установлена уголовная ответственность советских работников за халатность, в результате которой расхищались и разрушались заводы;³ ответственность работников милиции⁴ и др. лиц за небрежное выполнение служебных обязанностей, а также за несвоевременное и недобросовестное выполнение распоряжений вышестоящих учреждений⁵. Следует указать, что нами упомянута только незначительная часть должностных преступлений, предусмотренных законодательными актами Советской республики Латвии.

Интересы восстановления и развития народного хозяйства молодой советской республики predeterminedили уголовно-правовую борьбу также с преступлениями, грозящими на интересы хозяйства. Наиболее опасным из хозяйственных преступлений в 1919г. в Латвии была спекуляция. Поэтому I съезд Советов рабочих, безземельных и стрелков объединенной Латвии поручил Советскому правительству Латвии бороться со спекуляцией, в каких бы видах она не проявлялась⁶.

---

1. ЦГАОР ЛатвССР, ф.12, оп.1, д.3, л.26.

2. Cīpa, 1919, 2. aprīlī; Latvijas Sociālistiskās Padomju Republikas Dekrētu un Rīkojumu krājums, 1919, Nr.1.

3. Cīpa, 1919, 24. janvārī; Известия, 1919, 19 марта, № 23.

4. Cīpa, 1919, 28. janvārī, 6. februārī.

5. Turpat, 21., 22. janvārī; Известия, 1919, 15 марта, № 19.

6. Padomju varas konstitucionālie akti Latvijā (1917-1957). Rīga, 1957, 131. lpp.

Так же, как и в 1917г., особенно распространена была спекуляция продуктами питания, с которой в Латвии боролись, в основном, руководствуясь декретом СНК РСФСР от 22 июля 1918г. о спекуляции. Революционные трибуналы и народные суды привлекали к ответственности как за спекуляцию зерном и продовольствием, так за скрытие продуктов с целью спекуляции.

В ССРЛ для борьбы со спекуляцией различными предметами (продовольствием и его карточками¹, деньгами², медикаментами³ и др.) было принято несколько актов, которые содержали уголовно-правовые нормы.

Огромное значение для охраны достижений социалистического хозяйства имели акты, которые устанавливали уголовную ответственность за несоблюдение правил национализации промышленности, земли и пр., а также монополии продовольствия, например, декрет Советского правительства Латвии от 1 марта 1919г. о национализации земли, использовании и управлении ею⁴, декрет от 8 марта о порядке отчуждения торговых, промышленных, земледельческих и других хозяйственных предприятий⁵, декрет от 25 января о национализации рыбного промысла в Латвии⁶ и др.

Среди множества норм, предусматривающих уголовную ответственность за хозяйственные преступления, выделяются нормы, которые запрещали изготавливать и торговать алкогольными напитками. Изготовление этих напитков из зерна в то время, когда в городах Латвии умирали от голода и во многих сельских районах не хватало семян, рассматривалось как тяжкое преступление. В приказе № 3 Совета Революционной борьбы ССРЛ было объявлено, что все лица, занимающиеся изготовлением спиртных суррогатов, или у кото-

1. Сīpa, 1919, 2. aprīlī, 10. maijā.
2. Latvijas Sociālistiskās Padomju Republikas Dekrētu un Rīkojumu krājums, 1919, Nr. 4; Сīпа, 1919, 8. aprīlī.
3. Сīпа, 1919, 10., 19. janvārī.
4. Известия, 1919, 19 марта, № 23.
5. Там же.
6. Советская Латвия в 1919 году, т. I, с. 345-346.

ных будут найдены соответствующие аппараты, или которые будут уличены на месте преступления, будут расстреляны.¹ Характерно, что как и в 1917 г., появление на улице в нетрезвом состоянии рассматривалось преступлением.

Анализ упомянутых и других уголовно-правовых норм позволяет сделать вывод, что в 1919г. в уголовном законодательстве Латвии была сравнительно детально разработана система хозяйственных преступлений. Часть предусмотренных в то время составов была сохранена в законодательстве более позднего времени.

В ССРЛ в 1919г. было принято большое количество декретов, в которых содержались нормы об уголовной ответственности за преступления против порядка управления,² а также против общественной безопасности и общественного порядка. Одним из наиболее опасных в то время преступлений против общественной опасности было незаконное хранение и ношение оружия. В Латвии, которая уже много лет находилась в районе военных действий, у населения оставалось оружие и боеприпасы, что давало возможность контрреволюционным элементам использовать их в борьбе с советами. Поэтому Военно-революционный комитет Риги и Латвии 4 января 1919г. установил уголовную ответственность за уклонение от регистрации оружия и самовольное ношение оружия,³ а Комиссариат внутренних дел предусмотрел ответственность за хранение оружия без разрешения.⁴ В Латвии проводились мероприятия по устранению необоснованного использования оружия. Так, в январе 1919г. была предусмотрена уголовная ответственность за стрельбу на улицах,⁵ а в феврале - в приказе Комиссариата внутренних дел были подробно перечислены случаи, когда работники милиции имели право пользоваться оружием.⁶

1. Советская Латвия в 1919 году. Документы и материалы. Рига, 1960, т. 2, с. 328-329.
2. В большинстве этих норм была предусмотрена уголовная ответственность за деяния, мешающие советским учреждениям и организациям нормально выполнять свои функции.
3. Советская Латвия в 1919 году, т. I, с. 202.
4. Известия, 1919, 5 марта, № 10.
5. Стр., 1919, 14. января.
6. Там же, 11 февраля.

В рассматриваемый период в Латвии, также как в РСФСР, было принято мало уголовно-правовых норм, защищающие личность и имущество граждан. На эту особенность в свое время обратил внимание уже Д.И.Курский.¹ В актах, принятых в Советской Латвии, только в общих чертах, была подчеркнута необходимость борьбы с грабежом, убийством и др. преступлениями². Суды привлекали к ответственности за убийство, нанесение телесных повреждений, руководствуясь своим социалистическим правосознанием.

В период угрозы иностранной интервенции наряду с функцией подавления сопротивления свергнутых классов, хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функцией в Советской Латвии значительное место занимала функция по охране республики, которую осуществляла Красная Армия. В этой связи особое значение имело укрепление дисциплины и боеспособности Красной Армии СССР и борьба с воинскими преступлениями. В положении о революционной дисциплине, порядке и боеспособности Красной Армии Советской Латвии от 10 марта 1919г.³ было предусмотрено несколько составов воинских преступлений, например, невыполнение или несвоевременное выполнение правильного приказа или распоряжения начальника (за невыполнение боевого приказа можно было применить даже расстрел); халатное отношение к исполнению своих обязанностей командиров и должностных лиц, если эти деяния совершались систематически и влияли на боеспособность военной части; "неправильное применение власти" упомянутых лиц; и др.

---

1. Курский Д.И. Избранные статьи и речи. М., 1948, с. 53.

2. ЦГАОР ЛатвССР, ф. 629, оп. I, д. I; ф. 1039, оп. I, д. I, л. 27 и др.

3. Известия, 1919, 27 марта, № 30.

Особо остро в ССРЛ велась борьба с самым опасным преступлением против порядка несения службы — дезертирством. В приказе Военного комиссариата от 4 февраля 1919 г. было объявлено, что самовольное оставление поля боя должно быть рассмотрено как самое тяжкое преступление и бороться с ним следует самыми суровыми средствами, применяя даже расстрел. Кроме того, приказ установил ответственность лиц, укрывающих дезертиров¹. На практике дезертирство из Красной Армии было приравнено к измене, а перебежавших к врагу объявляли вне закона. Дезертирами объявляли и воинов, которые причинили себе какое-либо повреждение с целью уклониться от военной службы². Большую роль в борьбе с дезертирами сыграл приказ № 53 Военного комиссариата ССРЛ, в котором вся строгость закона была направлена против дезертиров-грабителей³.

Необходимость создания таких норм была вызвана многим обстоятельствами. Во-первых, Советская Латвия была в опасности — буржуазия с помощью белогвардейских банд пыталась задуть новую власть, и, во-вторых, Советская Латвия была вынуждена «нарушить принцип трудового состава Красной Армии»⁴. В результате всеобщей мобилизации в Красную Армию попали сынки кулаков, даже белогвардейцы и деклассированные элементы, которые занимались шпионажем, контрреволюционной агитацией, а при отступлении армии дезертировали и ослабляли боеспособность армии⁵.

---

¹ Сіра, 1919, 5 февраля.

² См. Сіра, 1919, 5 февраля, 12 марта, 5 апреля.

³ Там же, 25 марта.

⁴ Стучка П. И. За Советскую власть в Латвии. 1918—1920. Рига, 1964, с. 485.

⁵ О дезертирстве при отступлении армии из Риги летом 1919 г. см.: История латышских стрелков (1915—1920). Рига, 1972, с. 410.

В условиях, когда иностранные интервенты не только готовились напасть на республику, но весной 1919 г. и реализовали этот замысел, огромное значение в комплектовании Красной Армии Латвии имели мобилизационные воззвания. Лица, подлежащих военной службе, избегавших регистрации в военных учреждениях и мобилизации, объявляли контрреволюционерами и привлекали к уголовной ответственности¹.

Уголовно-правовые нормы, приняты для борьбы с различными преступлениями с СССР, как уже указывалось, помогали советской власти в борьбе с контрреволюцией и в строительстве основ социалистического общества. Однако этим значение данных норм не исчерпывалось. Проф. А. А. Герцензон, оценивая принятые в первые годы в РСФСР уголовные законы, писал, что нормы, создавшиеся на первый взгляд вне какой-либо системы, при глубоком их изучении являются в виде развернутой системы норм. Особенной части социалистического уголовного права². Принятые в Латвии в 1919 г. нормы также легли в основу Особенной части уголовного права, которая могла бы успешно развиваться, если бы этот процесс не был прерван новым империалистическим нападением. В. И. Ленин в апреле 1919 г. писал: "Теперь немцы идут..., чтобы отрезать Ригу. С севера им помогают эстонские белогвардейцы на деньги, которые посылает Англия, при помощи добровольцев, которых посылают шведы и датчане... Они действуют по совершенно ясному для нас общему плану..."³.

Военное преимущество врага вынудило армию Советской Латвии 22 мая 1919 г. оставить Ригу, где интервентами, как и на всей оккупированной территории, был установлен эверский белый террор⁴.

---

¹ См. приказы Рижского Военного отдела, опубликованные в "Цине" в феврале и марте 1919 г.

² См. История советского уголовного права. М., 1948, с. 177.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 247.

⁴ Только в Риге за месяц убили около 4 500 человек. "Cīņa", 1919, 14. jūlijā.

После падения Риги Советское правительство Латвии переместилось в гор. Резекне, где оно действовало более полугода. И в этот период были приняты отдельные акты борьбы с дезертирством¹, с несоблюдением правил борьбы с эпидемиями тифа² и др.

В ССРЛ в 1919 г., так же как в РСФСР и в других республиках, еще не были разработаны и приняты многие важные законодательные акты для борьбы с преступностью³. Поэтому источником советского уголовного права, наряду с законодательными актами, по-прежнему оставалось социалистическое правосознание. Руководствуясь им, судебные органы решали вопросы о преступлении и наказании. Однако, следует отметить, что в 1919 г. Советская власть в Латвии, широко развернув законодательную деятельность, значительно сузила границы применения социалистического правосознания.

Действовавшие в ССРЛ уголовно-правовые нормы не были кодифицированы. Советское уголовное право состояло из норм, содержащихся в различного вида законодательных актах. Особенность законодательства этого периода заключалась в том, что обычно не принимались акты, в которых рассматривались бы только вопросы Особенной или только вопросы Общей части уголовного права. Обращая особое внимание на борьбу с конкретными преступлениями, законодатель попутно решал и вопросы Общей части уголовного права, ибо этого требовали интересы соблюдения революционной законности.

Так, в постановлении Советского правительства Латвии от 12 февраля 1919 г. "О порядке издания декретов" было

¹ См. приказ № 52 Революционного военного совета армии Советской Латвии от 3 июня 1919 г.; приказ № 3 Совета революционной борьбы Советской Латвии от 4 ноября 1919 г. В кн.: Советская Латвия в 1919 году, т. 2, с. 314-315, 328-329.

² Советская Латвия в 1919 году, т. 2, с. 302.

³ См. Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964, с. 271.

установлено, что декреты вступают в силу со дня их утверждения, если в самом декрете не определено иначе¹, а также указано, что распоряжения местных советов и отдельных комиссариатов, которые находятся в противоречии с позднее изданными распоряжениями или декретами ЦИК или Советского правительства, считаются отмененными и лишенными законной силы со дня издания декрета. Это указание имело большое значение для укрепления революционной законности в СССР.

В нормативных актах СССР 1919 г. все еще не было дано общее определение понятия преступления. Однако политическая характеристика отдельных видов преступлений, раскрытие их социальной сущности в самих уголовно-правовых нормах² позволяет утверждать, что законодатель в 1919 г., устанавливая уголовную ответственность, руководствовался общественной опасностью деяния (действия или бездействия) для интересов Советской власти и ее завоеваний. Это имело большое принципиальное значение, ибо служило фактором, утверждающим новое правосознание и мораль, мобилизовало народные массы к борьбе за соблюдение правопорядка, убеждало в необходимости радикальными средствами бороться с опасными посягательствами.

Советские органы власти заботились и о том, чтобы деяния, не представляющие большой общественной опасности, были бы отграничены от уголовно-наказуемых преступлений. В этой связи заслуживает внимания распоряжение Совета ре-

---

¹ Известия, 1919, 20 февраля, № 1.

² См. например, Сира, 1919, 25 марта.

революционной борьбы об административных наказаниях¹.

Законодатель регламентировал и вопрос о возрасте субъекта преступления. В соответствии с декретом Советского правительства Латвии от 8 марта 1919г. к уголовной ответственности привлекались мужчины с 18 лет, а женщины - с 16 лет². За совершение преступлений к ответственности привлекались и иностранцы, не пользовавшиеся дипломатической неприкосновенностью³.

В уголовно-правовых нормах, принятых в Советской Республике Латвии, не было дано понятие неоконченного преступления. Однако законодатель, устанавливая ответственность за кражу, разбой, погромы и их попытки⁴ и подчеркивая, что "попытка дать взятку или попытка к вымогательству взятки будет рассматриваться как совершившееся (т.е. оконченное - А.Р.) преступление"⁵, установил принцип одинаковой ответственности как за оконченное, так и неоконченное преступление, что способствовало борьбе с преступностью в сложных условиях классовой борьбы в республике.

В нормативных актах рассматриваемого периода были упомянуты и отдельные виды соучастников: подстрекатель, пособник и даже организатор⁶. Кроме того, в ряде актов была предусмотрена уголовная ответственность также за доноительство о различных преступлениях. Обобщив эти акты, Правление милиции гор.Риги и уезда создало общую норму, определив, что все лица, которые незамедлительно не сообщают о любом преступлении, должны быть привлечены к ответственности как соучастники преступления⁷. Анало-

1. В распоряжении было установлено, что: "За различные проступки и преступления, которые целесообразно и даже необходимо закончить в административном порядке, так, напр., за неисполнение различных приказов, распоряжений и др., за нарушение общественной тишины, пьянство, мелкую спекуляцию и т. под. ... подвергнуть виновного денежному наказанию (штрафу) до 10 000 руб. или аресту и общественным работам до 3 месяцев". - Известия, 1919, 24 февраля, № 2.

2. Известия, 1919, 19 марта, № 23.

3. Там же, 26 апреля, № 55.

4. ЦГАОР ЛатвССР, ф. 1039, оп. 1, д. 1, л. 27.

5. Советская Латвия в 1919 году, т. 1, с. 339.

6. ЦГАОР ЛатвССР, ф. 12, оп. 1, д. 3, л. 26.

7. Сіра, 1919, 15. februārī.

гично был решен вопрос об ответственности за укрывательство.¹ Установление в законодательстве принципа равной ответственности соучастников и прикосновенных лиц давало возможность бороться не только с исполнителями преступлений, но и с лицами, которые прямо или косвенно их поддерживали в борьбе с Советской властью. Таким образом, в 1919г. законодатель вопросы о стадиях преступления, об ответственности соучастников и прикосновенных лиц урегулировал всестороннее и полнее, чем в 1917году.

В нормативных актах регулировались и вопросы наказания. Уголовное наказание в ССРЛ было одним из эффективных средств в руках пролетариата для подавления его врагов. В рассматриваемый период, также как в 1917-1918 гг. Латвия, задачей наказания было не только принуждение, но и исправление и перевоспитание. Поэтому особое значение приобрело указание В.И.Ленина: "Мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, а потом принудить."² Идеи В.И.Ленина о классовом характере наказания, о задачах наказания, о принуждении как вспомогательном методе воспитания и др. учитывались при решении на практике вопросов применения уголовного наказания. Этот факт был установлен в принятой в марте 1919г. Программе РКП(с)³.

В ССРЛ в 1919г., в сравнении с 1917-1918 гг., наказания стали более суровыми. Летом 1918г. революционным трибуналам было разрешено применять смертную казнь. Это объясняется усилением белого террора.

По-прежнему большинство уголовно-правовых норм имело абсолютно-неопределенные санкции. Однако встречались и абсолютно-определенные, относительно-определенные и альтернативные санкции, чаще, чем в 1917г.

Перечень уголовных наказаний в Латвии в 1919г. был дан во Временных правилах о революционных трибуналах Комиссариата юстиции ССРЛ⁴. В этом перечне были упомянуты следующие виды на-

1. Например, об укрывательстве дезертиров см. Сіра, 1919, 5 февраля; Известия, 1919, 26 апреля, № 55.
2. Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.43, с.54.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953, ч. I, с.419.
4. Сіра, 1919, 15. februārī.

казания: денежное наказание, объявление общественного порицания, лишение политических прав, принудительные общественные работы, лишение свободы (заключение) и смертная казнь. Он не был полным, исчерпывающим. Исчерпывающий перечень наказаний был дан в Декрете о революционных трибуналах ССРЛ. В нем, кроме упомянутых видов наказания, были предусмотрены высылка и конфискация имущества.

Таким образом, в 1919г. в Латвии в основном была разработана система наказаний, в которую вошли почти все наказания, перечисленные в законодательстве более позднего периода.

Самое суровое наказание - смертная казнь революционными трибуналами Советской Латвии применялось за контрреволюционные и другие опасные преступления, такие, как дезертирство, шпионаж, спекуляция, взяточничество и др. Изучение архивных материалов показало, что с 1 января по 1 марта 1919г. революционные трибуналы ССРЛ приговорили к расстрелу 338 граждан, в том числе 276 - за контрреволюционные преступления, а в апреле - соответственно 127 и 106¹. Как отмечал П.И.Стучка, в Советской Латвии было около 1 000 расстрелов, однако расстрел в республике никогда не рассматривался как цель, а как "необходимое, вынужденное зло"². В целях соблюдения революционной законности в работе трибуналов, Комиссариат юстиции ССРЛ требовал обязательное мотивирование в приговоре применения высшей меры наказания³.

Революционные трибуналы и народные суды применяли и лишение свободы (заключение), обычно на срок от одного месяца до 15 лет. Иногда лишение свободы объединяли с передачей осужденного (после отбытия наказания) под надзор исполнительного комитета, милиции и др. органов на определенный срок⁴. В судебной практике тех лет встречаются и неопределенные приговоры, например, содержать в заключении до полного укрепления Советской власти и т.д.⁵

1. ЦГАОР ЛатвССР, ф. I, оп. 2, д. 106, л. 41.

2. Стучка П. И. За Советскую власть в Латвии. 1918-1920. Рига, 1964, с. 490, 493.

3. ЦГАОР ЛатвССР, ф. 12, оп. I, д. 45, л. 26-27.

4. Там же, ф. 9, оп. I, д. 33, л. 25, 26 и др.

5. Там же, ф. 9, оп. I, д. 32, л. 3, 5; ф. 12, оп. I, д. 76, л. 24 и др.

В СССР были установлены три вида мест заключения: общие (тюремь), рефрматории и земледельческие колонии,¹ где лишения свободы было связано с обязательным трудом.

Как известно, уже в 1917 г. В.И. Ленин большое внимание уделял принудительным работам, советуя добиться положения, при котором "... ни один жулик... не гулял на свободе, а сидел в тюрьме или отбывал наказание на принудительных работах..."² Это наказание широко применялось в Латвии в 1919 г. Общественные работы назначались в тех случаях, когда не было необходимости изолировать виновного от общества. Связанное с трудом, это наказание служило эффективным средством исправления осужденных. Общественные работы применялись в отношении лиц, которые совершали менее опасные преступления³.

Судебные органы в 1919 г. широко применяли денежное наказание (штраф), обычно назначая его представителям класса имущих так, чтобы оно соответствовало их имущественному положению.⁴ В случае неуплаты денежного штрафа его могли заменить принудительными общественными работами, арестом,⁵ конфискацией имущества и даже тюремным наказанием на определенный срок.⁶

---

¹ Известия, 1919, 27 февраля, № 5.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 203.

³ Так революционный трибунал Риги и Рижского уезда в заседаниях с 18-24 апреля 1919, из 39 лиц, привлеченных к ответственности за невыполнение советских распоряжений, 24 были приговорены к общественным работам. - См. Спра, 1919, 15. maija.

4. См. Стучке П. Народный суд в вопросах и ответах. М., 1918, с. 58.

5. Хотя законодательством СССР арест не рассматривался как мера уголовного наказания, революционные трибуналы, а также народные суды иногда применяли арест за совершение малозначительных преступлений. - См. ЦГАОР ЛатвССР, ф. 2, оп. 2, л. 59, л. 13; ф. 12, оп. 1, д. 74, л. 15-16 или ф. 1040, оп. 1, д. 5, л. 66, 119 и др.

6. ЦГАОР ЛатвССР, ф. 1040, оп. 1, д. 3, л. 76-77; д. 6, л. 101; ф. 1039, оп. 1, д. 2, л. 178; ф. 572, оп. 1, д. 42, л. 256.

На практике конфискацию имущества чаще всего назначали за контрреволюционные преступления, спекуляцию, дезертирство и пр. в качестве дополнительного наказания к смертной казни, лишению свободы и др. наказаниям. В интересах укрепления законности в работе судов Комиссариат юстиции ССРЛ разъяснил судам порядок применения различных видов (полной, частичной) конфискации имущества, а также определил, какое имущество не подлежит конфискации¹.

Революционные трибуналы, кроме наказаний, предусмотренных в законах, применяли и объявление вне закона, лишение прав занимать определенные должности, увольнение от должности, иногда объединяя это с публикацией приговора в печати для широкого ознакомления, и строгий выговор, а народные суды - общественный выговор, ибо, как указывал В.И. Ленин, только применение самых различных форм и методов в борьбе с преступностью может дать желаемый результат².

При рассмотрении уголовных дел судебные органы руководствовались декретами Советского правительства, поэтому Комиссариат юстиции ССРЛ большое внимание уделял правильному их применению в судебной работе, поручив советам народных судей, рассматривая дела в кассационном порядке, проверять, правильно ли понят и применен, относящийся к делу, декрет.³

Определяя наказание, суды соблюдали индивидуальный подход к подсудимому, различно относясь к закоренелым врагам революции и советской власти и к трудящимся, совер-

---

¹ ЦГАОР ЛатвССР, ф. 12, оп. 1, д. 45, л. 24.

² См. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 204.

³ ЦГАОР ЛатвССР, ф. 12, оп. 1, д. 46, л. 126.

шившим преступление в силу тяжелых материальных или иных обстоятельств,¹ а также соблюдали принцип соответствия наказания тяжести и опасности совершенного преступления.

В законодательстве СССР не был дан перечень обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность. Определяя наказание, суды принимали во внимание личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, которые определялись, руководствуясь социалистическим правосознанием, революционной совестью, социалистической моралью. Поэтому приговоры революционных судов сами по себе были важным воспитательным фактором, средством пропаганды нового правосознания и морали. Отягчающими ответственность обстоятельствами были признаны: ответственная должность в советских учреждениях, приближение фронта и интересы защиты государства, принадлежность к Коммунистической партии, рецидив, организатор преступления и др. Смягчающим ответственность обстоятельством чаще всего признавали: социальное положение (рабочий, из малоимущих), незначительность преступления, чистосердечное признание вины, хорошее поведение в заключении, болезнь, неграмотность и неосознанность, сильное душевное волнение, молодость и несовершеннолетие, пассивность при совершении преступления и др.

---

¹ Характерно в данном случае дело Цесисского уездного революционного трибунала о привлечении к ответственности группы белогвардейцев, которые с оружием в руках боролись против Советских войск у Инчукална. Как указано в приговоре, эти лица являлись сыновьями зажиточных римских граждан и в белую гвардию вступали сознательно "как пылкие контрреволюционеры из политических соображений". Все они были подвергнуты суровому наказанию. В этом же заседании было рассмотрено дело об II участниках "железной дивизии", взятых там же в плен, которых оправдали, ибо трибунал установил, что указанные лица - рабочие, которые были заставлены бороться с Советской Латвией и, при приближении Советской Армии, бросили оружие и сдались в плен. - "Cēsu aprūpa Strādnieku un bezzaimnieku deputātu padomes Ziņotājs", 1919, 2. februāris, Nr. 7.

В 1919 г. в Латвии была заложена основа для условного осуждения и досрочного освобождения от наказания. Условное осуждение не регулировалось законодательством ССРЛ, однако на практике суды его применяли, приговаривая к лишению свободы и общественным работам.¹ Суды применяли и досрочное освобождение от наказания,² и возможность такого освобождения, в отличие от условного осуждения, было предусмотрено декретом о едином народном суде ССРЛ. Освобождая от уголовного наказания, суды руководствовались указанием П.И. Стучки о том, что освобождать от отбытия наказания можно только лиц, совершивших преступления случайно.³

Несмотря на интервенцию и сложное внутривластное положение, Советская власть в Латвии издавала амнистии, например, декрет об амнистии в связи с праздником 1 мая.⁴

На неоккупированной территории Латвии применялось также постановление ВЦИК от 5 ноября 1919 г. "Об амнистии ко второй годовщине Октябрьской революции".⁵

Законодатель Советской Республики Латвии строго следил, чтобы все должностные лица и каждый гражданин соблюдали и выполняли декреты и распоряжения Советской власти. Вопросам законности было посвящено специальное постановление Советского правительства Латвии "О пролетарской законности и пресечении нарушения закона",⁶ которое, без сомнения, имело серьезное значение в укреплении советской социалистической законности в области уголовного права.

---

¹ ЦГАОР ЛатвССР ф. 12, оп. 1, д. 67, л. 12; д. 73, л. 30, 31 и др.

² Там же, ф. 12, оп. 1, д. 67, л. 12.

³ Стучка П. Народный суд, М., 1918, с. 57.

⁴ Известия, 1919, 29 апреля, № 57.

⁵ Применение амнистии ВЦИК от 5 ноября 1919 г. в Латвии регламентировало письмо Комиссариата юстиции ССРЛ от 7 ноября, а также приказ № 191 Военного комиссара ССРЛ от 12 ноября 1919 г.

⁶ Сіца, 1919, 23. aprīlī.

Очень интенсивную правотворческую работу в ССРЛ прервало новое нападение латышских и польских белоохранителей в январе 1920 г., в результате чего была свергнута советская власть и в Латгалии.

Советское уголовное право в 1919 г. находилось в стадии становления. Поэтому оставались нерешенными многие вопросы Общей и Особенной частей советского уголовного права в Латвии. Однако уже в 1919 г. были разработаны некоторые основные принципы уголовного права, сохранившие свое значение даже в наши дни. По своему содержанию и форме право 1919 г. в ССРЛ было социалистическим. Оно отражало конкретные исторические условия, характерные для ССРЛ, способствовало укреплению и развитию Советской власти, решению задач, стоящих перед социалистическим государством.

Трудящиеся Латвии под руководством Коммунистической партии и в годы буржуазной диктатуры продолжали борьбу за свое освобождение. Только в 1940 г. в Латвии была восстановлена Советская власть. С 1940 г. начался новый этап в развитии советского уголовного права, явившегося продолжением уголовного права, созданного в 1919 г.

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА О ПОНИМАНИИ ПРЕСТУПНОСТИ И ЕЕ ПРИЧИН

Преступность существует столько же времени, сколько времени существует классовое общество, государство, право. На протяжении тысячелетий людей волновал вопрос о том, почему совершаются преступления. На него пытались и по сей день пытаются ответить выдающиеся мыслители и рядовые криминологи.

Количество различных теорий, объясняющих причины существования преступности велико, но их можно, как известно, объединить в три группы:

- 1) теории социологические;
- 2) теории биологические;
- 3) теории смешанные.

В советской юридической литературе в последние два десятилетия написано немало работ, которые в разных аспектах освещают, анализируют криминологические теории прошлого и современности¹. В еще большем количестве статей, брошюр, монографий излагаются понятия преступности, ее причин, условий и т.д.² Нет необходимости сопоставлять даваемые в

1 Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960; Решетников Ф. Современная американская криминология. М., 1965; Криминология. М., 1968, с. 27-95; Криминология. М., 1976, с. 84-106; Федотов О.К. Критика современной буржуазной криминологии. М., 1973; Кузнецова Н.Ф. Современная буржуазная криминология. М., 1974; Шляпочников А.С. Советская криминология на современном этапе. М., 1973. Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975.

2 Герцензон А.А. Введение в советскую криминологию. М., 1965; Карпец И.И. Проблема преступности. М., 1969; Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968; Ковалева М.И. Основы криминологии. М., 1970; Рахманов А.И. Общая характеристика преступности и преступников. М., 1971; Лекарь В. Профилактика преступлений. М., 1972; Бабаев М.М. Преступность и ее причины. М., 1973 и др.

них дефиниции, отмечать некоторые несоответствия, различия и т.д. Они, на наш взгляд, вполне естественны и закономерны: развивается наука (криминология), углубляются теоретические и прикладные исследования, дефиниции становятся более точными по существу и по форме.

Хочется отметить одно - авторы этих работ, как правило, исходят из понимания преступности как социального явления, т.е. в первую очередь, явления исторически изменчивого, имеющего уголовно-правовой характер, существующего в классовом обществе¹, (чем и обуславливается как сам факт существования преступности в этом обществе, так и ее состояние, структура, динамика и т.д.). Поэтому, естественно, и причины существования преступности как явления они ищут и находят в социальных отношениях, в социально-экономических условиях жизни общества.

Но, как отмечал И.И.Карпец еще в 1969 г., у отдельных ученых в решении этого вопроса наблюдается определенная непоследовательность, "выражающаяся в смешении социального и биологического"².

Наиболее значительной работой этого направления, безусловно, является монография И.С.Ноя³. В этой работе можно, на наш взгляд, усмотреть, как минимум, ту самую непоследовательность, о которой писал И.И.Карпец. В настоящей статье нет необходимости давать анализ монографии И.С.Ноя, следует лишь отметить, что в ней очень неполно и фрагментарно изложены положения классиков марксизма-ленинизма о преступности и ее причинах. В частности, не анализируются некоторые положения В.И.Ленина, свидетельствующие как раз о сугубо социальном понимании им характера преступности и ее причин в обществе, строящем социализм.

В этих указаниях В.И.Ленин опирался на известный и ныне широко цитируемый в работах кримиологов-марксистов принципиальный теоретический тезис К.Маркса о том, что социали-

1 См. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969, с.173-174; Кудрявцев В.Н. Принципы правонарушений. М., 1976, с.280-281.

2 Карпец И.И. Проблема преступности, с.30-33.

3 См. Ной И.С. Указ. раб.

тическое ("коммунистическое") общество вырастает "из капиталистического общества и ... поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло"¹, чем и обуславливается в значительной степени характер всех социальных явлений в период перехода от капитализма к социализму, в том числе и преступности. Здесь особенно важным представляется подчеркивание К.Марксом комплекса отношений: не только экономических, но и нравственных, и умственных. Поэтому, прежде чем обратиться к анализу преступности в социалистическом обществе, необходимо, на наш взгляд, вспомнить, что основоположники марксизма-ленинизма писали о преступности в капиталистическом обществе, как определяли ее главную причину. К.Маркс и Ф.Энгельс, не написав специальных криминологических работ, впервые сказали, что преступность является социальным и исторически обусловленным явлением, что она возникает на определенной стадии развития общества, с появлением частной собственности, разделением общества на классы и образованием государства. Поэтому с полным основанием мы можем утверждать, что основоположники марксизма - К.Маркс и Ф.Энгельс - заложили основы научного понимания преступности и ее причин, основы материалистической криминологии.

В статье "Население, преступность и пауперизм", написанной в 1850 г., К.Маркс показал зависимость преступности от экономики государства, от его социальной системы, от принимаемых в государстве законов. "Нарушение закона, - писал К.Маркс, - является обычно результатом экономических факторов, не зависящих от законодателя; однако... от официального общества до некоторой степени зависит квалификация некоторых нарушений установленных им законов как преступлений или только как проступков"².

Подчеркивая уголовно-правовой характер преступности,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.19, с.18.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.13, с.516.

К.Маркс продолжал в той же статье: "Само по себе право не только может наказывать за преступления, но и выдумывать их..."¹.

И, наконец, указал, что и принятие законов, и их нарушение обуславливаются сущностью социальной системы. "Должно быть, есть что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, - писал он, - которая увеличивает свое богатство, но при этом не уменьшает нищету, и в которой преступность растет даже быстрее, чем численность населения"².

Но работ такого (в значительной степени криминологического) характера у К.Маркса, пожалуй, больше и нет. В работах же общего, методологического плана он неоднократно делал принципиальные выводы, которые прочными звеньями легли в фундамент научной криминологии.

Так, в "Критике Готской программы", определяя основы материалистического подхода к любому социальному явлению, он определил и основы материалистического подхода к преступности.

В статье "Смертная казнь..." К.Маркс подчеркивал, что количество совершаемых ежегодно преступлений "зависит ... от основных условий, свойственных современному буржуазному обществу в целом"³.

Ф.Энгельс в "Положении рабочего класса в Англии" неоднократно подчеркивал прямую зависимость, прямую обусловленность совершения преступлений представителями рабочего класса условиями их существования в капиталистическом обществе, капиталистическими общественными отношениями.

В частности, он писал: "Все положение рабочего, вся окружающая его обстановка способствуют развитию в нем безнравственности. Он беден, жизнь не имеет для него никакой прелести, почти все наслаждения ему недоступны, кары закона ему больше не страшны; почему же он должен стеснять себя в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.13, с.516.

² Там же, с.515.

³ Там же, т.8, с.532.

своих желаниях, почему он должен давать богачу наслаждаться своим богатством, вместо того, чтобы присвоить себе часть его?"¹.

О том же Ф.Энгельс говорил и в "Зльберфельдских речах"².

А в уже цитированной статье "Смертная казнь..."

К.Маркс делал достаточно определенный вывод: "... если преступления, взятые в большом масштабе, обнаруживают по своему числу и по своей классификации, такую же закономерность, как явления природы, ... то не следует ли серьезно подумать об изменении системы, которая порождает эти преступления..."³.

Таким образом, К.Маркс и Ф.Энгельс показали, что, во-первых, преступность - явление социальное, порождаемое условиями существования классового общества; во-вторых, что в преступности капиталистического общества проявляется в наиболее острой форме конфликт между поведением личности и интересами господствующего класса. Существование этого конфликта объясняется, в первую очередь, характером капиталистического общественного строя, основанного на эксплуатации человека человеком. В-третьих, что окрашение и ликвидация преступности невозможны без изменения общественно-политической системы, порождающей эту преступность.

Представляется, что приведенные выше положения (их количество можно было бы увеличить) достаточно хорошо иллюстрируют последовательно социологический подход К.Маркса и Ф.Энгельса к преступности.

Однако, оценивая чрезвычайно высоко роль К.Маркса и Ф.Энгельса как основоположников марксистской криминологии, нельзя забывать, что они, во-первых, не исследовали общество периода монополистического капитализма, эпохи империализма, а следовательно, не исследовали и закономерностей развития преступности в этом обществе. Во-вторых, они не исследовали развитие социалистического общества, а, следовательно, и закономерности развития преступности при социализме.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.2, с.348.

² Там же, т.8, с.537.

³ Там же, с.532.

Это сделал, опираясь на их теоретическое наследие, развивая марксизм далее, В.И. Ленин. И одна из величайших заслуг В.И. Ленина для криминологии как раз и состоит в том, что, раскрывая развития капитализма в эпоху империализма, он исследовал и проблему преступности в этот период.

Еще в 1901 г. в статье "Случайные заметки" Ленин писал, что "большее значение, чем применение отдельных наказаний, имеет изменение общественных и политических учреждений"¹.

Именно в этом, в установлении непосредственной связи преступности с общественно-политическим строем - основа научной криминологии. И при империализме эта связь существует и, следовательно, ликвидация преступности зависит прежде всего от ликвидации буржуазного общественно-экономического строя.

В.И. Ленин не только связывал происхождение преступности с существом эксплуататорского общества, но и подчеркивал, что, лишь уничтожив эксплуатацию, можно ликвидировать и преступность.

В работе "Государство и революция" он писал: "Мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут "отмирать"².

По поводу этой, тоже очень широко известной цитаты, хотелось бы заметить следующее. В ней является принципиально важной не только мысль о том, где коренится социальная причина преступности после пролетарской революции, но и то, что понятие преступности здесь сводится к нарушению "правил общежития", т.е. прежде всего законов - уголовно-правовой, социальной категории.

Таким образом, говоря о главной социальной причине преступности, В.И. Ленин говорит здесь одновременно и о том, что сама преступность - явление социальное.

Не останавливаясь более подробно на вкладе В.И. Ленина

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 408.

² Там же, т. 33, с. 91.

в разработку проблемы преступности в капиталистическом обществе, отметим, что выводы Ленина о причинах преступности в капиталистическом обществе и путях их ликвидации являются и сегодня той научной основой, тем фундаментом, на котором строятся все положения марксистской криминологии в этом вопросе.

И сколько бы ни пытались опровергнуть В.И.Ленина, как К. Маркса и Ф.Энгельса, буржуазные философы, криминологи и прочие, развитие преступности в капиталистическом мире все более и более убедительно свидетельствует о неопровержимости выводов основоположников марксизма-ленинизма.

Рост преступности в капиталистическом обществе - одно из проявлений разложения этого общества.

Анализируя основы материалистической криминологии, заложенные в работах классиков марксизма-ленинизма, следует отметить также, что и проблема преступности в социалистическом обществе впервые получила свое научное освещение в работах К.Маркса, Ф.Энгельса и, особенно основательно, - в работах В.И.Ленина.

Выше уже цитировалась работа К.Маркса "Критика Готской программы".

Опираясь на положения этой работы и на собственный анализ социальных явлений, В.И.Ленин делал вывод о социальном характере преступлений и путях их ликвидации и в социалистическом обществе.

Это целый комплекс вопросов, причем вопросов весьма сложных.

Повторяя сказанное ранее, следует еще раз отметить, что В.И.Ленин преступность в социалистическом обществе считал явлением социальным, т.е. на определенном этапе его развития закономерным и обусловленным.

Исходя из этого понимания преступности, он связывал ее существование с условиями жизни строящегося социалистического общества, с борьбой классов, с общественными отношениями, а в "Очередных задачах Советской власти" даже подчеркивал, что, говоря о социальных причинах, он имеет в виду причины

классовые¹.

В.И. Ленин, вслед за К. Марксом, подчеркивал, что старый строй встает на пути нового через сохранившиеся, до конца не уничтоженные еще остатки этого старого строя. Причем эти остатки имеют совершенно определенные формы и в экономике (многоукладность хозяйства, наличие частной собственности и т.д.), и в идеологии.

Ленин говорил по этому поводу чрезвычайно образно и убедительно на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 4 июня 1918 г.: "...Когда наступает революция, дело не происходит так, как со смертью отдельного лица, когда умерший выносится вон. Когда гибнет старое общество, труп его нельзя заколотить в гроб и положить в могилу. Он разлагается в нашей среде, этот труп гниет и заражает нас самих"².

Об этом же еще раз он писал в известном "Письме к американским рабочим": "...Труп буржуазного общества... нельзя заколотить в гроб и зарыть в землю. Убитый капитализм гниет, разлагается среди нас, заражая воздух миазмами, отравляя нашу жизнь, хватая новое, свежее, молодое, живое, тысячами путей и связей старого, гнилого, мертвого"³.

Об этом писал и говорил В.И. Ленин и в ряде других статей и в выступлениях тех лет.

Интересно, что Ленин слово преступность употреблял сравнительно редко, чаще - "разложение старого общества".

В работе "Очередные задачи Советской власти" Ленин называл лодырей, тунеядцев, казнокрадов людьми, хранящими "наследство капитализма", "соблюдающими" традиции капитализма⁴.

Но в чем конкретно видел он это разложение старого общества? Во-первых, следует сказать, что, анализируя закономерности развития молодого социалистического государства, В.И. Ленин видел источники преступности в период перехода от

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.36, с.195.

² Там же, т.36, с.409.

³ Там же, т.37, с.61.

⁴ Там же, т.36, с.181.

капитализма к социализму прежде всего в особенностях классовой борьбы этого периода. В записке Ф.Э.Дзержинскому от 20 декабря 1917 г. В.И.Ленин писал: "Буржуазия, помещики и все богатые классы прилагают отчаянные усилия для подрыва революции... Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов. Странники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковских чиновников, и т.п. саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мерах, направленных к осуществлению социалистических преобразований"¹.

В работе "Очередные задачи Советской власти" Ленин развивал дальше эту мысль, говоря о двух формах ведения буржуазией борьбы против республики Советов.

"Нельзя забывать, - писал он, - ни на минуту, что буржуазная и мелкобуржуазная стихия борется против Советской власти двояко: с одной стороны, действуя извне, приемами Сазинковых, Гоцов, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями, их грязным "идеологическим" отражением, потоками лжи и клеветы в печати кадетов, правых эсеров и меньшевиков; с другой стороны, эта стихия действует изнутри, используя всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распущенности, хаоса. Чем ближе мы подходим к полному военному подавлению буржуазии, тем опаснее становится для нас стихия мелкобуржуазной анархичности"².

В той же работе Ленин, анализируя "элементы разложения старого общества", писал, что "...показать себя, элементы разложения не могут иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода"³.

И снова о мелкобуржуазной стихии: "Мелкобуржуазная стихия, с которой нам предстоит теперь вести самую упорную борьбу, сказывается именно в том, что слабо сознание народнохо-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.35, с.156.

² Там же, т.36, с.196-197.

³ Там же, с.195.

заявленной и политической связи голода и безработицы с распущенностью всех и каждого в деле организации и дисциплины, - что держится прочно мелкособственнический взгляд: мне бы урвать побольше, а там хоть трава не расти"¹.

Но Ленин не ограничивал круг "элементов разложения старого общества" свергнутыми, лишенными власти, но физически существовавшими еще бывшими помещиками, капиталистами, или даже мелкой буржуазией, а находил эти элементы и среди трудящихся, среди рабочего класса. И объяснял причину такого явления. "Рабочий, - говорил Ленин на II Всероссийском съезде профессиональных союзов, - никогда не был отделен от старого общества китайской стеной. И у него сохранилось много традиционной психологии капиталистического общества.

Рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоя по колени еще в этой грязи. Приходится только мечтать о том, чтобы очиститься от этой грязи"².

Из всего сказанного следует сделать вывод, что Ленин видел главную причину преступности в период перехода от капитализма к социализму в наличии остатков старого общества, пережитков капитализма в разных формах.

При этом надо иметь в виду, что остатки старого не вошли в качестве составных частей в новое - в социалистическую экономику и идеологию, не вросли в них, но, оставаясь чуждыми им, все-таки существовали рядом с ними. Продолжали существовать такие остатки капитализма как эксплуататорские классы - и в виде остатков свергнутых классов капиталистов и помещиков, и в виде "живого" класса кулачества, мелкой буржуазии в городах, которые, конечно, не являясь порождением социалистического общества, на известном этапе его развития еще существовали в нем. Можно назвать и много других проявлений остатков капитализма в экономике государства переход-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.36, с.197-198.

² Там же, т.37, с.449.

ного от капитализма к социализму периода, в том числе профессиональную преступность, а также различные пережитки в сознании людей. Вот эти-то пережитки в сознании, т.е. старые взгляды и привычки держались особенно цепко, бороться с ними особенно трудно.

Это видел Ленин, об этом он неоднократно говорил и писал.

Таким образом, подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что основную причину преступности при социализме на первом этапе развития этого общества, В.И. Ленин понимал как остатки или, иначе, как пережитки капитализма в экономике, общественных отношениях и сознании людей.

Эта формула была принята в нашей стране для объяснения причин существования преступности и других антиобщественных проявлений. Но в нее со временем была внесена поправка: стали говорить только о пережитках в сознании, а иногда даже добавляли - в сознании отдельных людей.

Для того этапа развития социалистического государства, о котором писал В.И. Ленин, следовало говорить именно о пережитках в экономике, общественных отношениях и сознании людей. Для нынешнего периода, естественно, указание на пережитки в экономике и общественных отношениях в значительной степени теряет свое значение, выдвигаются именно пережитки в сознании и поведении людей. Но и сегодня мы не можем говорить только о пережитках в сознании, тем более - в сознании отдельных людей. Если бы пережитки прошлого сохранились только у отдельных людей, не было бы и преступности как социального явления, не было бы серьезной проблемы, связанной с преодолением этих пережитков в ходе коммунистического строительства, в процессе коммунистического воспитания людей.

В.И. Ленин в своих философских работах объяснил связь общественного сознания с общественным бытием.

На ленинских позициях в этом вопросе сегодня стоит большинство советских криминологов.

На таких же позициях стоит большинство криминологов дру-

гих социалистических стран. Особенно четко они выражены, на наш взгляд, в работе известных берлинских кривов Э. Бухгольца, Дж. Лекшаса, Р. Хартмана "Социалистическая криминология", где на основе современных знаний марксистской философии и криминологии делается попытка сформулировать теоретическую концепцию причин преступности в современном социалистическом обществе.

Главное в этой концепции состоит в том, что преступность при социализме, во-первых, признается социальным явлением.

Во-вторых, доказывается, что преступность, как социальное явление, обладает совершенно определенными, характерными для нее качествами, которые обусловлены также социальными причинами.

В-третьих, "преступность, как социальное явление, чужда социализму, этому новому типу существования человеческого общества, и не связана с его сущностью. Следовательно и причины, вызывающие это явление, не свойственны социализму. Их основу должны составлять другие явления, которые, хотя и существуют реально, не относятся к самой сущности социализма"¹.

В-четвертых, преступность не однородна, а соответственно, не могут быть однородными и ее причины.

В-пятых, поскольку преступность весьма сложное социальное явление, находящееся в диалектическом взаимоотношении со множеством других явлений, причины преступности (как и всякая причина преступления) состоит из комплекса явлений.

В-шестых, преступность - "действия людей, наделенных сознанием, преследующих определенные личные цели"², т.е. природа комплексных причин преступности имеет как объективный, так и субъективный характер.

В-седьмых, причины явления (преступности) составляют только определяющие и формирующие сущность этого явления связи.

1 Бухголец Э., Лекшас Дж., Хартман Р. Социалистическая криминология, М., 1975, с. 84.

2 Там же, с. 86.

В-восьмых, "преступность есть результат деятельности людей, принимающих решения"¹, которые обуславливаются, в конечном счете, характером общественного строя, в котором эти люди живут.

Из всего сказанного делается вывод, что "понятием причин преступности следует считать комплекс общественных и индивидуальных проявлений материальной, идеологической природы и индивидуального сознания, который в силу своей сущности и свойственной ему противоречивости к новым, гуманистическим, социалистическим отношениям людей к государству, обществу и между собой способен стихийно детерминировать такое поведение людей, которое создает опасность для социалистического общества, его дальнейшего развития и протекающих в нем материальных и духовных процессов, ибо объективно наносит социальный вред и препятствует развитию определенных сторон общественной жизни или нарушает существующий правопорядок"².

Думается, что, несмотря на некоторую тяжеловесность этого определения, оно достаточно точно определяет общее понятие причин преступности при социализме, совпадает с пониманием причин преступности, формулируемым в работах таких советских криминологов, как А.А.Герцензон, И.И.Карпец, М.И.Ковалев, Н.Ф.Кузнецова и др.

Составной частью проблемы причин преступности, как известно, является проблема личности преступника. При решении прежде всего следует исходить из диалектико-материалистической концепции сущности человека, сформулированной К.Марксом в "Тезисах о Фейербахе", где он подчеркивал, что "сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений"³ (та же мысль высказана К.Марксом в

¹ Бухгольц Э., Лекция Дж., Хартман Р. Указ. раб., с.87.

² Там же, с.87-88.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.3, с.3.

работы гегелевской философии права "К критике гегелевской философии права. Введение" и др.).

В.И. Ленин в работе "Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве", критикуя Михайловского, писал по поводу "помыслов и чувств" людей, человека - "живой личности" - следующее: "Но чем определяются эти "помыслы и чувства"? Можно ли серьезно защищать то мнение, что они появляются случайно, а не вытекают необходимо из данной общественной среды, которая служит материалом, объектом духовной жизни личности и которая отражается в ее "помыслах и чувствах" с положительной или отрицательной стороны, в представительстве интересов того или другого общественного класса? И далее: по каким признакам судить нам о реальных "помыслах и чувствах" реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей, - а так как речь идет только об общественных "помыслах и чувствах", то следует добавить еще: общественные действия личностей, т.е. социальные факты... Другими словами: социолог - материалист, делая предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных личностей, из действий которых и складываются эти отношения"¹.

Исходя из этого, современные криминологи-марксисты принимают основные категории марксистской криминологии - преступник, преступление, преступность - как категории социальные.

Этот вывод не отбрасывает необходимость всестороннего изучения личности преступника, поскольку без преступник-человека, виновно совершившего противоправное общественно опасное деяние, нет ни преступления, ни преступности (об этом сегодня советскими криминологами написано немало работ).

В последние годы стали появляться работы, в которых делаются попытки более или менее четко определить роль биологических и социальных компонентов в формировании личности

1 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. I, с. 423-424.

преступника, а следовательно, и в причинах преступности¹.

Представляется, что на более реальных позициях в решении этого вопроса стоят те, кто исходит из принципа: внешние причины действуют через внутренние условия². Позиция В.Н.Кудрявцева, определенная им в "Причинности в криминологии" ("биологические факторы играют роль условий, способствующих или затрудняющих правильное нравственное формирование личности"³), наиболее полно соответствует марксистско-ленинскому пониманию соотношения личности, причин и результатов ее деятельности, и, в частности, такого аспекта ее деятельности как совершение преступлений.

В другой своей работе - "Причины правонарушений" - В.Н.Кудрявцев подчеркивает, что правонарушения (в первую очередь преступления) - "это не биологические, а социальные явления... Социалистическая наука не отрицает значения индивидуальных психофизиологических и иных особенностей личности человека в объяснении причин его поведения, равно как не игнорирует и роль случайных ситуаций и стечения обстоятельств. Однако решающая роль принадлежит социальным процессам в сфере бытия и сознания людей, анализ которых дает возможность планировать борьбу с противоправным поведением на научной основе"⁴.

В заключение следует подчеркнуть, что в данной статье излагаются лишь некоторые положения классиков марксизма-ленинизма о преступности и ее причинах, но и они в достаточ-

---

1 Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии, с.50-69; Карпец И.И. Проблема преступности, с.30-39 и др.; Ковалев М.И. Основы криминологии, с.52-59; Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений, с.192-199.

2 Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957, с.226.

3 Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии, с.68.

4 Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений, с.280-281.

ной, на наш взгляд, степени выявляют основную, определяющую черту этих явлений - их социальный характер. Дальнейшее развитие материалистической криминологии происходит ныне и возможно впредь лишь на основе достижений предыдущих периодов ее развития, в первую очередь, того периода, когда свой бесценный вклад в криминологию как составную часть науки о государстве и праве вносили К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И. Ленин.

Дальнейшее развитие естественных наук, безусловно, внесет коррективы в существующие ныне знания о человеке, его психологической и эмоциональной сферах, в методику их исследования, но пока существует государство и право, социальные процессы в сфере общественного бытия и сознания людей останутся решающими при определении понятия преступности и ее причин. Дальнейшее познание этих процессов сделает реальным и повседневным делом планирование предупреждения антиобщественного поведения людей вообще, преступности в частности.

А.К.КАВАЛИЕРИС, канд. юрид. наук
МВД Латвийской ССР (Рига)

ОРГАНИЗАЦИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМ ИНФОРМАЦИИ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Разработка и использование отдельных информационных систем на базе ЭВМ

На современном этапе развития общества во всех сферах деятельности человека все большее значение приобретает необходимость своевременного получения, обработки и использования различного рода информации. Сейчас проявляется прямая зависимость между эффективностью деятельности и объемом используемой информации¹.

Естественно, что эта же проблема, т.е. проблема коренной принципиальной перестройки всей системы информации столь же остро встала и перед правоохранительными органами, в т.ч. и органами внутренних дел.

Кроме общих причин актуализации проблем информации, свойственных всем сферам человеческой деятельности на современном этапе, в правоохранительных органах большую роль сыграли специфические обстоятельства и факторы.

Первое из подобных обстоятельств, проявившихся в середине шестидесятых годов – это осталось и бессистемность в решении всех вопросов, связанных с информацией в этих органах в то время. К этому периоду, когда повсеместно назрела необходимость поднятия информатики на современный, более высокий уровень, в них, по существу, вообще не имелось единой системы информации. Даже сейчас, спустя почти 10 лет, фактически можно говорить, что существуют вполне самостоятель-

---

¹ О причинах такого явления подробнее см. Глушков В.М.
Введение в АСУ. Киев, 1972, с. 8-14.

но системы уголовной регистрации и система оперативно - розыскной информации, хотя обе они направлены на решение одной и той же задачи - обеспечение процесса борьбы с преступностью информацией.

Каждая служба органов внутренних дел решала вопросы сбора, хранения, обработки и использования информации отдельно, изолированно, с учетом лишь собственных интересов. Уголовный розыск и служба БХСС самостоятельно учитывали лиц, совершающих преступления, борьба с которыми отнесена к их компетенции. Отдельные подразделения наружной службы милиции имели свои самостоятельные учеты: учреждения для содержания административно-арестованных - учет лиц, привлеченных к ответственности за так называемое хулиганство, вытрезители - лиц, доставленных в эти учреждения; приемники-распределители - лиц, задерживаемых за бродяжничество, и тому подобное. В других правоохранительных органах (прокуратура, суды) имелись лишь различные учеты статистического назначения. Уголовной регистрации они не осуществляли и не осуществляют.

Более того, все эти учеты в органах внутренних дел велись не только раздельно по каждой из служб, но в большинстве своем и в каждом городском и районном органе внутренних дел самостоятельно в масштабе обслуживаемого района или города. Такая раздробленность и ограниченность неизбежно приводила к дублированию, сужала возможности использования накопленной в этих учетах информации рамками одной службы, одного органа внутренних дел. Она существенно ограничивала полноту и, следовательно, эффективность получаемой следователем информации. Отсутствие сведений на интересующее лицо в одном массиве, отнюдь, не гарантировало, что оно уже не попадало в поле зрения другого органа или другой службы внутренних дел и там на это лицо уже имеется важная информация.

Не менее отсталым и примитивным было техническое обеспечение всех этих вопросов. Единственной формой носителя информации являлись различного рода, объема и содержания карточки, а методом аккумуляции информации -

отдельные картотеки, в которых эти карточки располагались по одному какому-то дескриптору.

Примитивизм технического обеспечения влек за собой еще более существенные издержки. Заполнение от руки многочисленных карточек на одно и то же лицо или один и тот же факт, требовало от оперативных работников милиции или следователей больших непроизводительных затрат времени. Не меньших затрат требовало ведение, содержание в порядке и поиск информации по многочисленным, весьма объемным в крупных органах внутренних дел картотечным.

Но даже при таких огромных затратах времени и труда возможности поиска нужной информации были весьма ограниченными. Так, по большинству из перечисленных учетов найти нужную информацию было возможно лишь на лицо с известными установочными данными. Особенно это относилось в наиболее крупным массивам информации отделов МВД (УВД), содержащим в себе сведения о всех лицах, привлекаемых к уголовной ответственности и осужденных в масштабе области, края или республики.

Вторым фактором, определившим особую актуальность усовершенствования, или точнее создания системы информации именно для правоохранительных органов, явились изменения внешней среды, в которой им приходится действовать, изменения условий жизни общества. Речь идет о резко возросшей подвижности населения и вместе с тем, естественно, и уголовно-преступного элемента. Качественное и количественное развитие современных транспортных средств, возведение в стране плотной сети удобных транспортных магистралей, появление многочисленных крупных новостроек, образование новых городов и населенных пунктов и развитие курортов, обусловили появление небывалых в прошлом миграционных процессов среди населения.

Под их воздействием эффективность существовавших ранее раздробленных, ограниченных рамками одного административного района или города, "систем" информации служб органов внутренних дел минимизировались до предела. На

практике все чаще возникали ситуации, когда преступление совершалось в одном районе, преступник проживал в другом, а скрывался от следствия в третьем районе¹.

Во всех этих случаях существовавшая ранее "система" информации оказывалась фактически бессильной.

Воздействие упомянутых факторов значительно усиливалось еще и тем, что неизмеримо возросла требовательность к эффективности деятельности органов внутренних дел как в области предупреждения подготавливаемых, так и в области раскрытия уже совершенных преступлений. Поднять эту эффективность без создания современной, как в организационном, так и в смысле технического обеспечения системы информации было практически невозможно.

Доказательством объективного характера острейшей необходимости создания современной системы информации в правоохранительных органах является то, что почти одновременно во многих городских, областных и республиканских органах внутренних дел вполне самостоятельно, на чисто эмпирической основе начались поиски возможных вариантов создания разнообразных систем, которые позволили бы использовать в интересах борьбы с преступностью всю массу информации, имеющейся в разрозненном виде в различных органах и подразделениях. Первыми с официальными рекомендациями в этом плане выступили работники УВД Леноблгорисполкомов. При активной поддержке Научно-исследовательского института МВД СССР они предложили использовать для этих целей перфокаротеки. Подобные системы были созданы и в УВД Ивановского облисполкома, ОУР УВД города Риги и ряде других мест.

Однако при более длительной практической эксплуатации, информационная система на краевых перфокартах оказалась эффективной и приемлемой лишь в весьма ограниченном количе-

---

¹Так, в 1975 году 29,5% из всех лиц, привлеченных к уголовной ответственности в Латвийской ССР, совершили преступления вне своего постоянного района проживания.

стве случаев. При объемах массива перфокарт более 200-300 единиц поиск нужной информации в перфокартотеке по затраченному времени мало чем отличался от проверки по обычным картотекам.

Применение визуальных (суперпозиционных) перфокарт, несмотря на их явное преимущество перед картами с краевой перфорацией, также лишь временно и частично решило проблему.

Они нашли практическое применение в большинстве своем в районах и городах со сравнительно небольшим объемом используемой информации. Применяются перфокартотеки и для создания информационно-поисковых подсистем специфического узкого назначения.

Учитывая, что повсеместное внедрение более современных технических средств сбора, обработки и поиска информации на современном этапе невозможно, а в определенных условиях перфокартотеки, по сравнению с обычными картотеками, существовавшими до сих пор, являются все же более прогрессивными, с такой практикой следует, видимо, согласиться и к техническому обеспечению создаваемых в правоохранительных органах систем информации требования предъявлять также дифференцированно.

Как показало дальнейшее развитие событий, путем образования по - настоящему современных действенных и оперативных систем информации является их создание на базе применения электронно-вычислительной техники.

Об этом красноречиво свидетельствует и зарубежный опыт. Учитывая крайне высокий уровень преступности в странах с достаточно развитой электронно-вычислительной техникой, она с конца 50-х начала 60-х годов начала широко использоваться органами полиции именно для целей создания систем оперативно-розыскной информации.

Причиной такого массового увеличения полицейских органов электронно-вычислительной техники, безусловно, является стремительно возрастающий уровень преступности в капиталистических странах. Недаром сами буржуазные юристы вынуждены, например, признать, что Америка стоит под воиной преступности, которая захлестывает всю страну на протяжении многих лет и в нарастающей степени грозит нормальному жизненному укладу граждан США.

Однако, несмотря на отсутствие этой причины в нашей стране, накопленный за рубежом технический опыт вполне может и должен использоваться правоохранительными органами СССР. Поэтому и в нашей стране повсеместно, где только имелась соответствующая техническая база, а в органах внутренних дел находились энтузиасты этого дела, стали разрабатываться отдельные информационно-поисковые системы с использованием различных электронно-вычислительных машин. Такие работы велись и ведутся в городах: Ленинграде, Свердловске, Риге, Киеве, Днепрпетровске и других местах, а также, естественно, созданным в 1961 году Вычислительным центром Главного научно-исследовательского центра управления и информации при МВД СССР в гор. Москве.

Во всех этих местах разрабатываются и внедряются отдельные информационные системы на базе использования различных электронно-вычислительных машин, в основном серии "Минск" ("Минск-22", "Минск-32"). В зависимости от целей, решаемых создаваемыми системами, их можно подразделить на поисковые, контрольные и аналитические.

В качестве примера рассмотрим системы, созданные в МВД Латвийской ССР.

В органах внутренних дел Латвийской ССР впервые возможность использования электронно-вычислительной техники для целей сбора, хранения, обработки и поиска информации появилась в 1965-1966 гг. Учитывая, что основной задачей органов внутренних дел является предупреждение и раскрытие преступлений, а также то, что именно в данной области наиболее остро ощущались издержки несовершенства существовавшей до того времени системы информации, все усилия

были сосредоточены на создании информационно-поисковой системы именно этого назначения. В этих целях совместно с работниками Вычислительного центра Центрального статистического управления Совета Министров Латвийской ССР, была разработана соответствующая программа для электронно-вычислительной машины (ЭВМ "Урал-11Б" ВЦ ЦСУ ЛатвССР), инструкции и другая необходимая документация. На базе рижской агломерации была проведена соответствующая экспериментальная работа в этом направлении.

Накопленный в процессе этой работы опыт позволил в начале 1972 года, т.е. моменту приобретения МВД ЛатвССР собственной ЭВМ типа "Минск-32", создать и внедрить на территории всей Латвийской ССР единую информационно-поисковую систему информации под условным наименованием "Рига-поиск".

Система "Рига-поиск" имеет единый унифицированный носитель информации - карточку на лицо и происшествие. Карточка предусматривает отражение на ней сведений о личности обвиняемого или осужденного (его демографические, анкетные данные, словестный портрет, названы склонности, привычки), а также подробные данные, характеризующие совершенное преступление (место, время, способ, объект посягательства, применяемые средства и т.д.). В целях экономии времени на заполнение карточки, а также повышения эффективности всей системы, абсолютное большинство вопросов, содержащихся в карточке, имеют формализованные ответы. Таким образом, работнику, заполняющему документ, остается лишь подчеркнуть нужный. Карточка заполняется на любое лицо, привлеченное к уголовной ответственности или осужденное за совершение преступления. Эта же карточка заполняется на все регистрируемые преступления, но которыми лицо, их совершившее, неизвестно. В данном случае заполняется лишь часть карточки, в которой содержится характеристика происшествия.

При наличии оснований (возбуждение уголовного дела, регистрация преступления) следователь заполняет унифицированную карточку и передает ее работнику службы информации районного (городского) отдела внутренних дел. Послед-

ний проверяет правильность заполнения и направляет ее в Информационный центр МВД, где содержащиеся в ней сведения кодируются и вводятся в память электронно-вычислительной машины. При наличии соответствующей аппаратуры сопряжения¹ ввод информации, содержащейся на карточке, в память ЭВМ возможен телетайпом непосредственно из городского или районного отдела внутренних дел.

Для поиска нужной информации используется та же унифицированная карточка. В данном случае на ней делается пометка "поиск" и заполняются те признаки, по которым предполагается информацию искать. Дальнейшая схема прохождения карточки и содержащейся в ней информации такая же, как при постановке на учет. Однако, при отсутствии аппаратуры сопряжения в целях ускорения поиска нужной информации запросы можно передавать и в любой иной форме - по телетайпу, телефону, радию. В этом случае запрос машине формулируется непосредственно работниками отдела информации Информационного центра МВД.

После получения из электронно-вычислительной машины в отпечатанном виде возможных вариантов ответов на поисковое задание, таковые оцениваются, группируются, направляются инциаторы запроса².

Аналогичным является порядок снятия ненужной информации с учета.

Опыт эксплуатации системы "Рига-поиск" МВД ЛатвССР на протяжении ряда лет полностью подтвердил её эффективность. Так, только за 9 месяцев 1974 года на ИПС осуществлено 1241 поисковых задач, в результате которых в органы

---

¹ Для ЭВМ "Минск-32", т.н. аппаратура "1560".

² О необходимости такой предварительной оценки и группировки см. Глушков В.М. Цит. работа. с. 211.

внутренних дел направлено 334 рекомендации. По этим рекомендациям раскрыто 45 преступлений и разыскано 35 скрывшихся преступников. Эта эффективность обуславливается, во-первых, сравнительной полнотой охвата системой информации о всех лицах, совершивших преступления, а равно всех происшествиях вне зависимости от того, известно лицо, их совершившее, или нет.

Во-вторых, - эффективность системы обусловлена заложенной в ней многовариантностью решаемых поисковых задач¹.

Система позволяет, к примеру, при появлении нераскрытого преступления осуществить поиск информации о том, не было ли ранее совершено преступление аналогичным способом, с использованием аналогичных орудий, приемов или в отношении аналогичных объектов, а если известны отдельные признаки неустановленного преступника, то и по этим признакам. Возможен и обратный вариант: когда задержано лицо, совершившее какое-то преступление, выявляются нераскрытые преступления, совершенные ранее аналогичным способом². Кроме того, система "Рига-поиск" позволяет осуществлять поиск информации о проживающих в микрорайоне преступления лицах, ранее совершивших подобного рода деяния.

Однако, одновременно с получением доказательства эффективности разработанной системы, накопленный опыт позволяет сделать вывод о наличии в создании большинства работников правоохранительных органов определенного, довольно трудно

---

¹ Так, все признаки как лица, так и происшествия, содержащиеся в унифицированной карточке, могут быть, согласно программе ИПС поисковыми как в отдельности, так и в любых сочетаниях по системам "И-И", "ИЛИ-ИЛИ", "больше-меньше", "не позднее-не раньше".

² О значении способа совершения преступлений для их предупреждения и раскрытия см.: Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 1970; Зуйков Г. Г. Содержание криминалистического учения о способе совершения преступления; Луагин И. А. Учение о способе совершения преступления и криминалистический учет; Кавлиерис А. К. Организация работы аппаратов внутренних дел по раскрытию преступлений по способу их совершения. - В кн.: Криминалистический сборник материалов Второй научно-теоретической конференции РСШМ МВД СССР. Рига, 1972.

преодолимого психологического барьера, препятствующего быстрому внедрению и повседневному использованию системы. Вместе с тем, изучение данного опыта показало и наиболее рациональные пути преодоления этого барьера. Можно сформулировать две предпосылки успешности внедрения любой поисковой системы в правоохранительных органах.

Первая, и пожалуй, главная из этих предпосылок - введение новой системы не должно ни в коем случае увеличить и без того уже большой объем чисто технической работы следователей и иных пользователей системы. Достигается это тем, что с введением новой системы должна отпасть необходимость заполнения ранее существовавших носителей информации (карточек) для прежних, более примитивных систем.

Кроме того, для соблюдения данной предпосылки необходимо, чтобы носитель информации новой системы был разработан с расчетом минимизации времени и труда на его заполнение. Достигается это возможно максимальной формализацией различных вариантов ответов на вопросы, содержащиеся в носителе информации.

Вторая предпосылка - наличие унифицированного и единого для всех видов поступающей в систему информации носителя информации. Проведенное анкетирование и иные виды исследования показывают, что ничто так не отпугивает и не затрудняет следователя освоить новую систему, как необходимость в каждом случае искать различные бланки для их заполнения.

Кроме описанной системы "Рига-поиск" МВД Латвийской ССР разработана и внедрена информационно-поисковая система под условным наименованием "Автопоиск-Латвия". Назначение этой системы - сбор, хранение и создание возможности поиска информации о всех средствах автотранспорта, имеющихся в Латвийской ССР. Носителем информации в системе также является специальная унифицированная карточка, содержащая в себе довольно обширный круг сведений о каждом автомобиле или мотоцикле (государственный знак, марка, модель, номера двигателя, кузова и шасси, цвет кузова и т. п.).

Принцип организации системы аналогичен организации ИПС "Рига-поиск". Первичные карточки-носители информации

заполняются при регистрации вновь приобретенных автотранспортных средств, а равно при смене их владельцев, а также при ежегодных технических осмотрах, если в характеристике машины произошли изменения. Система позволяет вести поиск информации практически по любому признаку, содержащемуся на карточке-носителе, в том числе по неполному номерному знаку, цвету машины и т.п. Кроме того, программа системы разработана таким образом, что позволяет на основании содержащихся в ней данных составлять ежегодные статические отчеты о результатах годовых технических осмотров.

Кроме названных двух информационно-поисковых систем в МВД Латвийской ССР разработана и внедряется система "Статистика", рассчитанная на автоматизированное составление всей статистической отчетности МВД республики перед МВД СССР. Разработана система статистического назначения по учету дорожно-транспортных происшествий.

Аналогичным образом отдельные информационные системы создаются и в других органах внутренних дел, оснащенных электронно-вычислительными машинами. Отличаются системы своей целевой направленностью, объемом и формой первичных носителей информации. Так, в УВД Леноблгорисполкомов, помимо информационно-поисковой системы информации, создана система контроля за своевременностью разрешения сообщений, о преступлениях в городских и районных отделах внутренних дел Ленинграда и области. Разрабатываются также программы, позволяющие составлять формы существующей уголовной статистики при помощи электронно-вычислительной машины. Аналогичная программа статистического назначения разработана в МВД Украинской ССР. Работники вычислительного центра УВД Свердловского облисполкома разработали информационно-поисковую систему под условным наименованием "Квадрат", позволяющую производить многоаспектные криминологические исследования криминогенной обстановки по микрорайонам города Свердловска. Главным научно-исследовательским центром информации и управления при МВД СССР разрабатываются общесоюзные информационные системы как поискового, так и статистического назначения.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ - НЕОБХОДИМАЯ
ПРЕДПОСЫЛКА УСПЕШНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Быстрейшее искоренение преступности в нашей стране составляет одну из важных задач, выдвинутых Программой КПСС, и основной проблемой в борьбе с преступностью являются вопросы предупреждения преступлений. "Главное внимание должно быть направлено на предотвращение преступлений" - указывается в Программе КПСС¹.

В отличие от капиталистического общества, преступность в котором является следствием, главным образом, эксплуатации масс, нужды и нищеты и составляет ее неустранимую органическую часть, в социалистическом обществе преступления представляют собой постепенно исчезающее явление. "Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать", - писал Ленин В.И. об эксцессах в своей гениальной работе "Государство и революция"². В этой работе дано марксистское понимание решения вопросов предупреждения преступлений.

В социалистическом обществе нет неустранимых обстоятельств, порождающих преступления, и наступит время без эксцессов, требующих вмешательства государственного принуждения.

Но эти обстоятельства не исчезнут сами по себе. Чтобы лишить преступность питающих ее источников, требуется провести огромную работу по созданию материальных ценностей, удовлетворяющих запросы граждан, и воспитать у граждан высокие духовные качества.

Правильное определение понятия предупреждения преступлений имеет не только большое теоретическое, но и практическое значение.

В литературе уделено много места рассмотрению вопросов о понятии и содержании предупреждения преступлений.

1. Материалы XII съезда КПСС. М., 1962, с. 400.

2. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 91.

Предупреждение преступлений в широком смысле его понимания представляет собой: "совокупность различных взаимосвязанных между собой мер, проводимых как государственными, так и общественными организациями, направленных на то, чтобы предотвратить преступления и устранить причины, их порождающие",¹ пишет А.С.Шляпочников.

Н.Р.Миронов понятие предупреждения преступлений дополняет указанием на справедливое наказание преступника, являющееся действенной профилактикой².

Как А.С.Шляпочников, так и Н.Р.Миронов совершенно правильно определяют субъектами предупреждений как государственные органы, так и общественные организации.

П.П.Михайленко под предупреждением преступлений понимает: "совокупность мероприятий Коммунистической партии и Советского государства, направленных на устранение причин, порождающих преступность, и условий, способствующих совершению преступлений, а тем самым на ликвидацию преступности в целом"³. Автор также определяет предупреждение преступности в широком плане.

Узкую интерпретацию этого понятия дает, например, В.П. Бурчанинов. Он пишет: "предупреждение преступлений - это деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда при широком использовании достижений науки по раскрытию преступлений, установлению причин и условий, способствующих совершению преступлений, разработке мер по устранению этих причин и условий и реализации их учреждениями, предприятиями и общественными организациями. Во всей деятельности по предупреждению преступлений должна широко привлекаться общественность"⁴.

Итак, предупреждение преступлений предполагает ликвидацию обстоятельств, порождающих и способствующих совершению преступлений, и создание условий, гарантирующих строгое соблюдение социалистической законности всеми гражданами.

-
1. Советская криминология. М., 1966, с. 112; Криминология. М., 1968, с. 167-178.
  2. Миронов Н.Р. Укрепление законности и правопорядка в общенародном государстве - программная задача партии. М., 1969, с. 185.
  3. Михайленко П.П. Гельфанд И.А. Предупреждение преступлений - основа борьбы за искоренение преступности. М., 1964, с. 14.
  4. Бурчанинов В.П. О понятии предупреждения преступлений. - Труды Томского государственного университета, 1972, т. 228, с. 127.

Предупреждение преступлений, как функция уголовного процесса, составляет важную и постоянную обязанность органов расследования, проявляющуюся не только при расследовании конкретного преступления, но и вне сферы уголовного процесса.

Работа органов расследования по предупреждению преступлений — это многогранная деятельность, протекающая в самых различных направлениях: это и пресечение готовящегося преступления, это и пропаганда советских законов, внесение представлений об устранении обстоятельств, способствующих преступлениям, и т.д., а также, как справедливо отметил В.Г.Танасевич, меры по устранению недостатков в работе органов расследования, суда и законодательства¹.

Предупреждение преступности, как пишет Н.П.Яблоков, "является чрезвычайно сложной комплексной проблемой (юридической, экономической, идеологической, педагогической и т.д.), решение которой составляет прежде всего одну из основных задач юристов"².

Сложной и ответственной является работа следователя по предупреждению преступления. Оно проявляется в широком диапазоне: в отличной работе следователя по расследованию преступлений; активной общественной работе; его авторитете среди населения; связи с общественными организациями; в выступлениях в печати, по радио и на собраниях трудящихся; в повседневной заботе по укреплению социалистической законности и воспитанию граждан в духе коммунистической сознательности и т.д.

"Предупредительные мероприятия, как правильно отмечает Г.М. Миньковский, могут носить технический, процессуальный, организационный, общенадзорный, оперативный, массово-разъяснительный характер"³.

Работа следователя, специально направленная на профилак-

-
1. Танасевич В.Г.К теоретическим основам разработки мер предупреждения преступлений.—Советское государство и право,1967, № 6, с.89.
  2. Яблоков Н.П.Проблемы расследования и предупреждения преступлений в области охраны труда и техники безопасности. Автореф. дис.на соиск.учен.степени докт.юрид.наук.М.,1971,с.579.
  3. Миньковский Г.М.Деятельность органов расследования, прокурора и суда по предупреждению преступлений.М.,1962,с.35.

ку преступлений в рамках расследования, имеет следующие формы:

- 1) Быстрое и всестороннее раскрытие каждого преступления;
- 2) пресечение и предотвращение преступлений;
- 3) избрание меры пресечения;
- 4) выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления;
- 5) принятие мер к устранению обстоятельств, породивших преступление;
- 6) правовое воспитание лиц, вовлеченных в сферу предварительного расследования;
- 7) правовая пропаганда и иные мероприятия, осуществляемые в целях укрепления социалистической законности и предупреждения правонарушений.

В своей работе по предупреждению преступлений следователь всегда должен руководствоваться результатами анализа состояния преступности на обслуживаемой им территории и данными, характеризующими причины преступности в целом на данном этапе развития нашего государства. Для наиболее полного и всестороннего выяснения, а вместе с тем и для анализа обстоятельств, способствовавших правонарушениям, следователь должен обращаться за помощью к общественности.

Успешное претворение в жизнь намеченных следователем наиболее важных и далеко идущих мер по предупреждению преступлений, возможно, и это следует признать аксиомой, только при широком участии общественности.

Таким образом, в каком бы направлении не осуществлялась профилактическая деятельность следователя, ему, как правило, везде необходима помощь общественности¹.

Решая проблемы искоренения преступности, следует исходить из положения, что в условиях развитого социалистического общества, когда почти все граждане глубоко заинтересованы в том, чтобы преступления не совершались и готовы оказывать широкую помощь органам расследования, в принципе возможно предупредить любое преступление.

---

1. См также: Зусь Л.Б. Об участии общественности в предотвращении и пресечении преступлений в стадии возбуждения уголовного дела. - Правоведение, 1966, №1, с. 137.

Большинство лиц совершают правонарушения по месту работы или жительства, в постоянно их окружающей обстановке.

Например: "Какие бы хищения денежных средств не производились, к ним обычно имеют какое-либо отношение работники бухгалтерии данного предприятия"¹.

Поэтому такие правонарушения становятся известными многим гражданам. В большинстве случаев широкому кругу трудящихся известны обстоятельства, породившие конкретное преступление.

Казалось бы, что при таком положении и заинтересованности трудящихся в устранении причин и условий, способствующих правонарушениям и ликвидации преступности, успешное расследование преступлений не представляет проблему и должно было быть так: граждане, которым стало известно о преступлении, немедленно об этом сообщают в милицию или прокуратуру, дают соответствующие показания, принимают меры к установлению обстоятельств, облегчающих совершение преступления, активно изобличают лицо, совершившее преступление, и т.д. Такое положение рисуется в логическом аспекте. В действительности же, несмотря на заинтересованность граждан в неуклонном исполнении установленного правопорядка всеми, многие заведомо допускают существование различных условий, которые могут привести к преступлению. Это: неправильный учет, нарушение технологического процесса, подбор ненадлежащих кадров, мелкая спекуляция, так называемый "блат" и т.п. Получается парадокс.

В настоящее время еще не везде создана атмосфера нетерпимости к пьяницам, туеядцам, расхитителям социалистической собственности, хулиганам, нерадивым работникам, взяточничеству и т.д.

Отрицательные психологические факторы заключаются в таких отношениях, как "моя хата с краю", "его только могила исправит", в боязни возможной мести потерять свою должность, лишиться покровительства, вера в фатальность и т.п. Целый ряд мелких пережитков прошлого в сознании отдельных граждан, в том числе и должностных лиц, содействуют существованию обстоятельств, порождающих преступления. Для ликвидации таких явлений законодатель предусмотрел уголовную ответственность в отдельных случаях за недонесение о готовящихся или совершенных преступлениях.

1. Карнович Г.Б. Изучение и предупреждение хищений социалистической собственности. В кн.: Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений. М., 1962, с. 101.

Невыполнение своих служебных обязанностей, небрежность, халатность и другие упущения по работе создают условия, способствующие совершению преступлений. О наличии этих недостатков в большинстве случаев знает широкий круг лиц.

Так, например, в Илукстском районе преступники взломали промтоварный магазин, зная, что сторож будет отсутствовать около 30 минут, необходимых ему для обхода других охраняемых объектов. Условием, которое позволило совершить хищение ценности из кооперативного магазина, послужила заведомо порочная организации охраны. Одному сторожу было непосильно охранять несколько объектов, расположенных на значительном расстоянии друг от друга. Сторож несколько раз заявлял в управление потребобщества о невозможности нести охрану этих объектов. Об этом знали работники магазина, склада и других охраняемых объектов. Об этом узнали и преступники. Надлежащая же организация охраны предупредила бы преступление.

Обширные и весьма интересные социологические исследования пассивности отдельных граждан к правонарушениям провел А.А.Тарасенко. О результатах он пишет: "В числе мотивов воздержания от вмешательства очевидцами антисоциальных поступков наиболее распространенным оказывается опасение, что вмешательство не будет поддержано окружающими (30%). Сдерживающее влияние оказывает также безразличие к нарушениям (5%), нежелание поступиться своей психической и физической силой (13%), представление о том, что такое вмешательство является делом одних сотрудников милиции и народных дружинников (7%) и др. Пассивность при осуждении поступков на собраниях и заседаниях товарищеских судов вызывается прежде всего стремлением сохранить товарищеские отношения с нарушителем (40%), имеет место также безразличие к нарушениям (14%), мотив "не мое дело" (17%) и др."¹.

Устранение отрицательных психологических факторов, мешающих преодолеть пережитки прошлого, и привитие гражданам нетерпимости к правонарушениям и их вызывающим обстоятельствам являются важными задачами органов расследования и суда. В этом отношении хороших результатов можно достичь привлечением общест-

1. Тарасенко А.А. Роль общественного мнения в регулировании поведения людей в период строительства коммунизма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. философских наук. Минск, 1971, с.9.

венности к непосредственной борьбе с различного рода нарушениями.

Залогом активного и успешного участия общественности в предупреждении преступлений является осознанная необходимость помочь органам расследования и добровольное выполнение взятых на себя обязанностей.

Гордость за свое социалистическое отечество, забота об укреплении социалистической законности, перспектива улучшения быта, безопасность советского гражданина и т.п. стимулируют поднятие сознания граждан и нацеливают их не проходить мимо правонарушений. "Если правильно понятый интерес составляет принцип всей морали, то надо, стало быть стремиться к тому, чтобы частный интерес отдельного человека совпадал с общечеловеческими интересами"¹.

В виду того, что все социальные явления, в том числе и преступность, в обществе взаимосвязаны и порождаются общественными отношениями, то и выяснение и устранение обстоятельств, способствующих совершению преступлений, должны осуществляться с помощью широкого круга членов этого общества.

Главная причина преступлений в нашей стране - это пережитки капитализма в сознании части советских людей, но для совершения преступления должен быть еще умысел, осуществить который возможно только в подходящих для этого условиях.

Преступное действие таким образом является, как правило, результатом целого ряда обстоятельств, о которых так или иначе, было известно ранее или стало известно после совершения преступления многим гражданам и в первую очередь коллективам трудящихся по месту работы преступника, по месту совершения преступления и т.д., поэтому нельзя игнорировать помощь общественности, выясняя обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, в стадии предварительного расследования.

---

1. Марко К. ; Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 145.

Безусловно правы авторы, считающие, что работа следователя по предотвращению преступлений может быть результативной только при активном и широком содействии общественности и что добиться подлинных успехов в выявлении и устранении обстоятельств, порождающих преступность, нельзя без помощи трудящихся.

Так, например, Г. Миньковский утверждает: "Одно из решающих условий обеспечения действенности работы по предотвращению преступлений - тесная связь с общественными организациями"¹.

Прав А. И. Михайлов, когда он пишет, что "наиболее успешно проводится профилактическая работа в тех случаях, когда широко используется помощь общественности..."².

Категорически заявляет Т. Ф. Горский: "Выполнять задачу по предупреждению и искоренению преступности органы расследования и суда могут только с помощью общественности и на основе роста материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности трудящихся нашей страны"³.

Привлечение общественности к активному участию в деятельности органов расследования по предупреждению преступлений получает широкий резонанс в массах трудящихся и профилактический эффект выходит далеко за рамки частного случая. Зачастую недостаточно только одной осведомленности о наличии тех или иных условий, способствующих совершению преступления, чтобы эти условия были устранены, необходимо создать и направить общественное мнение на необходимость ликвидации этих обстоятельств и на устранение возможностей их реставрации.

Справедливо пишет Генеральный прокурор СССР Р. Руденко: "Участвуя в борьбе с нарушениями общественного порядка и прав граждан, в предупреждении проступков, наносящих вред обществу, широкие массы трудящихся проходят школу практической деятельности, в которой формируются новые люди с высокоразвитым право-

---

1. Миньковский Г. Главное - предотвращение преступлений. - Социалистическая законность, 1961, № 11, с. 36. См. также: Алексеев Н. С. От преступления к наказанию. Л., 1973, с. 5.

2. Михайлов А. И. Формы и методы привлечения общественности для выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений. - В кн.: Выявление причин преступления и принятие предупредительных мер по уголовному делу. М., 1967, с. 73.

3. Горский Т. Ф. Выявление и изучение причин преступности. Воронеж, 1964, с. 10.

сознанием, с чертами борцов за законность, с высоким сознанием общественного долга, нетерпимости к нарушениям общественных интересов"¹.

Профилактика преступлений требует совместных усилий государственных органов и общественных организаций, призванных осуществить борьбу с правонарушениями. Необходимо наладить четкую координационную деятельность между ними, выполняющими свои специфические задачи и пользующимися своими особыми формами и методами работы по охране общественного порядка.

Заместитель Генерального Прокурора СССР Гусев С. в декабре 1975 года обоснованно отметил, что "ослабло внимание следователей по предупреждению преступлений в профессиональном плане, привлечению общественности к расследованию преступлений. И это отрицательно сказывается на результатах следственной работы. Нужно, чтобы каждый следователь улучшал взаимодействие с народными дружинами, товарищескими судами, своевременно обращался к общественности"². Большую помощь органам расследования могут оказать координационные центры (пункты) по охране общественного порядка.

Неверно предполагать, что активность граждан в борьбе за искоренение и предотвращение нарушений законов появится сама по себе. Только путем высокой организации деятельности общественных организаций можно добиться такой активности со стороны их членов.

Деятельность общественности по предупреждению преступлений необходимо возбуждать, придавая ей надлежащее направление и размах. В литературе правильно указывается, что активизации такой деятельности общественности служит "хорошо подготовленное и организованное обсуждение доклада следователя", выступление следователя в печати, по радио и т.д.

Широкое вовлечение общественности в борьбу за ликвидацию преступности в стране есть проявление общего процесса социалистической государственности по пути к коммунистическому самоуправлению.

В теоретических работах, касающихся деятельности органов расследования по предупреждению преступлений, как правило, под-

1. Руденко Р. Укреплять советский правопорядок, повышать социалистическое правосознание. - Социалистическая законность, 1963, № 3, с. 12-13.

2. Гусев С. Пути совершенствования следственной работы. - Социалистическая законность, 1975, № 12, с. 6-7.

черкивается необходимость использовать помощь общественности. Положительные результаты достигнуты следователями МВД. Начальник следственного управления МВД СССР С.Мурашов считает, что за последние годы уровень предупредительной работы следователей повысился и что неперенным условием успеха предупредительных действий по материалам следствия является широкое участие общественности¹.

Поскольку наиболее важным направлением в области предупреждения преступлений в работе следователя является деятельность по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и принятие мер к их устранению, то и роль общественности проявляется в наибольшей степени в оказании помощи следователю именно в этой деятельности. Такое положение обуславливается также содержанием статьи 143 УПК ЛатвССР.

С помощью общественности, располагающей всесторонней информацией о местных условиях, возможно более глубоко изучить обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

О том, что только благодаря привлечению коллектива трудящихся удалось установить и устранить обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, говорит следующий пример:

12-15 июля 1976 года подростки совершили кражи из павильона ресторана "Лиелупе" г.Елгавы, открыв его подобранным ключом. Подростки были задержаны. В целях выяснения обстоятельств, позволивших совершить подряд две кражи в течение трех дней из одного и того же объекта, следователь выступил на собрании коллектива торгового предприятия. Участники собрания рассказали, что буфетчик Е., ведающий павильоном, халатно относится к своим обязанностям; не соблюдает порядок учета материальных ценностей, не запирает дверь на контрольный замок и т.д. Эти обстоятельства способствовали совершению первой кражи, которая для Е. прошла незамеченной

---

1. Мурашов С. Важная задача следственного аппарата. - Советская милиция, 1974, №7, с.5.

Привлечение общественности обеспечило не только профилактику дальнейшего расхищения материальных ценностей из павильона, но и сыграло важную роль в укреплении правопорядка на других торговых точках.

Правильно отмечает А.Н.Васильев. "Участие общественности в предупреждении преступлений можно проследить по трем основным направлениям: воздействие на сознание человека, зараженного буржуазной идеологией и угрожающего опасным для общества поведением; на причины проникновения в сознание людей буржуазных взглядов, нравов, привычек, их укрепления, активизации; на внешние условия, способствующие и обеспечивающие совершение преступлений"¹.

Наиболее ярко проявляется работа следователя в профилактике преступлений, когда он в соответствии с законом (ст.144 УПК Латв. ССР) при установлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, вносит представление в соответствующие предприятия, учреждения и общественные организации о принятии мер по устранению этих обстоятельств.

Анализ практики внесения представлений органами расследования Латвийской ССР показывает, что подавляющее большинство представлений адресуется руководителю предприятия, учреждения или общественной организации с просьбой обсудить представление на собраниях коллективов трудящихся. Как правило, в месячный срок, как это и положено, органы расследования уведомляются о проведении тех или иных мероприятий по устранению способствующих правонарушениям обстоятельств. В большинстве случаев представления обсуждаются на собраниях трудящихся и руководящими органами общественных организаций. Установленные в процессе расследования причины и условия, в силу которых стало возможным совершить преступление, получают широкую огласку и подробное обсуждение и не только на официальных собраниях, но и в личных беседах. Это способствует правильной оценке не только обстоятельств, указанных в представлениях, но и пересмотру положений и обстоятельств, не вошедших в орбиту следствия и, как правило, деятельность администрации и общественных организаций выходит за рамки требований представле-

---

1. Васильев А.Н. Предупреждение преступлений и участие общественности в решении этой задачи. - В кн.: Развитие советской демократии и укрепление правопорядка на современном этапе. М., 1967, с.184

ния. Таким образом, представления следователя имеют большое профилактическое значение.

К примеру. При строительстве вычислительного центра ЦКНТБ "Запрыба" рабочий субподрядной организации рыболовецкого колхоза "Царникава" погиб от травмы электротоком. В процессе расследования были установлены грубейшие нарушения правил приема на работу и техники безопасности.

Погибшим и многие другие работали по личной договоренности с бригадиром; с правилами техники безопасности они не были ознакомлены и не имели соответствующей подготовки; рабочий инструмент имел дефекты и т.д. Об этом знали и работники отдела кадров. На строительстве отсутствовал контроль за работой. В своем обширном представлении от 06.03.1975г. следователь на имя председателя колхоза отметил:

"1. Довести данный несчастный случай до сведения коллектива р/к "Царникава" и обсудить его на всех производственных участках;

2. Назначать руководителей работ;

3. Не допускать к работам лиц, официально не принятых на работу и не прошедших инструктаж по технике безопасности;

4. Усилить контроль за соблюдением правил техники безопасности".

Законные требования следователя были полностью выполнены. Немедленно были ликвидированы условия, способствовавшие несчастному случаю, и наведен надлежащий порядок во всех подразделениях строительства и в колхозе. Была проведена полная и всесторонняя "инвентаризация" по соблюдению надлежащего правопорядка всеми рабочими, служащими и колхозниками. Разумеется, что столь обширная профилактическая работа стала возможной благодаря привлечению к ней следователем общественности.

Вся работа следователя прямо или косвенно призвана такой важной формой профилактики, как пропагандой советских законов и правил социалистического общежития и воспитанием лиц, с которыми он сталкивается в рамках судопроизводства.

Реальные возможности предупреждения и ликвидации преступности в нашей стране подготовлены всем ходом развития коммунистического строительства, характером и сущностью установленного правопорядка и предполагают обязательное вовлечение сил обществен-

ности органами расследования в дело предупреждения преступных проявлений.

В.И. Ленин всегда подчеркивал и указывал на неисчерпываемые источники творческих сил трудящихся и призывал работников предварительного расследования почаще обращаться к помощи трудящихся. Уместно здесь напомнить слова В.И. Ленина: "Чем больше размах, чем больше широта исторических действий, тем больше число людей, которое в этих действиях участвует, и, наоборот, чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов"¹.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство обязывает следователя, прокурора, лицо, производящее дознание, использовать помощь общественности и, особенно в деле предупреждения преступлений. Выступая на XV съезде Профессиональных союзов СССР Л.И. Брежнев сказал: "По линии государственной и административной мы принимали и будем принимать строгие меры для искоренения любых антиобщественных проявлений. Однако большая роль в борьбе с ними принадлежит самой общественности, трудовым коллективам, а значит, и профсоюзам"².

---

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 140

2. Известия, 1972, 21 марта.

СООТНОШЕНИЕ ПОЗНАНИЯ И ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕБНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

В судебном исследовании следует различать две взаимосвязанные стороны — познание и доказывание.¹ Дальнейшее изложение рассматриваемых вопросов соотношения познания и доказывания требует предварительных замечаний, которые сводятся к следующему.

Во-первых, при анализе понятия "судебное исследование" мы исходим из принципиально важного методологического положения теории познания о том, что каждое научное понятие является теоретическим выражением существующих в действительности отношений, на что неоднократно обращали внимание К.Маркс и Ф.Энгельс.² Это значит, что понятие "судебное исследование", а также другие, более узкие, подчиненные первому понятия: "познание", "доказывание", "криминалистическая техника", "криминалистическая тактика" и др. — не составляют исключения и каждое из них отражает определенные отношения, существующие в действительности.

Во-вторых, каждое явление, поскольку оно рассматривается как отношение, всегда имеет две стороны.³ Отсюда вполне закономерен вывод: "всё на свете имеет две стороны".⁴

¹Таковы те предварительные выводы, которые были сделаны нами в первой статье: Соотношение познания и доказывания в судебном исследовании. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Р., 1975.

²Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.3, с.24: т.4, с.133.

³"Отношение есть взаимосвязь двух сторон, которые, обладая самостоятельным существованием, отчасти равнодушны друг к другу, отчасти же существуют только благодаря друг другу." (Гегель. Работы разных лет. М., 1972, т.2, с.103-104.)

⁴Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.6, с.231.

В-третьих, существенное значение при этом приобретает указание Ф.Энгельса на способ рассмотрения подлежащего научному исследованию выявленного отношения: "уже самый факт, что есть отношение, означает, что в нем две стороны, которые относятся друг к другу. Каждую из этих сторон мы рассматриваем самое по себе; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие".¹

В изложенных положениях выражен системный подход к изучаемому явлению. Обратимся к судебному исследованию. Оно, первоначально взятое как некая целостность (см. А на рис. I), в дальнейшем оказывается отношением (α), имеющим две стороны: познание (В) и доказывание (С). Каждая из выявленных мышлением сторон снова раздваивается на две стороны и т.д. Последовательное раздвоение единого на противоположности и рассмотрение каждой из сторон "самое по себе" (Ф.Энгельс) исключает предвзятость или произвол в изучении явления: все рассуждения о предмете вытекают из самого предмета и не навязываются ему извне. Диалектика познания страдает диалектику самого изучаемого явления. Как известно, в раздвоении единого и познании его противоречивых сторон В.И. Ленин видел сущность научного подхода к изучаемым явлениям.²

Итак, в судебном исследовании как некоем отношении,³ существующем в действительности, следует различать две взаимосвязанные стороны - познание и доказывание. Следует оговорить, что эти две стороны неразрывно связаны между собой и выделение их является результатом абстрагирующей деятельности мышления. Познание и доказывание, следовательно, являются абстракциями, необходимыми для более глубокого изучения су-

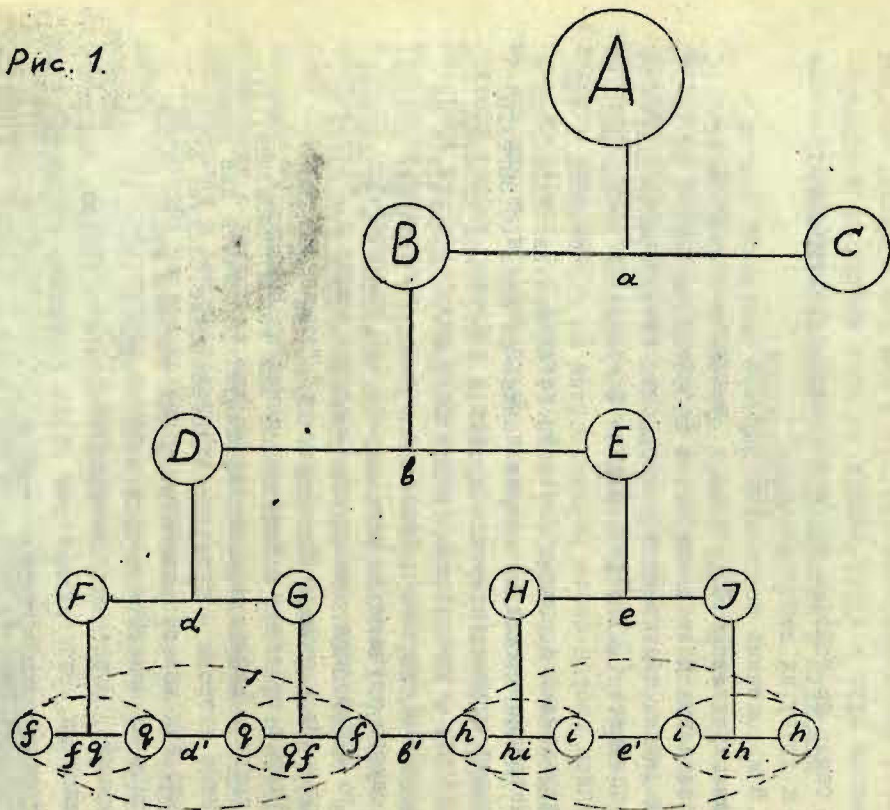
¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 497-498.

²Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 316.

³Было бы преждевременным уточнять ввиду абстрактности обеих сторон вопрос о том, что это за отношение.

Рис. 1.

обного исследования. Мышление, отмечал В.И. Ленин, "восходит от конкретного к абстрактному, не отходит - если оно правильное... от истины, а подходит к ней. Абстракции материи, закона природы, абстракция стоимости и т.д., одним словом все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее!"¹ Поэтому проводимое нами разграничение означает, что судебное исследование есть отношение двух взаимосвязанных сторон.

Рассматривая познание самое по себе, т.е. изолированно от доказывания и как нечто относительно самостоятельное (В на рис. I), обнаруживаем, что познание в этом случае уже не сторона судебного исследования, а некое новое отношение, имеющее две стороны - объект (D) и субъект познания (E).

Объект судебного познания - преступление. Преступление имеет различные определения, одно из них состоит в том, что оно является взаимодействием правонарушителя с окружающей средой (F и G). Поскольку речь идет о взаимодействии двух сторон, постольку каждая из них воздействует на другую. Налицо два взаимосвязанных акта воздействия: (1) правонарушитель - окружающая среда (fg) и (2) окружающая среда - правонарушитель (gf). "Воздействовать - значит уже находиться в отношениях!"¹ Отвлекаясь от разнообразных действий правонарушителя, направленных на среду, мы охватываем этот акт воздействия абстрактным понятием отношение. Подобным образом воздействие среды на правонарушителя составляет второе элементарное отношение. Таким образом, преступление как объект судебного познания представляет собой отношение (a'), имеющее в качестве своих сторон два элементарных от-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 152-153.

² Плеханов Г.В. Избр. философ. произв. М., 1956, т. 2, с. 340;
Сейдербак Л. Избр. философ. произв. М., 1955, т. 1, с. 492.

ношения ($f\bar{g}$ и $\bar{g}f$).

Каждая из сторон элементарного отношения (f и g), соотносясь с другой как со своей противоположностью, переходит в свою противоположность, превращается в нечто иное.¹ В обоих актах перехода одного в другое есть нечто общее, в своем переходе друг в друга они образуют нечто общее, принадлежащее им обоим - следы. Правонарушитель, воздействуя на среду, оставляет в ней материальные и идеальные следы. Среда также оставляет на правонарушителя и в его сознании следы. Следы, таким образом, принадлежат каждой из взаимодействующих сторон. Так, материальные следы принадлежат правонарушителю, поскольку они оставлены им. И в то же время следы принадлежат среде, т.к. они не что иное как изменения в этой среде. То же самое можно сказать об идеальных следах. Следовательно преступление как отношение (α') есть переход; то, во что оно перешло, принадлежит обоим взаимодействующим сторонам. Поэтому преступление как объект судебного познания является для следователя событием прошлого, ибо оно "перешло" в следы.

Следователю как субъекту судебного познания противостоит не преступление, а его следы. Поэтому, на наш взгляд, является ошибочной точка зрения в соответствии с которой событие преступления "распадается" на ряд фактов, одни из которых перестают существовать (акт воздействия правонарушителя на среду, напр., нанесение ударов, поджог и т.п.), а другие факты могут быть восприняты субъектом судебного познания (напр., обезображенное лицо потерпевшего, сгоревший дом).² Социология

¹ Отношение или связь, - отмечал В.И. Ленин, - есть переход "каждого определения, качества, черты, стороны, свойства в каждое другое (в свою противоположность?)". - Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

² Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 202.

под фактом понимает явление, процесс или знание о нем. Материальный предмет или его свойство не является фактом, ибо свойство вещи проявляется в её отношении к другой вещи, т.е. в акте взаимодействия (явлении, процессе). В теории права под юридическим фактом понимают события или действия, но не вещи или их свойства¹. Социальными же фактами являются общественные действия личностей². Поэтому обезображенное лицо потерпевшего, обгоревший дом и т.п. - это лишь последствия фактов (нанесения побоев, поджога дома и т.п.).

Субъект судебного познания - это лицо, производящее дознание, следователь и суд. Познание, осуществляемое ими существенно отличается от познания очевидца или другого лица, имеющего какое-либо отношение к расследуемому событию и которому в силу этого стали известны обстоятельства преступления. Познание лица, производящего дознание, следателя и суда носит общественный характер, оно осуществляется от имени государства специально назначенными для этого людьми, а также обеспечивается силой государственного принуждения. Чтобы правильно понять субъекта судебного познания, его нужно рассматривать в его взаимодействии со средой, сохранившей следы преступления. Следователь как субъект судебного познания (Н) воздействует на среду, сохранившую следы преступления (У), а среда оказывает обратное воздействие на следователя, на его сознание. Налицо также два элементарных акта воздействия, два элементарных отношения. Первый акт: воздействие следователя на среду, сохранившую следы преступления, т.е. поиски материальных следов или воздействие на носителей идеальных следов. Второй акт :

¹ См. работы С.Ф.Кечекьяна, В.К.Толстого, Р.О.Халфиной и др.

² Ленин В.И. Полн.собр.соч., т. I, с.424.

воздействие этой среды на сознание следователя, т.е. познание им обстоятельств совершенного преступления. Следователь как субъект судебного познания оказывается неким отношением (e'), имеющим две стороны в качестве элементарных отношений. Определение субъекта судебного познания как некоего отношения на первый взгляд не увязывается с существующими представлениями о субъекте как субъекте определенных отношений. Однако следует учитывать, что следователь становится субъектом познавательного отношения (δ') потому, что он сам совокупность общественных отношений. Широко известны слова К.Маркса о том, что сущность человека составляет общественные отношения.

Ранее было отмечено, что отношение -- это переход одной стороны в другую. В данном случае, применительно к следователю как субъекту судебного познания, ранее выявленное отношение (e') означает переход от физической деятельности следователя (воздействие следователя на среду, сохранившую следы преступления) к мыслительной деятельности (воздействие носителей материальных и идеальных следов на сознание следователя).

Результатом взаимодействия правонарушителя и среды являются различные следы, результатом взаимодействия следователя с видоизмененной преступлением средой -- знание им обстоятельств совершенного преступления. Так как следователю удалось познать личность правонарушителя и его действия, то выработанные им знания адекватны фактическим действиям правонарушителя. Между двумя актами взаимодействия (α' и e') существует связь в виде соответствия второго первому, это отношение (β') есть познавательное отношение, есть переход материального акта (взаимодействие правонарушителя со средой) в нечто идеальное -- мысленный образ преступления в сознании следователя.

Такова в самых общих чертах схема судебного познания, представленная в виде системы взаимосвязанных отношений. Дальнейший анализ судебного познания позволяет уточнить содержание понятий "криминалистическая техника", "криминалистическая тактика" и "криминалистическая методика" и показать, какие отношения охватываются названными понятиями.¹

Технико-криминалистические приемы в своей совокупности образуют то, что в криминалистической литературе именуется криминалистической техникой. Для технико-криминалистического приема не является обязательным применение того или иного средства (прибора, приспособления). Следователь в ряде случаев воздействует на среду, сохранившую следы преступления непосредственно, средствами труда. Здесь выступают его естественные органы - руки, глаза и т.д.² Независимо от того, помещает ли следователь между собой и материальной средой техническое средство или нет, этот акт воздействия следователя на материальную среду является технико-криминалистическим приемом. Обязательным признаком технико-криминалистического приема является то, что он осуществляется на уровне: следователь - материальная среда. Понятие "техника" означает отношение человека к природе.³ В литературе высказана плодотворная мысль о том, что понятием "криминалистическая техника" охватываются отношения следователя с материальной средой.⁴

---

¹В данной статье нами рассматривается лишь криминалистическая техника.

²Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 190.

³БСЭ. 2-е изд., т. 42, с. 382.

⁴Сыров А. П. О предмете криминалистической тактики. - Право, 1965, № 2, с. 57; его же: Проблемы научных основ тактики следственных действий. Дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук. М., 1968, с. 5.

Приведенная ранее схема судебного познания в полной мере отражает познание, осуществляемое по материальным следам. Преступление (объект судебного познания) как сторона познавательного отношения (α' на рис. I) противостоит следователю в виде материальной среды с внесенными в нее преступлением изменениями (следами).

Рассмотрим вторую сторону познавательного отношения: взаимодействие следователя с измененной преступлением материальной средой. Указанный акт взаимодействия может получить двукую характеристику в зависимости от того, какое место занимает каждая из сторон в их взаимной связи. В одном случае это отношение: следователь — материальная среда (h_i). Здесь активной стороной выступает следователь, который воздействует на эту среду в форме технико-криминалистических приемов (осмотра, обыска и т.д.). Во втором случае указанное отношение выступает в перевернутом виде: материальная среда — следователь (i_h). Здесь материальная среда воздействует на следователя путем изменения его сознания, ибо следователь по изменениям в материальной среде познает действия правонарушителя, ранее воздействующего на эту же среду. Два взаимосвязанных акта взаимодействия следователя со средой выступают как физическая и как мыслительная деятельность следователя. Обе указанные формы деятельности следователя (физическая и мыслительная, объединяемые общим для них понятием практическая, технико-криминалистическая деятельность) могут быть поняты и правильно объяснены лишь с учетом ранее имевшего место взаимодействия правонарушителя с материальной средой. В основании указанной технико-криминалистической деятельности, как её сущность — лежит познание (β' на рис. I). Поэтому технико-криминалистические отношения являются познавательными отношениями.

Изложенное не позволяет нам согласиться с широко вошедшим в криминалистическую литературу положением о том, что технико-криминалистические приемы являются приемами обнаружения, собирания и исследования доказательств, т.е. являются деятельностью по доказыванию. Подобная характеристика технико-криминалистических приемов представляется ошибочной. Положение о том, что доказывание представляет собой изложение выводов, к которым пришел размышляющий субъект, а также их обоснование должно иметь силу не только в науке логики, но и в каждой частной науке как прикладной логики. Применяя технико-криминалистические приемы, следователь стремится познать обстоятельства расследуемого события, он еще не высказывает свои мысли по поводу этого события, а лишь накапливает знания о нем, одновременно проверяя и уточняя их. Прежде чем кому-либо и что-либо доказывать следователю самому необходимо приобрести знания (познать). Поэтому одни и те же предметы и следы на них могут выступать и как источник познания и как средство доказывания. Так, обнаруженный на месте происшествия след пальца является источником познания того обстоятельства, что данное лицо находилось на месте происшествия. На уровне: следователь-материальная среда указанный след является источником познания, а технико-криминалистические приемы, т.е. действия по его обнаружению и фиксации (сохранения для экспертного исследования) являются познавательными. Не меняет существа дела то, что по обнаруженному следу следователь сам не может установить кто его оставил. Для этого он обращается к эксперту-криминалисту. Поэтому познавательным приемом являются не только действия по обнаружению следа, но и назначение экспертизы, т.к. следователь желает узнать от эксперта, кто оставил след.

В дальнейшем, например, на уровне: следователь - суд, излагая в обвинительном заключении обстоятельства совершения преступления обвиняемым, следователь при доказывании нахождения обвиняемого на месте происшествия ссылается на след, обнаруженный на месте происшествия. В данном случае след пальца (и, конечно, заключение эксперта) является для следователя средством доказывания (обоснования) выдвинутого им тезиса о нахождении обвиняемого на месте происшествия. Следует, следовательно, различать два рода деятельности следователя: одна по отношению к материальной среде и эксперту (назначение экспертизы), другая - по отношению к суду. Первая из них является познанием, вторая - доказыванием.

Другое возражение против того, чтобы технико-криминалистические приемы признавать доказыванием, состоит в следующем. Не столь редко следователь изымает и сохраняет предметы или следы на них, считая их относящимися к расследуемому преступлению, хотя фактически они не связаны с преступлением. Это заблуждение в познании и в дальнейшем, поняв ошибочность своего первоначального мнения, следователь не будет их использовать как доказательства (средства доказывания).

Критикуемое нами положение о том, что технико-криминалистические приемы являются способами обнаружения и исследования доказательств оказывается не столь уж безупречным как это кажется на первый взгляд. Это положение противоречит сложившемуся в теории уголовного процесса понятию доказательств как фактических данных или сведений о фактах. Фактические данные нельзя уподоблять предметам материального мира и выводить за пределы мыслящей головы, выдавать за нечто существующее вне головы размышляющего следователя.

Видимо следует раз и навсегда признать, что "в предмете нет знания, но в результате изучения его возникает знание о нем".¹ Поскольку материальные предметы и следы на них не содержат в себе знания постольку неправомерно — в данном случае применительно к технико-криминалистическим приемам — говорить о "сборе доказательств". В противном случае следовало бы признать, что преступление оставляет в материальной среде сведения о фактах (фактические данные), а следователь собирает их подобно тому, как грибник собирает в лесу грибы и складывает их в лукошко. В данном случае это происходит в результате отождествления понятий "материальные следы преступления" и "доказательства". Особенно четко эта позиция, отождествляющая материальные следы и доказательства, проявилась в работах Р.С.Белкина. Р.С.Белкин, в частности, положение о том, что "изменение в среде как результат отражения в этой среде события и есть доказательство этого события, то есть те фактические данные, с помощью которых только и можно судить о событии преступления",² развил в одно из основополагающих положений криминалистики о закономерностях образования и исчезновения доказательств. В ответ на возражения противников о невозможности

---

¹Вахтомин Н.К. Генезис научного знания. М., 1973, с. 17; На это же обстоятельство обращают внимание и юристы: В.Д.Арсеньев (Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М., 1964, с. 86-87); И.М.Лузгин (Расследование как процесс познания. М., 1969, с. 45; Методологические проблемы расследования. М., 1973, с. 61), М.А.Филиппова (Фиксация фактических данных на предварительном следствии. — Правоведение, 1975, №1, с. 64), а также другие авторы.

²Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы криминалистики. М., 1970, с. 9.

ности возникновения доказательств и их уничтожения вне процесса расследования Р.С.Белкин сделал оговорку о том, что в момент совершения преступления возникают "будущие" доказательства. Очевидно, что здесь следует говорить о возникновении и уничтожении материальных следов, но не доказательств, ибо доказательства возможны лишь в сфере общения людей, а точнее в той деятельности, которая именуется доказыванием.

По мнению многих криминалистов материальные предметы или следы на них в момент их обнаружения, изъятия и исследования еще не являются доказательствами, таковыми они становятся после их процессуального оформления (конечным моментом которого считается составление постановления о приобщении их к делу в качестве вещественных доказательств). Указанная позиция также не является до конца последовательной. Непоследовательность состоит в следующем: материальные следы в момент их обнаружения, изъятия и исследования еще не признаются доказательствами, а приемы работы с ними рассматриваются как доказывание. По нашему мнению, вынесением постановления о приобщении их к делу в качестве вещественных доказательств следователь лишь формулирует (выражает во вне) свое решение в дальнейшем использовать данные, полученные при исследовании материального предмета, в качестве доказательств. Эти предметы, трансформируясь в сознании следователя как сведения о событии прошлого, становятся после составления соответствующего постановления доказательствами лишь "на словах". А на деле они становятся доказательствами лишь в процессе доказывания, т.е. тогда, когда следователь оперирует ими в процессе доказывания.

Некоторые авторы категорически утверждают, что технико-криминалистические приемы не являются приемами собира -

ния и исследования доказательств. Об этом, в частности, пишет З.И. Кирсанов. По его мнению технико-криминалистические приемы нельзя отождествлять "с собиранием и исследованием доказательств", т.к. эти приемы являются лишь приемами "обеспечения доказательств"¹. Подобная позиция также не может внести ясности в рассматриваемый вопрос, ибо здесь также не проводится разграничение между познанием и доказыванием в судебном исследовании.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

- технико-криминалистические приемы по своему содержанию являются приемами обнаружения, изъятия и исследования материальных следов преступления;
- технико-криминалистические приемы тесно связаны со способами подготовки, совершения и сокрытия преступлений, те и другие составляют две стороны единого познавательного отношения и по своей сущности криминалистическая техника (как совокупность технико-криминалистических приемов и отношений) является познанием;
- криминалистическая техника (как раздел науки) изучает способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений, а также приемы работы с материальными следами преступления, выявляет зависимость между ними и в конечном итоге выявляет в качестве своего предмета технико-криминалистические отношения (В' на рис. I), сторонами которых являются приемы подготовки, совершения, сокрытия преступлений и технико-криминалистические приемы.

---

¹ Кирсанов З.И. К вопросу о понятии технико-криминалистических приемов, методов и средств. - В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза. 1973, Киев, вып. 10, с. 35-37.

И.Г.ИНДУЛЕН, канд. юрид. наук

ЛГУ им. П. Стучки (Рига)

В.Б.ДАУКШИС

Прокуратура Латвийской ССР (Рига)

ПРЕДЕЛЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Обратиться к вопросу о выявлении причин и условий, способствовавших совершению конкретного преступления, нас заставило то, что, несмотря на категорическое требование закона (ст. 48 УПК ЛатвССР) о необходимости выявления этих обстоятельств и принятия мер к их устранению лицом, производящим дознание, следователем, прокурором и судом, по большинству уголовных дел вообще не выявляются причины преступления и недостаточно исследуются условия, способствовавшие его совершению¹. Понятно, что такое положение отрицательно сказывается в работе по предупреждению правонарушений.

Почти во всех своих постановлениях о судебной практике по рассмотрению уголовных дел Пленум Верховного Суда Латвийской ССР обращает внимание судебных органов на необходимость установления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления².

---

1. См. также: Деятельность органов расследования, прокурора и суда по предупреждению преступлений. М., 1962, с. 12, 27. Ринкявичус В. И. Работа следователя по предупреждению групповых хищений социалистического имущества. Вильнюс, 1975, с. 180-181.

2. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда ЛатвССР 1960-1972 гг. Рига, 1973, с. 103, 112, 116, 124, 131, 133, 141, 155.

В 1974 году работники органов прокуратуры Латвийской ССР только по каждому третьему законченному уголовному делу вносили представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Примерно такое же положение было в 1973 и в 1975 годах.

Количество представлений по отдельным районам республики резко отличается. Если, например, в Лудзенском и Кировском районах количество оконченных уголовных дел о представлениями составляет 71 % от всех оконченных дел, а в Валкском районе - 74 %, то в Рижском районе этот процент только 8, а в Краславском итоге меньше - 7.

В первом квартале 1975 года в Мадонском районе были выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, по всем уголовным делам и сделаны соответствующие представления о принятии мер к их устранению. В Краславском же районе в этот период эти обстоятельства не выяснялись ни по одному делу.

Данные свидетельствуют о том, что у многих следователей и прокуроров сложилось мнение о факультативности требований уголовно-процессуального законодательства в области выявления причин и условий, породивших преступные действия /бездействия/.

Анализ представлений подтверждает высказанное в литературе утверждение, что по уголовным делам в основном выясняются не причины конкретного преступления, а условия, способствовавшие совершению этого преступления.

Почти по всем делам, по которым выполнялось требование статьи 48 УПК Латвийской ССР, работа следователя ограничивалась установлением фактов плохого учета на предприятиях, отсутствия надлежащей охраны материальных ценностей, нарушения правил подбора кадров, отсутствия контроля и т.п.

Коллегия прокуратуры республики 15 мая 1975 г.,

рассмотрев вопрос о состоянии работы органов прокуратуры республики по выявлению и устранению причин и условий, способствовавших совершению преступлений, отметила, что многие следователи в ряде случаев не выявляют эти обстоятельства и не принимают мер к их устранению. Коллегия обязала всех следователей по каждому уголовному делу выполнять требования статьи 48 и 144 УПК Латвийской ССР.

Анализ прокурорско-следственной практики и статистических данных о состоянии преступности подтверждает, что в районах, где активно выявляются и принимаются меры к устранению обстоятельств, породивших преступления, борьба с преступностью ведется более целеустремленно при широком участии общественности. Так, например, в упомянутом Валкском районе в течение последних четырех лет количество преступлений резко сократилось, а в Краславском районе в этот же период оно увеличилось.

Для устранения недостатков, мешающих успешной профилактической работе в борьбе с преступностью необходимо, на наш взгляд, в первую очередь:

1/ добиться однозначного понимания причин и условий, способствовавших совершению преступления;

2/ определить пределы выявления их по уголовному делу;

3/ упорядочить уголовно-процессуальное законодательство по вопросам выяснения и устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Первые две проблемы тесно взаимосвязаны, так как нельзя говорить об объеме добываемой информации, не зная сущности необходимых сведений и цели их использования.

Кроме того, актуальным по сей день является: "обучение следователей, прокуроров, судей методике выявления причин преступлений, умению правильно отбирать именно те обстоятельства, устранение которых послужит действенным препятствием правонарушителям."¹

1. Советское государство и право, 1964, № 6, с.136.

Определение понятий причин и условий конкретного преступления входит в компетенцию криминологии. Она устанавливает критерий необходимого объема информации об обстоятельствах, обуславливающих совершение преступления, устранение которых содействует ликвидации преступности. Криминалистика же разрабатывает пути выявления этих обстоятельств в сфере судопроизводства.

Если вопросу о понятии причин преступления и способствовавших ему условий в литературе уделено значительное внимание, так как они являются исходными позициями криминологических исследований, то проблемы о пределах выявления причин и условий, способствовавших совершению преступления, по конкретному делу исследованы недостаточно.

Большой вклад в становление и развитие советской криминологии внесли такие видные советские ученые, как А.А.Герцензон, И.И.Карпец, В.Н.Кудрявцев, Н.Ф.Кузнецова, В.К.Звирбуль, Г.М.Миньковский, А.А.Пионтковский, А.Б.Сахаров, В.Г.Танасевич и др.

В литературе приводятся различные, порой диаметрально противоположные взгляды на сущность причин преступления и условия, способствующие их совершению.¹ Поскольку объем данной статьи ограничен, то здесь не ставится задача дать подробный анализ литературных данных о дефинициях причин преступности, преступления и ему способствующих условий, и, тем более, не делается попытка определить эти понятия по-новому.

Отсутствие четкого, единообразного понимания этих обстоятельств отрицательно сказывается в первую очередь в практической деятельности органов расследования и суда по выяснению причин и условий, способствовавших совершению

---

1. См. Советская криминология. М., 1966 с. 90, 93, 106; Криминология М., 1968 с. 123, 144, 147, 160; Криминология. М., 1976 с. 169; Борьба с хищениями государственного и общественного имущества. М., 1971 с. 9; Выявление причин преступления и принятие предупредительных мер по уголовному делу. М., 1967 с. 20; Еримов М.А. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. Минск, 1971, с. 133;

преступления, и не может содействовать широкой научной разработке способов их выявления.

Поскольку и законодательство и соответствующие ведомственные инструкции, приказы, постановления не дают каких-либо установок по вопросам понятий и предела установления причин и условий, способствовавших совершению преступления, то решение этих вопросов по существу предоставлено самим практическим работникам и успех их деятельности зависит от того, какие литературные источники и как глубоко они их изучили и уяснили.

И если уже ученые по-разному подходят к трактовке причин, условий и обстоятельств, способствующих совершению преступления, и если провести грань между ними порой трудно, то целесообразно ли, чтобы практические работники и законодательство пользовались этими терминами?

Поэтому для пользы дела нужно объединить термины "причины" и "условия" одним собирательным по общему смыслу словом и в процессе расследования выяснять все явления, в силу которых было совершено преступление.

Разумеется, что в процессе расследования уголовного дела должны выясняться причины и условия совершения расследуемого преступления, а не исследоваться причины и условия

Степанов В.В. Расследование взяточничества. Саратов, 1966, с. 141, 148; Тарновский Г. Причины нарушений законности в колхозах и пути их устранения. - Социалистическая законность, 1975, № 2, с. 29; Михайленко П.П., Гельфанд И.А. Предупреждение преступлений - основа борьбы за искоренение преступности. М., 1964, с. 29-31.

Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966, с. 207; Рахунов Р. Назревшие задачи советской уголовно-процессуальной науки. - Советское государство и право, 1957, № 2, с. 31.
Рахунов Р.Д., Якименко И.Д. Выявление судов причин и условий, способствовавших совершению преступлений. М., 1967, с. 17; Моисеенко И.Я. Деятельность следователя по выявлению обстоятельств, способствовавших хищениям государственного и общественного имущества в лесозаготовительной промышленности. - В кн.: Вопросы уголовного права, процесса и криминалистики. Пермь, 1970, с. 59.
Бропкин И.И., Попов Л.Л. Административно-правовая охрана общественного порядка. Л., 1973, с. 118-119.

преступности.

Представляется, что в этом плане наиболее приемлемым является термин "обстоятельства", охватывающий как причины, так и условия.

Правильно утверждает В.Г. Танасевич: "что понятие обстоятельств, способствующих совершению преступлений, не может толковаться как указывающее на какие-то иные явления чем те, которые охватываются понятиями причин преступления и условий, им способствующих. Оно рассматривает те же явления, но в ином аспекте, применительно к обстоятельствам, подлежащим доказыванию по уголовному делу."¹

Термин "обстоятельства" носит общий, универсальный характер и он согласуется со ст. 48 УПК Латвийской ССР, обязывающей "выяснить обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, и принять меры к их устранению" и со ст. 216, обязывающей прокурора проверить по поступившему от органа дознания или следователя уголовному делу "выяснены ли обстоятельства, способствовавшие совершению преступления и приняты ли меры к их устранению." Эти статьи имеют в виду как причины, так и условия, об устранении которых идет речь в ст. 144 этого кодекса.

Лексика закона требует четкости и точности и во избежание различного толкования одни и те же понятия должны нарекаться одним термином. Употребление в законе разных терминов всегда и в первую очередь наталкивает на мысль о разных понятиях. Поэтому нельзя признать правильным, когда в уголовно-процессуальном кодексе Латвийской ССР, как и в ряде кодексов других союзных республик, одно и то же понятие обозначается по-разному. В статьях 48 и 216 идет речь о выяснении обстоятельств, способствовавших

---

1. Танасевич В.Г. Понятие причин, условий и обстоятельств способствующих преступлениям. - В кн.: Вопросы уголовного права, процесса и криминалистики. Душанбе, 1966, с. 119.

совершению преступления; в статье 143 о выявлении и установлении причин и условий, способствующих совершению преступления; в статье 264 об установлении причин, создавших условия для совершения преступления, а статья 144 обязывает принимать меры по устранению установленных причин и условий, способствующих совершению преступления.

Целесообразно было бы во всех упомянутых статьях фиксировать установление или устранение "обстоятельств, способствовавших совершению преступления."

В целях однозначного понимания причин преступления и условий, способствующих осуществлению преступного намерения, следовало бы разработать принципиальные характеристики причин и условий и принять их для руководства в практической деятельности по расследованию преступлений. Это создало бы предпосылки к разработке конкретных методов выяснения этих причин и условий и в итоге содействовало бы более успешному предупреждению преступлений.

Пределы выявления обстоятельств, обусловивших совершение преступления, в процессе расследования преступления в литературе определяются по-разному, что свидетельствует о сложности этого вопроса.

Преступление - это результат действия целого ряда причин, корни которых в большинстве случаев уходят глубоко в жизнь самого преступника и кроются в его окружающей, на него воздействовавшей и способствовавшей преступлению среде.

В свете требований существующего уголовно-процессуального порядка практически невозможно вскрыть и доказать всю полноту и суть обстоятельств, которые породили данное преступление. Образно выражаясь, можно сказать, что для всестороннего, действительно полного выявления всех причин и условий, способствовавших совершению преступления, у криминалистики нет "времени", а у криминологии "средств". Тонко и справедливо подметил А.Н. Трайнин: "И можно сказать, что все криминалисты мира не в силах были бы проследить

от начала до конца всю причинную связь явлений и действий, приведших к преступному результату."¹

Пока не разрешена проблема о пределе выявления обстоятельств, способствовавших совершению конкретного преступления, в стадии предварительного расследования.

Криминологи хотят, и это понятно, чтобы в процессе расследования и рассмотрения дела судом были выяснены досконально все обстоятельства, которые привели лицо к преступным действиям или бездействиям.

Поскольку расследование представляет собой практическую, а не научно-исследовательскую деятельность, то она, как и любая другая практическая работа, должна иметь отвечающие ее профилю развернутые, четкие и выполнимые предписания. Однако, органы расследования в области установления причин и условий, способствовавших совершению преступления, таких предписаний не имеют.

Ряд авторов придерживается той точки зрения, что в процессе расследования следует всесторонне и широко исследовать причины и условия, способствующие совершению преступлений, при необходимости выходя за рамки, обусловленные фактами конкретного преступления. В противоположность им некоторые считают, что обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, проявляются в достаточном объеме в субъективной и объективной сторонах преступления.

Другие рекомендуют выявлять эти обстоятельства так полно, насколько это возможно. И, наконец, отстаивается мнение, что по делу необходимо выяснить только причины и условия, непосредственно обусловившие совершение конкретного

---

1. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957, с. 165.

преступления, или только такие, которые возможно устранить.

Для пользы дела нужно было бы указать в законодательном порядке или в порядке иной нормативной регламентации критерии пределов выявления причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Отсутствие таких критериев с одной стороны является одной из причин недостаточной деятельности органов расследования по выявлению и устранению обстоятельств, вызвавших преступление, а с другой стороны, не дает основания для осуществления проверки прокурором и судом выполнения установленного законом требования по установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в процессе расследования дела.

Поскольку, как уже сказано, выявление способствующих преступлениям обстоятельств в процессе расследования является практической деятельностью, а не научным исследованием, то для практики расследования преступлений необходимо разработать осуществимые в установленные законом сроки рекомендации о средствах и методах выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления. В этом направлении сделано немало, но далеко еще не достаточно. Вопрос об установлении и устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений, по конкретному уголовному делу должен решаться более эффективно.

- Г. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961, с. 273; Миньковский Г. Главное предотвращение преступлений. Социалистическая законность, 1961, № 11, с. 35; Деятельность органов расследования, прокурора и суда по предупреждению преступлений. М., 1962, с. 30. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М., 1964, с. 33; Зуйков Г.Г. Выявление в процессе расследования причин и условий, способствующих совершению преступлений и принятие мер к их устранению. М., 1964, с. 16; Галкин Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962, с. 174; Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960, с. 73.

Преступление является весьма и весьма сложным явлением и особенно с точки зрения источников его возникновения. Проблемы предупреждения преступлений связаны со всесторонним их изучением и, как в принципе правильно пишет В.Г. Танасевич: "их нельзя изучать изолированно от близких к ним по своей природе аморальных проступков, от условий жизни лиц, совершивших преступления, от состояния борьбы с преступностью, эффективности принимаемых в связи с этим мер."¹ Однако, в столь широком диапазоне исследовать причины и условия, способствовавшие совершению преступления, по каждому уголовному делу практически, как правило, не представляется возможным из-за ограниченного срока следствия, имея в виду, что в производстве одного лица находится не одно, а несколько уголовных дел.

Поэтому остро стоит вопрос о пределах выяснения причин и условий, способствовавших совершению преступлений, по конкретному уголовному делу и решить его не просто, потому что каждое следствие имеет свою причину.²

Облегчающие или иначе способствующие совершению преступления условия являются одновременно и причинами их последствий. Условие, способствовавшее совершению преступления, это одна из близлежащих непосредственно примыкающих к совершенному преступлению причин.

Так, например, человек с антиобщественными взглядами и намерением украсть, ограбил склад потому, что застал сторожа спящим и ему легко удалось сорвать замок. И сон сторожа и непрочность замка являются условиями, способствовавшими ограблению, но они и явились причинами наступивших последствий, т.е. хищения государственного имущества. Не будь их, не

1. Танасевич В.Г. Изучение и предупреждение преступлений в районе. - В кн.: Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений. М., 1962, с. 31.

2. Энгельс Ф. писал: "...то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот." (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 22).

было бы и данного преступления. Выявление этих условий /причин/ не представляет сложности и не требует затраты больших усилий и времени. Но движущей силой совершения хищения была антиобщественная установка преступника, установление причин которой связано с большими трудностями.

Спрашивается, какими рамками в данном случае определяются пределы установления причин и условий, способствовавших ограблению склада? Как глубоко необходимо исследовать факторы, формировавшие антиобщественную установку преступника? Нужно ли выяснять обстоятельства, почему сторож уснул, в силу каких обстоятельств были поставлены слабые запоры и почему они были слабы? Если на должность сторожа было принято неподходящее лицо, должен ли следователь устанавливать, кто именно повинен и почему? И нужно ли выяснять причины всех этих "почему?!"

Вопрос о пределе расследования причин и условий, способствовавших совершению преступления, безусловно сложен и по всей вероятности нельзя решить его однозначно.

Нельзя согласиться с имеющимися предложениями в литературе об ограничении объема собираемой информации об обстоятельствах, способствовавших преступлению, в рамках расследования состава преступления или установлением только тех обстоятельств, которые можно устранить. Последняя предпосылка неверна в корне, так как в интересах полноты следствия и установления истины по делу необходимо выявлять причины независимо от того, можно будет их устранить или нет. Чтобы знать и оценить обстоятельства, вызвавшие преступление, сперва их необходимо выявить. Заранее о них можно только предполагать.

Нельзя дать перечень неустраняемых причин и, следовательно, рекомендовать их не выявлять. Есть ряд обстоятельств, иногда способствующих совершению преступлений /трудности с жильем, неполное удовлетворение материальных запросов граждан, трудности в сфере торговли,

быта и т.п./, носящие временный и локальный характер, но которые полностью нельзя изжить в настоящее время. Значит ли это, поскольку причина неустранима, что не нужно ее устанавливать? Конечно, нет. Безспорно, что сперва нужно установить, чем болеет организм, а потом думать о том, можно или нельзя его вылечить. Если нельзя вылечить, то во всяком случае можно облегчить болезнь.

Рекомендация о выявлении только устранимых причин и условий, способствовавших совершению преступления, не способствует успешной борьбе с преступностью.

Представляется, что также неприемлемо предложение ограничить установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, доказыванием состава преступления.

Состав преступления доказывается по каждому делу, однако этим не исчерпывается необходимость выявлять обстоятельства, в силу которых произошло преступление. Безспорно, что установление объективной и субъективной сторон преступления во многом проливает свет на обстоятельства, породившие преступление.

Для того, чтобы в правильном направлении и в необходимых пределах можно было организовать работу по выявлению обстоятельств, породивших расследуемое преступление, необходимо хотя бы кратко остановиться на содержании этих обстоятельств.

Нельзя согласиться с утверждением ряда авторов о том, что непосредственной причиной каждого преступления являются "сложившиеся у правонарушителя антиобщественные взгляды"^I и что совершение преступных действий /бездействий/ объясняется только наличием антиобщественной установки у обвиняемого.

Как подметили И.И. Карпец и А.Р. Ратинов: "Антиобщественная установка показалаеь "волшебным ключом", кото-

I. Шляпочников А.С. О классификации обстоятельств, способствующих совершению преступлений. - Советское государство и право, 1964, № 10, с. 96; Выявление причин преступности и предупреждение преступлений. М., 1967, с. 28.

рый сможет открыть все запоры. Однако оказалось, что он не способен открыть почти ни одной. ... она не способна объяснить совершения неосторожных преступлений...¹

Так, например, А., занимающий ответственную должность и положительно характеризующийся во всех отношениях, пересекая перекресток на своей автомашине, по невнимательности нарушил правила дорожного движения и допустил аварию. Предполагать, что у правонарушителя были антиобщественные взгляды, послужившие причиной совершения аварии, не было никаких оснований. Причиной аварии была олабая реакция водителя и невнимательность.

Иногда совершается преступление, когда отсутствуют чуждые нашему обществу взгляды. Это бывает в большинстве случаев преступлений, совершенных по неосторожности, при превышении пределов необходимой обороны, при неправомерном поведении потерпевшего, в силу отдельных особенностей личности преступника.

Непосредственной причиной автотранспортного происшествия, как указывает Н.П. Яблоков, может быть усталость.²

И.А. Маладин делит причины автотранспортных происшествий на общие и непосредственные. К общим причинам он относит нарушение дисциплины на транспорте работниками транспорта и индивидуальными владельцами транспортных средств, "которые нельзя объяснить пережитками капита-

1. Карпец И.И., Ратинов А.Р. Правосознание и причины преступности. - Советское государство и право, 1968, № 12, с. 49. "До недавнего времени" - как справедливо отмечает Н.Р. Миронов, - "разработка вопросов изучения причин и мер предупреждения преступности не велась, считалась излишней и чуть ли не политически вредной." Миронов Н.Р. Укрепление законности и правопорядка в общественном государстве - программная задача партии. М., 1969, с. 159-160.

2. Яблоков Н.П. Методика расследования автотранспортных происшествий. М., 1959, с. 62.

лизма в сознании людей, либо влиянием империалистического лагеря." Непосредственными причинами он называет: неумение управлять транспортным средством, управлять в нетрезвом состоянии, техническую неисправность машин и т.п.¹

Со всей очевидностью следует считать, что не все психические качества человек приобретает под воздействием окружающей его среды, некоторые из них обусловлены врожденными свойствами.² В противном случае, чем объяснить преступления, совершенные по неосторожности, невнимательности, в стадии аффекта, по молодости и т.п.

Правильно указывает Э.Я. Стумбина на необходимость обращать внимание на причины преступления, коренящиеся в самом субъекте. Такими причинами она называет неполное развитие воли у несовершеннолетних, неумение их проникнуть в глубину явлений, повышенную восприимчивость и т.д.³

Известно, какую большую роль в поведении человека играет так называемый переходный возраст, порождающий преувеличенное представление о своем "я", недооценку поступков и обуславливающий иногда действия, идущие в разрез с законом. Вот пример.

Два ученика 16-летнего возраста, ранее не совершавшие правонарушений и имеющие положительные характеристики из школы, днем шли по улице и разговаривали о храбрости. Один решил продемонстрировать свою храбрость. В этот момент они проходили мимо железнодорожной станции. Он вышел на пути и камнем разбил фонарь светофора и вдобавок опрокинул груды дров около будки стрелочника, а сам

1. Маландин И.Г. Происшествия и правонарушения на автотранспорте и городском электротранспорте в СССР. Саратов, 1968, с. 32-36.
2. Рубинштейн С.Л. - Принципы и пути развития психологии. М., 1959, с. 137.
3. Стумбина Э.Я. О причинах преступлений несовершеннолетних. - В кн.: Коммунистическое воспитание подрастающего поколения и предупреждение правонарушений несовершеннолетних. Рига, 1963, с. 60.

"храбро" передал себя в руки милиционера. Его судили за хулиганство. Налице тут, конечно, неправильное понимание храбрости, а не заранее привитая антиобщественная установка.¹

Здесь сталкиваемся мы со стремлением еще неполностью оформившейся личности подростка к самоутверждению и неумением его осуществить, а не с наличием антиобщественных взглядов.

"Потребность к самоутверждению, стремление к взрослости и возможности удовлетворить эту потребность и стремление - вот где, как было отмечено, надо искать главное противоречие подросткового возраста. Именно здесь находится основной источник многих конфликтов и конфликтных ситуаций."²

По всей вероятности права В.В. Коршунова, утверждая: "Формирование индивидуально-психологических особенностей личности определяется конкретными наследственными биологическими свойствами организма, а также социальной средой, в которой протекает жизнь индивида, и воспитанием."³

Справедливо и убедительно пишет К.К. Платонов: "Полное отрицание биологической стороны личности несовместимо с материалистическим пониманием сознания как свойства высокоорганизованной материи мозга человека, развивавшегося в процессе эволюции животного мира и продолжающегося развиваться в процессе истории человечества."⁴ И далее:

"Поскольку психические свойства личности в условиях деятельности должны рассматриваться как способности, постольку задатки являются врожденными предпосылками

1. См. также: Гуковская Н.И., Долгова А.И., Миньковский Г.М. Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних. М., 1974, с. 16.
Швейский В.Я.: В защиту Николаева. - В кн.: Речи советских адвокатов по уголовным делам. М., 1975, с. 198.
2. Румянцев В.М. Противоречия в развитии личности и их разрешение в процессе воспитания. Калинин, 1973, с. 240.
3. Коршунова В.В. Диалектическое единство индивидуально-психологических особенностей и общественных черт личности. М., 1967, с. 40.
4. Платонов К. К. Проблемы способностей. М., 1972, с. 51.

способностей. "1

Вот пример: За подделку талонов на бензин к ответственности был привлечен Л., обладающий настолько большой одаренностью к рисованию, вернее к копированию, что специалисты полиграфии дали заключение о том, что талоны изготовлены способом печатания. Л. отрицал свою вину, но прочитав заключение экспертизы, задевшее его самолюбие, он изъявил готовность к следственному эксперименту. В присутствии этих же специалистов он изготовил такие же талоны. Талоны на горюче-смазочные вещества были дефицитами. По делу было установлено, что преступное намерение зародилось у Л. благодаря его убежденности в своих способностях. Соучастников он не имел, талоны использовал лично. В данном случае было бы бесполезно искать другие причины, породившие в нем антиобщественные взгляды. Не имея врожденных задатков к рисованию, Л. не смог бы их развить и совершить подделку. "Психологией и педагогикой установлено, что между знаниями и поведением человека существует глубинная внутренняя связь. Знания ведут к сознательной убежденности, а убежденность - источник деятельности. "2

Становление психических свойств человека происходит под влиянием самых различных факторов. Так, например, физическая слабость может породить трусость. Известно, что человек нередко совершает неразумные действия в силу своих психических недостатков. Одни и те же явления могут вызвать разную реакцию у людей.

Как известно И.П. Павлов большую роль в деятельности индивидуума отводил темпераменту³, характеризующемуся теми или иными постоянными психическими свойствами человека и зависящими от физиологических условий его организма.

1. Платонов К.К. Проблемы способностей. М., 1972, с. 135.

2. Ануфриев Е.А. Социальная роль и активность личности. М., 1971, с. 139.

3. Павлов И.П. Молн. собр. соч. М., 1951, т. 3, кн. 2, с. 103.

В действиях человека проявляется и другая совокупность его психических особенностей - характер.

Если темперамент человека обладает большой стойкостью, то формирование характера, как пишет Н.Д. Левитов: "в конечном счете зависит от внешних условий, от общественной среды, воспитания. Имеют значение и биологические условия, роль которых в становлении характера в науке недостаточно выяснена."¹ В другом месте автор пишет: "... надо признать то, что темперамент более биологически обусловлен, чем характер; в нем больше унаследованного, он раньше формируется и проявляется, он теснее связан с биологическими потребностями организма и более устойчив."²

Говорят о сильном и слабом характерах. Мы называем человека волевым или безволевым, поддающимся всякому влиянию. А сколько убийств совершено в припадке гнева, ревности, вспыльчивости, то есть под влиянием весьма стойких, трудно поддающихся изменению особенностей темперамента и характера, приобретенных человеком отнюдь не в процессе его воспитания или под воздействием микросреды.³

Большинство пьяниц - люди со слабыми волевыми качествами. Они нередко становятся участниками преступления. В.П. Власов пишет, что "при формировании хулиганских побуждений могут иметь значение злоба, досада, зависть, тщеславие, самомнение, месть, негативизм, безнаказанность и др. Кроме чувств могут иметь значение и определенные антиобщественные интересы личности, такие как эгоистические и другие, а также аморальные взгляды и убеждения, выражающиеся в расхлябанности, недисциплинированности, нечестном отношении к служебным обязанностям и т.п."⁴

1. Левитов Н.Д. Психология характера. М., 1969, с. 349.

2. Там же, с. 64.

3. См. также Давылин И.Н. О значении мотива преступления при изучении и предупреждении преступлений. - Вопросы борьбы с преступностью, 1969, № 10, с. 65.

4. Власов В.П. Мотивы, цели и умысел при совершении хулиганских действий. - Вопросы борьбы с преступностью, 1975, М., вып. 23, с. 124. "Самый сдержанный, мягкий человек может перейти в состояние большого гнева и даже озлобления, если получит неза заслуженную обиду, увидит явную несправедливость" - утверждает Н.Д. Левитов. (Психология характера. М., 1969, с. 110).

Правильно указывает В.Н. Кудрявцев: "Нельзя, разумеется, сбрасывать со счета и индивидуальные особенности людей - свойства характера, темперамента, особенности интеллектуальной, волевой и эмоциональной сферы личности. Мы отнюдь не отвергаем биологических различий в людях и определенного влияния природных свойств организма на поведение человека, например, значение способностей, волевых навыков, состояние психики и физического здоровья."¹

Темперамент и характер человека, как его индивидуально-психологические особенности, проявляются в его поведении, поступках, поэтому игнорирование этих свойств при выявлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, приводит к пробелам в установлении истины по делу. Это значит также, что преступник не будет подвергнут надлежащему перевоспитанию и останется угрозой совершения им нового преступления.

На необходимость тщательного изучения психологической характеристики личности в целях установления истины по делу совершенно справедливо указывает И.Ф. Крылов² и другие авторы.

Особенности психических свойств человека как причину совершения преступления признает и уголовное законодательство. Так, например, Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик признают смягчающим обстоятельством: "совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего." /ст. 33/. Все уголовные кодексы учитывают совершение преступления в состоянии аффекта, т.е. в силу нервно-психического возбуждения с утратой волевого контроля.

1. Кудрявцев В. Борьба с преступностью и задачи криминологической науки. - Социалистическая законность, 1973, №2, с. 18. См. также: Миньковский Г.И. Общие вопросы предупреждения преступлений. - В кн.: Деятельность органов расследования, прокурора и суда по предупреждению преступлений. М., 1962, с. 13. См. также Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970, с. 110.
2. Крылов И.Ф. Психологическая характеристика потерпевшей при расследовании половых преступлений. - В кн.: Преступление против нравственности. Вильнюс, 1970, с. 26.

Современные достижения медицины и особенно психиатрии, психологии, биологии и др. наук располагают широкими возможностями для подавления порывов отрицательных качеств характера в степени, представляющей опасность совершить преступление, а иногда даже для полного их устранения.¹

Успешно лечатся страх, неуверенность, вспыльчивость, гнев, алкоголизм и др. Поэтому на эти черты характера необходимо обращать внимание и при установлении принимать меры к их устранению. Ко всему сказанному о том, что преступления не всегда совершаются на почве антиобщественных взглядов, следует добавить и факт, когда лицо совершает действие, которое до этого законом не преследовалось, а по новому законодательству стало наказуемым, о чем правонарушитель не знал.

Таким образом, задача органов расследования состоит в выявлении реальных причин преступления по каждому уголовному делу и принятии мер к их ликвидации.

Судебная и следственная практика свидетельствует о том, что преваляющие в литературе рекомендации о необходимости глубокого исследования широкого круга вопросов относительно причин и условий, способствовавших совершению преступлений, соблюдаются редко.

Например, даже одна из лучших следователей республики М., в процессе расследования дела о краже денег слесарем завода X, установила только, что на этом единственном в районе предприятии, куда несовершеннолетние направляются на работу, систематически устраивались пьянки по случаю первой полочки. Для продолжения такой пьянки А. и украл деньги. Считая, что причиной данной кражи является традиционная пьянка, следователь по делу не выяснял ни обстоятельства, породившие порочную традицию, ни причины преступного умысла, ни условия, способствовавшие краже.

1. Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975, с. 151.

В своем представлении следователь предложила принять "соответствующие" меры. Причина такого положения, на наш взгляд, в первую очередь кроется в отсутствии реальных возможностей у суда и следователя для выявления в широких пределах обстоятельств, породивших преступление.

Так, представляется чрезмерным требовать от следователя не ограничиваться установлением лишь того, что, например, хищение было совершено благодаря плохой охране, а выяснять: "кто именно из охранников плохо несет службу, почему факты нарушения пропускного режима не вызвали применения соответствующих мер, кто осуществляет руководство сторожевой охраной, что представляют собой по своим личным качествам, образу жизни и прошлому работники охраны, допускающие отступления от установленных требований."¹

Для того, чтобы выполнить предлагаемые требования по конкретному делу, необходимо затратить немало времени и осуществить целый комплекс мероприятий, как оперативно-розыскного характера, так и проведение следственных действий. Нужно выявить и допросить целый ряд свидетелей плохого несения службы охранниками, проверить документацию охраны, затребовать характеристики охранников и выявить их личные качества допросами сослуживцев, соседей по месту жительства, проведением экспертиз и т.п. Как видим, рекомендуется не только выяснить настоящее о личности охранников, но и установить их прошлую деятельность.

Несомненно, что установление всех этих данных вообще может принести большую помощь в деле определения и проведения надлежащей профилактической деятельности.

Ряд авторов считает, что следователь обязан не только всесторонне и глубоко выявить все обстоятельства, породившие конкретное преступление, но и конкретно указать в своем представлении, что и как подлежит устранению.

1. Зуйков Г.Г. Выявление в процессе расследования причин и условий, способствующих совершению преступлений, и принятие мер к их устранению. М., 1964, с. 31.

Непомерные рекомендации останутся на бумаге и жизнь показывает, что в целом невыполнимые предложения нередко не выполняются и в их выполнимой части. Нужно считаться с реальными возможностями следователя.

Есть ли необходимость в том, чтобы на следователя возлагать столь обширные задачи? Представляется, что не обязательно следователю вникать в подробности обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Так, например, администрация и общественные организации с успехом могут установить, кто из охранников нарушает трудовую дисциплину, каковы их личные качества, в чем выразалась их прошлая деятельность, как и кто осуществляет руководство охраной и тем более разработать профилактические мероприятия. Это прямая обязанность администрации, партийной, комсомольской, профсоюзной организаций, добровольной народной дружины и органов народного контроля. Разве следователь обязан подменять все эти организации? Конечно нет.

Поэтому полагаем, что вполне достаточно, если следователь как условие, способствовавшее совершению хищения, установит наличие плохой охраны и предложит устранить этот недостаток.

Вопрос о пределах установления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, безусловно сложен. Поэтому, очевидно, некоторые авторы дают неопределенные, по существу мало чего дающие рекомендации. Так, например, Р.Д. Рахунов и И.Д. Якименко советуют выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления "в тех пределах, в каких они содействуют правильному разрешению дела, установлению истины, а также могут предостеречь подсудимого и других лиц от совершения преступления."¹

П.А. Бейлинсон определяет пределы доказывания причин и условий, способствовавших совершению преступления, уста-

1. Рахунов Р.Д., Якименко И.Д. Выявление судом причин и условий, способствовавших совершению преступлений. М., 1967, с. 20.

новлением "ряда фактических обстоятельств, относящихся к событию преступления", мотива, цели и обстоятельств, способствовавших "проявлению во вне мотива и цели."¹

Столь абстрактно выраженные рекомендации не могут содействовать успешному выяснению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в стадии предварительного расследования. Требуется определить именно пределы, достаточные для правильного разрешения дела.

В.С. Зеленский предлагает выяснить причины и условия, способствовавшие совершению преступления "в пределах, необходимых для того, чтобы определить, представляют ли данные обстоятельства опасность в настоящее время и какие меры предупредительного порядка должны быть приняты."²

И данное определение страдает неопределенностью. Во-первых, для того, чтобы оценить опасность обстоятельств, вначале необходимо выявить их. А где же предел? Кроме того, обстоятельство может не представлять опасность в настоящее время, но может стать опасным со временем. Так, например, на фанерной фабрике от самовозгорания опилок, пролежавших в большом количестве долгое время, возник пожар и причинил большой ущерб. На обширной территории фабрики остались другие залежи опилок, не представляющие в настоящее время опасность, но по мере их накопления, они могут опять вызвать пожар. Значит ли это, что не нужно принять меры к устранению этого обстоятельства? Конечно их нужно ликвидировать в целях предупреждения пожара в будущем.

Во-вторых, непонятно, по каким признакам автор уявляет пределы выяснения обстоятельств, способствовавших совершению преступления, с характером предупредительных мер.

1. Бейлинсон П.А. Выявление в процессе предварительного расследования причин и условий тяжких преступных посягательств на личность и общественный порядок. Автореферат канд. диссертации. Тарту, 1971, с. 7-8.
2. Зеленский В.С. Предупреждение преступлений следователем. Харьков, 1975, с. 44.

Пределы выяснения обстоятельств, их оценка следователем и судом и разработка и осуществление мер по устранению этих обстоятельств находятся на разных уровнях и представляют обособленные стадии процесса предупреждения преступлений.

Следователь и суд не обязаны и не могут решить вопрос о том, как, например, устранить выпуск бракованной продукции. Это дело администрации и общественных организаций предприятия. За воспитательную работу на предприятии и в учреждении отвечают партийная, комсомольская и профсоюзная организации и следователь не должен пытаться им предписывать, как устранить недостатки в их деятельности. Достаточно, если следователь укажет им на обстоятельства, породившие преступление.

Наиболее четкое предложение о пределах установления причин и условий, способствовавших совершению преступления, сделал на наш взгляд, Г.Г. Зуйков. По его мнению подлежит установлению при расследовании преступлений:

" 1/ непосредственная причина преступления; 2/ условия, способствовавшие проявлению действия непосредственной причины в совершении конкретного преступного посягательства; 3/ причины, сформировавшие в качестве следствия непосредственную причину; 4/ условия, способствовавшие действию причин, формировавших непосредственную причину."^I

При этом Г.Г. Зуйков под непосредственной причиной понимает пережитки прошлого в сознании субъекта преступления, являющиеся, таким образом, первым звеном причинной связи явлений, породивших преступление. Автор считает, что установление первого звена по делу, является недостаточным. "Нельзя ограничиться указанием на определенные антиобщественные установки в сознании, как на непосредственную причину преступлений" - пишет автор. "Надо про-

I. Зуйков Г.Г. Выявление причин преступности предупреждение преступлений. М., 1967, с. 26.

длить связь, вскрыть не только ближайшую причину совершения преступления, но и его корни, установив, следствием чего является сама установка в сознании, вызывающая совершение преступления.¹

Как видим, автор предлагает выявлять по каждому уголовному делу два звена в области причин преступления и два последние звена в области условий, способствовавших совершению преступления. Автор не аргументирует свое мнение, почему достаточно выявлять два звена, а не три или одно.

Понятно, что чем шире исследованы причины и условия, т.е. чем больше звеньев будет установлено, тем основательнее профилактическая работа. По каждому уголовному делу усиленно выявить непосредственную причину, являющуюся в большинстве случаев антиобщественными взглядами преступника и преломляющуюся в характере преступного умысла. Во многих случаях, как правильно отмечает С.С. Остроумов, мотивы преступления совпадают с причинами преступления.²

Особых трудностей для следователя не представляет выявление первого звена условия, способствовавшего, скажем, присвоению государственного имущества, заключающегося в отсутствии надлежащего учета. Выяснение же вторых звеньев, т.е. причин, породивших антиобщественную установку и допустивших плохой учет, потребует уже больших усилий и времени, которым следователь, как правило, не располагает.

Если же при этом учесть, что преступления совершаются "не в результате действия одной какой-либо причины, а комплекса обстоятельств"³, то становится очевидным нереаль-

1. Зуйков Г.Г. Выявление причин преступности и предупреждение преступлений. М., 1967, с. 33.

2. Остроумов С.С. Уголовная статистика и предупреждение преступности. М., 1972, с. 18.

3. Карпец И.И. О природе и причинах преступности в СССР. - Советское государство и право, 1966, № 4, с. 89.

ность выявления по каждому делу двух звеньев причин и условий.

Ранее Г.Г. Зуйков считал, что "выяснить обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, необходимо так полно, как это позволяет возможность ведения расследования."¹

Содержание непосредственной причины определяется по-разному. Под непосредственной причиной совершения преступления Г.М. Миньковский понимает "совокупность обстоятельств, в результате воздействия которых на сознание, характер, психологию данного лица укоренились антиобщественные навыки и привычки, сформировался и реализовался конкретный преступный умысел."²

Поскольку автор говорит об обстоятельствах, породивших 1/ антиобщественные навыки, 2/ сформировавших конкретный преступный умысел и 3/ допустивших преступные действия, то такое количество причин и условий, способствующих совершению преступления, не согласуется с термином "непосредственная причина", предполагающей по логике вещи однозначное понятие, т.е. одну причину.

В.Н. Кудрявцев непосредственной причиной преступления называет преступное намерение. Это совершенно точное определение. Он пишет: "Этот волевой акт можно считать ближайшей /непосредственной/ причиной последующего действия человека." Разумеется, как справедливо далее пишет автор, "это еще не ответ на вопрос о причинах данного преступления потому, что необходимо установить, чем вызван этот волевой акт, какими обстоятельствами он обусловлен."³

1. Зуйков Г.Г. Выявление в процессе расследования причин и условий, способствующих совершению преступлений и принятие мер к их устранению. М., 1964, с. 16.
2. Деятельность органов расследования, суда и прокурора по предупреждению преступлений. М., 1962, с. 13.
3. Криминология. М., 1968, с. 145.

Непосредственную причину, т.е. преступное намерение, автор считает первым звеном причинной цепочки совершения преступления. Ко второму звену он относит антиобщественные взгляды, навыки, привычки преступника и конкретную жизненную ситуацию, в которой преступник находится перед совершением преступления, а третьим звеном выступают обстоятельства, породившие эти антиобщественные взгляды, привычки и навыки.¹

То, что по мнению Г.Г. Зуйкова выступает первым звеном причинной связи совершения преступления, В.Н. Кудрявцев считает вторым звеном.

Наличивающиеся у большинства преступников антиобщественные взгляды формируются, как правило в течении более или менее длительного времени и под воздействием самых различных, трудно, а порой точно неустановимых неблагоприятных обстоятельств, а поэтому представляется на наш взгляд достаточным по уголовному делу определить, где в основном формировались антиобщественные взгляды.

Установив, например, что антиобщественные взгляды были привиты в интернате, в общежитии, на производстве или в другой среде, следовательно, не выясняя причины этих обстоятельств, может поставить вопрос об их устранении.

Выяснение сути и причин обстоятельств, сыгравших роль в привитии антиобщественных взглядов лицу, совершившему преступление, не должно выходить в предмет доказывания по уголовному делу, оно выходит за пределы процесса предварительного расследования.²

В таких же пределах выясняются обстоятельства, сыгравшие роль повода и создавшие непосредственные условия для осуществления преступного замысла, т.е. установлением этих

1. Криминология. М., 1968, с. 145-146.

2. Правильно, на наш взгляд, ставит пределы Н.И. Гуковская, считая, что исследование личности подростка должно включать выяснение обстоятельств, имеющих лишь непосредственные отношения к совершению деяния. Гуковская Н.И. Деятельность следователя и суда по предупреждению преступлений несовершеннолетних. М., 1967, с. 7.

обстоятельств без расследования причин этих следствия.

Так, например, по делу устанавливается, что хищению государственного имущества содействовали отсутствие надлежащего учета материальных ценностей, бесконтрольность и плохой подбор материально-ответственных лиц. Причины же бесконтрольности и других условий, способствовавших данному хищению, выяснению по уголовному делу можно не подвергать, ибо они будут установлены и анализированы лицом, перед которым следователь поставит вопрос об устранении обстоятельств, содействовавших совершению преступления.¹

Выясняя нравственное формирование обвиняемого и выявляя условия, которые послужили поводом к осуществлению преступного намерения, следователь, как правило, сталкивается с вопросом о том, нужно ли выяснять обстоятельства, могущие способствовать совершению преступлений, но не связанные с расследуемым делом.

Мы присоединяемся к мнению авторов, отвечающих на этот вопрос отрицательно.² Это не значит, однако, что следователь не обязан на такие обстоятельства реагировать, т.к. в его задачу, вытекающую из общих задач уголовного судопроизводства, определенных статьями 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и УПК Латвийской ССР, входит предупреждать преступления. Предупредить преступление является моральной обязанностью каждого советского гражданина.

Пределы выявления обстоятельств, способствовавших со-

1. Мы поддерживаем авторов, считающих, что продолжать исследование причин может администрация. См. например: С.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. Т.1, М., 1968, с. 368; Мотовиловкер Я.О. Предмет советского уголовного процесса. Ярославль, 1974, с.15.
2. См. например: Якубович Н.А. Предмет и пределы доказывания при выявлении причин и условий, способствующих совершению преступления. - В кн.: Выявление причин и условий преступления и принятие предупредительных мер по уголовному делу. М., 1967, с. 30.

вершению преступления, должны быть соразмерными пределам доказывания вообще в уголовном процессе, предполагающим исследование предмета доказывания "не во всех без исключения деталях"¹, а только в объеме, необходимом для выполнения задач судопроизводства.

Правда, пределы выяснения других обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, вырисовываются точнее, так как здесь идет речь о весьма конкретных понятиях, как: о времени и месте совершения преступления, о составе преступления, размере ущерба и т.п. Обстоятельства же, породившие преступление, представляют собой весьма и весьма сложное, комплексное явление.

Итак, в каких же пределах, как широко следует выяснять обстоятельства, которые привели лицо к совершению преступления?

Исходя из изложенного представляется, что по каждому уголовному делу необходимо доказать преступное намерение и его причину, непосредственные условия, способствовавшие совершению преступления, а также непосредственные источники их происхождения с целью принять меры к устранению этих обстоятельств и предупреждения других преступлений.

В стадии предварительного расследования необходимо установить ближайшие, непосредственно породившие преступление явления, или, как учит марксизм-ленинизм, причины первого порядка.

Каждое преступление совершается по какой-либо одной причине и при содействии, как правило, нескольких условий.

В отличие от причин, породивших обстоятельства, способствовавших совершению преступления, под источниками происхождения этих обстоятельств понимаются материально выраженные объекты с присущими им недостатками. Это может быть среда, привившая преступнику антиобщественные взгляды; семья, воспитавшая отрицательные личностные качества; цех, I. Советский уголовный процесс. М., 1975, с. 121.

выпустивший бракованную продукцию; склад, в котором отсутствует надлежащий учет товаро-материальных ценностей; отдел кадров, сотрудники которого плохо выполняют свои обязанности и т.п.

Установление источника обстоятельств, способствовавших совершению преступления, предполагает найти адресат для представления следователя о принятии мер к устранению этих обстоятельств.

Установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, по конкретному делу в этих пределах на наш взгляд является обязательным и в необходимо наименьшем объеме, однако, если у следователя по конкретному делу имеются возможности шире и более глубоко исследовать причины преступления и способствующие им условия, то это пойдет только на пользу и, безусловно, будет содействовать более эффективной профилактике правонарушений.

Обстоятельства преступления должны быть доказанными. В представлении о принятии мер к устранению обстоятельств, способствовавших преступлению, необходимо указывать конкретные факты.

Предлагая пределы расследования причин и условий, способствовавших совершению преступления, мы не претендуем на бесспорность и исчерпывающее решение столь важного и сложного вопроса, а делаем попытку найти путь к активизации деятельности органов расследования по предупреждению преступлений.

Выявление и принятие мер к устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, следует считать аксиомой советского судопроизводства и без установления этих обстоятельств нельзя рассматривать преступление раскрытым в широком смысле этого слова. В социалистическом обществе нет и не может быть неустранимых обстоятельств, порождающих преступное действие или бездействие.

ФОРМУЛИРОВКА ОБВИНЕНИЯ В ПОСТАНОВЛЕНИИ О ПРИВЛЕЧЕНИИ
ОБВИНЯЕМОГО К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ
ПРАВДИВЫХ И ПОЛНЫХ ПОКАЗАНИЙ ОБВИНЯЕМОГО.

Показания обвиняемого, как известно, служат источником доказательств. Для получения от обвиняемого правдивых и полных показаний большое значение имеет использование доказательств, имеющихся в деле. Однако спорным является вопрос о том, когда использовать ообранные по делу доказательства: использовать ли их только при допросе обвиняемого или указать в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности.

Постановление о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности — один из важнейших процессуальных актов. Поэтому при рассмотрении проблемы предъявления доказательств в процессе допроса обвиняемого необходимо выяснить значение содержания этого постановления в аспекте получения правдивых и полных показаний обвиняемого. С принятием этого постановления подозреваемый в совершении преступления становится обвиняемым, приобретая с этого момента права, соответствующие его процессуальному положению.

В зависимости от того, каким образом следователь мотивировал свое постановление о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности, какими доказательствами его обосновал, можно судить не только о законности постановления, но и о его значении для тактики допроса обвиняемого. Как правильно указывает И. Герасимов, предъявление обвинения следует рассматривать с позиции всей системы следственных действий, причем оно должно быть предметом исследования с точки зрения криминалистической тактики.¹

¹ Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975, с. 66.

Статья 145 УПК Латвийской ССР предусматривает, что при наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления, следователь выносит мотивированное постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого. Из сказанного следует, что основанием для привлечения к уголовной ответственности является такая совокупность собранных доказательств, которая достаточна для вывода, что преступление совершено именно тем лицом, которому предъявлено обвинение.

Статья 145 УПК Латвийской ССР не требует, чтобы в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности были указаны также и обосновывающие его доказательства; закон ограничивается указанием на обязанность следователя постановление мотивировать.

В комментарии к статье 145 УПК Латвийской ССР указано, что постановление о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности должно соответствовать требованиям статьи 146 УПК.¹ Эта статья предусматривает, что в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого указывается: место и время его составления; кем составлено постановление; фамилия, имя, отчество и возраст, а также иные необходимые данные, характеризующие личность обвиняемого; преступление, в совершении которого обвиняется данное лицо, с указанием времени, места и других обстоятельств совершения преступления, поскольку они установлены материалами дела; статья уголовного кодекса.

Анализ статьи 145 УПК Латвийской ССР показывает, что и она не содержит требования в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности указывать те доказательства вины обвиняемого, на которых основано его привлечение к уголовной ответственности. Отметим, что такое требование не содержится также в большинстве уголовно-процессуальных кодексов союзных республик.

---

¹ Комментарий уголовно-процессуального кодекса Латвийской ССР. Рига, 1968, с. 221.

Исключением являются уголовно-процессуальные кодексы Казахской и Литовской ССР. Так, статья 158 УПК Казахской ССР устанавливает, что в постановлении о предъявлении обвинения указывается его основание, а статья 162 УПК Литовской ССР предусматривает, что в постановлении необходимо указывать также главные доказательства, которые следователь считает возможным указать.

В вопросе о необходимости в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности излагать доказательства в юридической литературе также нет единого мнения.

Шавер Б. высказывает соображение, что от усмотрения следователя зависит, следует ли в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности, помимо фактической стороны и обстоятельств совершения преступления, указывать соответствующие доказательства или же не указывать их¹. В тех случаях, когда следователь убежден, что обвиняемый, ознакомившись с доказательствами, не использует эти сведения для искажения истины в ущерб ее раскрытию, и что, наоборот, они побудят обвиняемого к правдивым показаниям, следователь должен указать в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности все имеющиеся доказательства².

Л. Карнеева считает, что в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности достаточно указывать лишь на обстоятельства, установленные в результате оценки доказательств. Следователю легче выяснить позицию обвиняемого, если доказательства, в отношении которых необходимо получить объяснения обвиняемого, предъявляются ему в процессе допроса,

---

¹ Шавер Б. И. Допрос - В кн.: Криминалистика, М, 1940, с. 121;
Шавер Б. И. Методика допроса, - Социалистическая законность, 1940, с. 41.

а не до него.¹ В другой работе Карнеева Л. и Статкус В. высказывают мнение, что вопрос об упоминании доказательств в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности нельзя во всех случаях решать однозначно, без исключения. Ссылка в постановлении на доказательства подкрепляет обоснованность этого процессуального акта, одновременно помогая обвиняемому осуществлять свое право на защиту. Нельзя при этом упускать также из виду тактические соображения. В случае, когда имеющиеся доказательства обвиняемого известны уже до предъявления ему обвинения, или же тогда, когда без ссылок на конкретные доказательства невозможно изложить способ совершения преступления, например, по делам о хищениях и злоупотреблениях, в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности необходимо называть соответствующие доказательства.²

Лиеле А. указывает, что по тактическим соображениям в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности доказательства, подтверждающие вину обвиняемого, указывать не следует. Однако обвинение должно быть сформулировано достаточно конкретно, что должно обеспечить обвиняемому возможность защищаться.³

Иной точки зрения придерживаются Рахунов Р., Жогин Н., Фаткуллин Ф., Карев Д. и другие. Так, Рахунов Р. пишет, что в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности нужно указывать доказательства, являющиеся основанием для привлечения к уголовной ответственности.⁴

---

¹ Карнеева Л.М. Привлечение в качестве обвиняемого. М., 1962, с. 57-58.

² Карнеева Л.М., Статкус В.Ф. Предъявление обвинения. М., 1973, с. 41-42.

³ Liēle A. Latvijas PSR Kriminālprocess (Sevišķā daļa), Rīga 1973. g., 87. lpp.

⁴ Рахунов Р.Д. Предварительное расследование в советском уголовном процессе. Автореферат дис. на соиск. учен. степени докт. юрид. наук. М., 1961, с. 193.

Только зная обстоятельства дела и основные доказательства, обвиняемый получает возможность защищаться от предъявленного ему обвинения.¹ По мнению Рахунова Р. трудности предварительного следствия преодолимы не путем сокрытия от обвиняемого всех доказательств, но при помощи активных действий, своевременно включая в ход расследования доказательства в качестве средства противодействия негативной позиции обвиняемого.²

Жогин Н. и Фаткуллин Ф. полагают, что в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности следователь может называть те доказательства, которые уже восторонне исследованы. Однако при этом следователь не должен ссылаться на источники этих доказательств и не называть лиц, показаниями которых подтверждены фактические данные.³

Карев Д. полагает, что из текста закона бесспорно явствует, что в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности необходимо указать те фактические данные, которые обосновывают вывод следователя о вине конкретного лица в совершении преступления. По мнению этого автора, по соображениям следственной тактики, нет необходимости указывать в постановлении на конкретных свидетелей, давших те или иные показания, хотя суть соответствующих показаний в постановлении указывать нужно.⁴

Из всего сказанного явствует, что по вопросу формулировки постановления о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности рядом авторов, процессуалистов и криминалистов, высказаны весьма существенные суждения. Большинство

---

¹ Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961, с. 198.

² Рахунов Р. Д. Признание обвиняемым своей вины. М., 1975, с. 97.

³ Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965, с. 208.

⁴ Карев Д. С. Предъявление обвинения и допрос обвиняемого. - В кн.: Советский уголовный процесс. М., 1968, с. 244.

авторов придерживается мнения, что при оставлении постановления о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности следует учитывать также и тактические соображения. Можно присоединиться к точке зрения Карева Д., что в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности необходимо те фактические данные, которые позволяют судить о вине конкретного лица в совершении преступления. Думается, что нельзя согласиться с теми авторами, которые полагают, что следователю легче выяснить позицию обвиняемого, если доказательства, в отношении которых необходимо получить объяснения обвиняемого, будут ему предъявлены в процессе допроса, а не до того. Как убедительно говорит Рахунов Д., разоблачение — не самоцель.^I

Установить истину удастся полнее и раньше тогда, когда обвиняемый, ознакомившись с постановлением, убедится, что предъявленное ему обвинение действительно основано на фактических данных. Такие данные, содержащиеся в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности, должны убедить его в том, что вина его доказана.

Отношение обвиняемого к предъявленному ему обвинению в большинстве случаев не возникает стихийно, а определяется доступной обвиняемому информацией о доказательствах, собранных по делу. Поэтому особенно важно и психологически, и тактически, если о наличии некоторых из имеющихся доказательств обвиняемый узнает уже при ознакомлении его с постановлением о привлечении к уголовной ответственности.

Если постановление содержит указания на конкретные доказательства, то обвиняемый может избрать положительную позицию; в ином случае установка обвиняемого может быть негативной. Только обоснованное постановление о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности может побудить его занять правильную позицию. Ознакомившись с фактическими данными, ус-

^I Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961, с. 198.

тановленными по делу, обвиняемый приобретает также реальную возможность осуществлять свое право на защиту. По соображениям следственной тактики не следует в постановлении сом- ляться на источник доказательств, из которых соответствующие фактические данные почерпнуты, как и нет необходимости пере- числять все доказательства, а лишь только те, которые следова- тель сочтет возможным называть.

Рахунов Р. придерживается мнения, что неведение обвиня- емого о наличии доказательств может иметь как положитель- ное, так и отрицательное значение. Положительным этот автор считает неосведомленность обвиняемого о разоблачающих его материалах по тем соображениям, что такое неведение предот- вращает возможное противодействие обвиняемого. Отрицательное значение автор усматривает в том обстоятельстве, что незна- ние материалов дела препятствует использованию обвиняемым своего права на защиту, так как одним из средств защиты явля- ются показания обвиняемого.^I

С такой точкой зрения можно согласиться лишь частично, ибо она не охватывает все возможности отрицательного значе- ния неведения обвиняемого о собранных по делу доказательст- вах. Как уже отмечалось выше, такое неведение оказывает дей- ственное влияние на формирование позиции обвиняемого в отне- шении предъявленного ему обвинения. Не зная, располагает ли следователь доказательствами, обосновывающими постановление обвиняемый может занять негативную позицию, препятствующую установлению истины по делу. Не подкрепляя постановление до- казательствами, следователь, сам того не сознавая, может содей- ствовать возникновению такой установки обвиняемого, которая будет способствовать сокрытию истины, а не ее раскрытию.

Роша А. правильно отмечает, что одна из предпосылок, влияющая на позицию обвиняемого - это систематически предо- ставляемая ему информация в виде выводов следователя, собран-

---

^I Рахунов Р. Д. Признание обвиняемым своей вины. М., 1975, с. 84.

ных им доказательств, иных фактических данных и т.п.¹
Из этого следует, что полное неведение обвиняемого об имеющихся доказательствах может вызвать отрицательные последствия, а именно: 1) препятствовать осуществлению обвиняемым его права на защиту и 2) способствовать возникновению такой установки обвиняемого, которая направлена на искажение истины.

Следовательно надо полагать, что нет оснований расценивать положительно отсутствие указаний на собранные по делу доказательства в постановлении следователя о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности. Сообщение обвиняемому об имеющихся доказательствах его вины, указывая в постановлении на основные из них, может положительно влиять на формирование благоприятной позиции обвиняемого, направленной на полное раскрытие истины.

Изучение следственной практики Прокуратуры и Министерства внутренних дел Латвийской ССР за время с 1970 года по 1974 год позволило установить, что в 99% постановлений о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности не указаны доказательства, обосновывающие обвинение. Обвиняемые, которым эти постановления были предъявлены, на вопрос следователя о том, признают ли они себя виновными в предъявленном им обвинении, в 34% случаев ответили отрицательно. В то же время из материалов соответствующих дел явствует, что ко времени принятия постановления о привлечении обвиняемых к уголовной ответственности, в распоряжении следователей имелись вполне достаточные доказательства вины в совершении инкриминированных преступлений.

Анализ следственной практики показывает, что отсутствие в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности ссылок на обосновывающие вину доказательства в большинстве случаев отрицательно влияют на отношение обвиняемого к предъявленному ему обвинению.

---

¹ Роша А.Н. Эмоциональное состояние обвиняемого во время допроса - Вестник Московского ун-та. Серия X. Право, 1964, с.58, №3.

Следственная практика в ЛатвССР свидетельствует о том, что вынося постановление о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности, следователи руководствуются только теми требованиями, которые содержатся в статье 146 УПК ЛатвССР. Эта статья, как уже упоминалось, не требует указывать в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности доказательства, обосновывающие это постановление. Этим и объясняется факт, что в большинстве таких постановлений ссылка на доказательства отсутствует.

Представляется целесообразным дополнить текст статьи 146 УПК ЛатвССР требованием указывать в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности основные доказательства, подтверждающие обвинение. Такое дополнение УПК ЛатвССР представляется целесообразным в интересах законности постановления, ускорения и успешности расследования. Это представляется необходимым также с точки зрения тактики расследования. Указание в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности основных доказательств может побудить обвиняемого дать правдивые и конкретные показания уже в первоначальной стадии допроса, в процессе свободного изложения им своих показаний. Обосновывая постановление конкретными фактическими данными, обладающими доказательственным значением, следователь может устранить излишние трудности, которые могут возникнуть в противном случае и заключаться в необходимости интенсивных длительных и повторных допросов обвиняемого. Недостаточно аргументированное постановление может способствовать возникновению отрицательной позиции обвиняемого и побудить его к сокрытию истины в своих показаниях. Проверка и опровержение таких показаний зачастую сопряжена со значительными трудностями.

Вопрос о том, какие именно доказательства должны упоминаются в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности, должен решать следователь в зависимости от конкретной следственной ситуации и характера дела. При этом следует руководствоваться соображениями следственной тактики, направленными на полное, быстрое и объективное раскрытие истины, соблюдая и реально обеспечивая при этом право обвиняемого на защиту.

СОДЕРЖАНИЕ

В.М.Галкин, М.И.Блум. Уголовно-правовой запрет	3
М.И.Блум. Некоторые вопросы квалификации действий соучастников	20
У.Я.Крастиньш. Понятие объекта преступлений в области охраны природы	38
В.А.Лихолая. Предупреждение угона средств механического транспорта	51
О.В.Рудзитис. Некоторые вопросы предупреждения мошенничества	62
А.А.Рейгасе. Развитие советского уголовного права в Советской Социалистической Республике Латвии	73
Э.Я.Стумбина. Из истории вопроса о понимании преступности и ее причин	96
А.К.Кавалиерис. Организация и использование возможностей современных систем информации в борьбе с преступностью ..	112
И.Г.Индулен. Привлечение общественности - необходимая предпосылка успешной деятельности органов расследования по предупреждению преступлений	123
Р.Г.Домбровский. Соотношение познания и доказывания в судебном исследовании	136
И.Г.Индулен, В.Б.Даукшис. Пределы выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в стадии предварительного расследования	150
В.К.Смилгайнис. Формулировка обвинения в постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности для получения правдивых и полных показаний обвиняемого...	179

ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
Межведомственный сборник научных трудов

Редакторы: А.Лиеле, Р.Довгополова

Технический редактор Г.Гутмарце, Корректор Г.Гутмарце

Подписано к печати 23.02.1978. ЯТ 12046, Ф/с 60x84/16.
Бумага №1. 12,0 физ.печ.л. 8,5 уч.-изд.л. Тираж 500 экз.
Зак. № 503. Цена 85 к.

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 226098, б. Райниса, 19

Отпечатано на ротационте, Рига 226050, ул. Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П.Стучки

422519

44/5458

85 R.

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0509023291